

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ИВАН ИВАНОВИЧ ДМИТРИЕВ (1760–1837)
ЖИЗНЬ. ТВОРЧЕСТВО. КРУГ ОБЩЕНИЯ

Чтения Отдела русской литературы XVIII века

Выпуск 6

Санкт-Петербург

2010

УДК 882(09)

ББК 83

В 76

Серия «Петербург в европейском пространстве науки и культуры».

Иван Иванович Дмитриев (1760–1837). Жизнь. Творчество. Круг общения / Ред. А. А. Костин, Н. Д. Кочеткова [Чтения Отдела русской литературы XVIII века. Выпуск 6]. – СПб., 2010. – 244 с.: ил.

Редакционный совет серии:

член-корр. РАН В. В. Окрепилов (*председатель*),
член-корр. РАН В. Е. Багно, член-корр. РАН И. И. Елисеева,
к. и. н. Е. А. Иванова (*ученый секретарь*), академик Н. Н. Казанский,
д. филос. н. Э. И. Колчинский, академик А. В. Лавров, д. п. н. В. П. Леонов,
член-корр. РАН И. П. Медведев, д. и. н. В. Н. Плешков,
академик И. М. Стеблин-Каменский

Редакторы сборника:

А. А. Костин, Н. Д. Кочеткова

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 10-04-14065 г)*

ISBN 978-5-86763-246-5

© Санкт-Петербургский научный центр РАН, 2010

© Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2010

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	стр.
<i>Предисловие</i>	5
<i>Н. Д. Кочеткова</i>	
«Русский Лафонтен» (К литературной репутации Дмитриева)	7
<i>О. В. Алексеева</i>	
Поэт, мемуарист и автор писем: конструирование авторского облика в творчестве Дмитриева	19
<i>Н. А. Гуськов</i>	
Оппозиция «парадное – приватное» в творчестве Дмитриева	28
<i>А. С. Бодрова</i>	
Из комментариев к поздним стихотворениям Дмитриева	43
<i>С. Дикинсон</i>	
Дмитриев и освоение русского пространства	55
<i>Е. К. Беспалова</i>	
К вопросу о связи Дмитриева с московскими масонами конца XVIII века	66
<i>А. Ю. Соловьев</i>	
И. И. Дмитриев и В. В. Измайлов	80
<i>А. А. Костин</i>	
И. И. Дмитриев – председатель Комиссии под председательством Ивана Дмитриева (1816–1819)	92

<i>А. А. Добрицын</i>	
Заметки о французских источниках и посредниках Дмитриева (<i>Стансы и Подражание Петрарку</i>)	109
<i>М. Шиппан</i>	
Карл Фридрих фон дер Борг – переводчик Ивана Дмитриева	120
<i>У. Екуч</i>	
Дмитриев в Германии. К вопросу о переводческой и лите- ратурно-критической рецепции	129
<i>Е. В. Карпова</i>	
Произведения изобразительного искусства в стихах и пись- мах Дмитриева	146
<i>С. И. Панов</i>	
«Осень патриарха»: Неизвестные мемуары о поздних годах Дмитриева	165
<i>К. А. Ильина</i>	
Как И. И. Дмитриев не стал попечителем учебного округа ...	220
<i>С. Г. Зацаринный</i>	
О предках И. И. Дмитриева	225
<i>Указатель имен</i>	229
<i>Список сокращений</i>	239
<i>Сведения об авторах</i>	240

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник продолжает один из разделов серии Объединенного научного совета по общественным и гуманитарным наукам Санкт-Петербургского научного центра РАН «Санкт-Петербург в европейском пространстве науки и культуры», подготовленный совместно с Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Сборники этого раздела включают в себя материалы международных научных конференций, проводящихся Отделом (до 2008 года Сектором) русской литературы XVIII века ИРЛИ РАН и посвященных важным юбилейным датам истории русской литературы этого периода. С 2002 по 2009 год было подготовлено пять таких сборников¹ – это позволяет считать их сложившейся научной серией, почему мы и посчитали возможным вынести на титульный лист шестого ее сборника условное название: «Чтения Отдела русской литературы XVIII века». Вполне осознавая накладываемые таким решением обязательства, надеемся, что серия эта будет продолжаться и в дальнейшем.

Сборник к 300-летию И. И. Дмитриева (1760–1837), одного из крупнейших русских поэтов рубежа XVIII–XIX веков, видного государственно-го деятеля эпохи Александра I, сложился преимущественно из материалов одноименной конференции, проведенной ИРЛИ РАН 27–28 сентября 2010 года при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Многогранность деятельности Дмитриева в значительной степени отразилась на содержании статей, вошедших в сборник. Проблема образа

¹ Н. А. Львов и его современники: литераторы, люди искусства / Отв. ред. Н. Д. Кочеткова. СПб., 2002; А. Н. Радищев: русское и европейское Просвещение : материалы Международного симпозиума, 24 июня 2002 г. / Отв. ред. Н. Д. Кочеткова. СПб., 2003; В. К. Тредиаковский: к 300-летию со дня рождения / Отв. ред. Н. Д. Кочеткова. СПб., 2004; Основание национального театра и судьбы русской драматургии: (К 250-летию создания театра в России) / Отв. ред. Н. Д. Кочеткова. СПб., 2006; Российская Академия (1783–1841): язык и литература на рубеже XVIII–XIX веков / Ред. А. А. Костин, Н. Д. Кочеткова, И. А. Малышева. СПб., 2009.

писателя, сочетания в нем во многом интимного творчества с блестящей государственной карьерой так или иначе затрагивается в статьях Н. Д. Кочетковой, О. В. Алексеевой, Н. А. Гуськова, А. С. Бодровой. Различные аспекты биографии Дмитриева, его родственные и дружеские связи рассматриваются в статьях и сообщениях Е. К. Беспаловой, А. Ю. Соловьева, А. А. Костина, К. А. Ильиной и С. Г. Зацаринного. Влиянию на творчество Дмитриева европейской поэзии, восприятию его в Германии, а также отражению в его сочинениях произведений изобразительного искусства и формированию в них образа русского пространства посвящены статьи С. Дикинсон, А. А. Добрицына, У. Екуч и Е. В. Карповой. Особый интерес представляют подготовленные С. И. Пановым и публикуемые впервые воспоминания о Дмитриеве близкого ему в последние годы А. А. Иовского.

Проявленный в настоящем сборнике интерес к жизни и творчеству Дмитриева (а среди его авторов и литературоведы, и историки, и искусствоведы, и краеведы) свидетельствует об общественном и научном интересе к этой крупнейшей фигуре русской культуры рубежа XVIII–XIX веков. Хочется надеяться, что изучение его будет плодотворно продолжено в последующие годы.

Е. А. Иванова, А. А. Костин, Н. Д. Кочеткова

«РУССКИЙ ЛАФОНТЕН» (К ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ ДМИТРИЕВА)

Н. Д. Кочеткова

В своем обстоятельном исследовании «И. И. Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века»¹ на обширном материале В. Э. Вацуро блестяще проанализировал позицию поэта, занятую им в спорах между шишковистами и карамзинистами, непосредственно коснувшихся и его собственного творчества. Эти споры развернулись, когда Дмитриев уже снискал славу «русского Лафонтена», что особенно раздражало его литературных противников, особенно таких как П. И. Голенищев-Кутузов и Д. И. Хвостов.

Известность Дмитриева, как принято считать, началась с «Московского журнала» (1791–1792) Н. М. Карамзина, где были опубликованы многие его стихи, в том числе знаменитые стихотворные сказки «Модная жена», «Картина», песня «Стонет сизый голубочек» и др. Однако писать стихи Дмитриев начал задолго до этого: в своих мемуарах он сообщал: «С семьсот семьдесят седьмого года начались первые мои опыты в рифмовании, мне совестно сказать, в поэзии. <...> Все они брошены в огонь, коль скоро я узнал о их неправильности»². Поэт стыдился своей первой публикации, «Надписи князю Антиоху Дмитриевичу Кантемиру», появившейся в издававшихся Н. И. Новиковым «Санктпетербургских ученых ведомостях» (1777. № 15). А. И. Дмитриев укорял младшего брата за то, что, обращаясь к французским авторам, он «прилепился к ветреному Дорату»

¹ Вацуро В. Э. И. И. Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века // XVIII век : сб. 16 : Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1989. С. 139–179.

² Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь // И. И. Дмитриев. Сочинения : в 2 т. / Ред. и примеч. А. А. Флоридова. СПб., 1893. Т. 2. С. 18.

(Л.-Ж. Дора) и называл брата «невеждою или жалким рифмокропателем»³. Тем не менее И. И. Дмитриев продолжал писать стихи и даже рассылал их в разные журналы, не ставя подписи. Случайно он услышал уничижительный отзыв о своих стихах «Идиллия» и «Стихи на кончину доктора Вира», напечатанных в журнале П. А. Плавильщикова «Утра» (1782). На поэта этот отзыв произвел настолько сильное впечатление, что он решил хранить свои стихи «до времени под спудом». Тем не менее они становились известны его знакомым литераторам, в частности П. Ю. Львову. Важным свидетельством является письмо Дмитриеву, предпосланное «сельской повести» П. Ю. Львова «Роза и Любим», опубликованной в 1790 году. Фамилия поэта была скрыта под легко узнаваемым псевдонимом: «И. И. Д. и. р. в.». Львов писал: «Нежный Д. и. р. в.! Желая я, чтобы в деревенской моей *Розе* нашел ты простоту, приятность, нехитрый ум, чувствительность и вкус и чтобы она в глазах твоих так же блистала сими природными сокровищами, как в прекрасных стихах твоих дышат нежностью *Прелесты* и *Плениры*, чувствованиями твоими одушевленные»⁴. Говоря далее о публикуемой повести и вышедшей годом раньше «Российской Памеле»⁵, Львов обращался к Дмитриеву как к своему единомышленнику, чтобы защититься от упреков в подражании: «Ты, любезный и почтенный Д. и. р. в. достойный сын России, верно, одинакого со мною мнения, и для того к тебе сие пишу, что чувствительное сердце твое, усердием к отечеству горящее, с восторгом почувствует мою справедливость и потом будет прилежным судьей моих слабых трудов. <...> Некоторые читатели, судившие *Российскую Памелу*, в которой видны и робость моя, и несовершенство, и стремительное желание подражать достохвальным писателям, в чем ты весьма успеваешь, говорят, что я в иных местах писал не свое, а принадлежащее сим творческим умам <...>». Закljučая письмо, Львов называет Дмитриева не только другом, но и наставником: «Почтенный друг, ты найдешь в моих трудах погрешности, отнеси оные к моей робости и удостой меня твоими примечаниями. Вкус твой и нежность будут мне служить примером для будущих моих упражнений, будут мне воспоминать, кому я за успехи мои обязан, и усугубят ту преданность, кою исполнен.

Тебе покорный слабый сочин<итель> Российской Памелы

³ Дмитриев И. И. Взгляд ... С. 20.

⁴ Львов П. Ю. Роза и Любим. Сельская повесть. СПб., 1790. С. VII. Текст письма Дмитриеву с небольшими неточностями перепечатан в кн.: Русская сентиментальная повесть / Сост., общ. ред., вступ. ст. и коммент. П. А. Орлова. М., 1979. С. 33–34.

⁵ Львов П. Ю. Российская Памела, или История Марии, добродетельной поселянки. СПб., 1789. Ч. 1–2. Среди подписчиков на это издание названо имя И. И. Дмитриева.

Р. С. Приношу мою чувствительную благодарность за стихи, коими ты меня удостоил. Наставники обыкновенно похваляют учеников своих для того, дабы усугублять их к трудам рачение и тем соделывать их толико же совершенными, колико они сами»⁶.

Известно, что очень скоро, вероятно, не без влияния Карамзина Дмитриев изменил свое отношение к Львову, который впоследствии примкнул к его литературным противникам⁷. Но в 1790 году он надеялся найти в Дмитриеве покровителя на литературном поприще. В том же году предпримчивый Львов обращался с лестными посвящениями и к Г. Р. Державину, и к Д. И. Фонвизину, авторитет которых в литературном мире был уже упрочен. Державину он посвятил свой перевод сочинения А. Попа «Храм славы», а Фонвизину – собственное произведение «Храм истины, видение Сизостриса, царя египетского». Дмитриев оказывался, таким образом, одним из трех наставников молодого автора, наставником, мнением которого дорожили: он как бы приравнивался к самым маститым писателям.

По запискам Дмитриева известно, что именно Павел Львов ввел Дмитриева в дом Державина. В одном из первоначальных вариантов статьи П. А. Вяземского, предварившей 6-е издание стихотворений поэта⁸, содержится интересное упоминание, которое не вошло в окончательный текст статьи. Вспоминая о посещении Дмитриевым дома Державина, Вяземский писал: «Здесь познакомился он и с литераторами, первенствующими тогда на русском Парнасе, Львов (Н. А.), оставивший несколько приятных стихотворений, был один из ободрителей возникающего его дарования; в этом обществе прочел он первый опыт свой в переводе басен Лафонтена, и предсказали ему блестящие успехи в сем роде. Такое предсказание приносит честь прозорливости и верности вкуса судей, а поощрение еще более чести беспристрастию приверженцев и друзей Хемницера»⁹. Это свиде-

⁶ Львов П. Ю. Роза и Любим ... С. XI.

⁷ См.: Ваууро В. Э. И. И. Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века ... С. 145–147.

⁸ Вяземский П. А. Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева // И. И. Дмитриев. Стихотворения. СПб., 1823. Ч. 1. С. I–LII.

⁹ Цит. по: Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский : Жизнь и творчество. Л., 1969. С. 88. М. И. Гиллельсон опубликовал этот текст по рукописи, хранящейся в РГАЛИ (Ф. 195. Оп. 1. № 1025). Этот же отрывок находится и в другой рукописи начального варианта статьи Вяземского, хранящейся в ИРЛИ (Ф. 309. № 1100. Л. 7 об.). В рукописи не указан ни автор, ни название статьи, ни дата.

тельство интересно в нескольких отношениях. Во-первых, показательно, что Дмитриев выбирает для своего выступления перед взыскательными знатоками свой перевод басни Лафонтена. Во-вторых, знатоки не просто одобряют его, но предсказывают поэту «блестящие успехи» именно в этом жанре. Наконец, в-третьих, опыт Дмитриева получает одобрение, несмотря на то, что он как бы вступает в соревнование с И. И. Хемницером, уже признанным баснописцем и другом знатоков.

Если Хемницер ориентировался преимущественно на басенный опыт Х.-Ф. Геллерта, то Дмитриев – на французскую традицию, связанную прежде всего, конечно, с именем Ж. Лафонтена. В русской литературе уже был Пиндар и «наших стран Малерб» – Ломоносов¹⁰, Расин – Сумароков¹¹, Мольер – Фонвизин, Гомер – Херасков, Гораций – Державин, но имя русского Лафонтена не удержалось ни за Сумароковым, ни за Херасковым¹², несмотря на популярность басенного жанра. Дмитриев избрал эту роль, и выбор получил признание, хотя и не сразу.

В стихотворном «Письме к И. И. Д<митриеву>», опубликованном в первой книге «Аонид» (1796), В. Л. Пушкин уподоблял поэта не Лафонтену, но Анакреону:

Так ты, любезный наш певец,
Вслед шествуя Анакреону,
От граций получил венец¹³.

¹⁰ См.: Кузнецов В. А. Поэтические уподобления в русской литературе XVIII в.: к вопросу о персонифицированности классицистического эстетического сознания // Вестник Санкт-Петербургского университета. 1993. Вып. 1. С. 73–78. (Серия 2. История. Языкознание. Литературоведение).

¹¹ Почитатели Сумарокова, признавая его «русским Расином», уподобляли его и другим знаменитым французским авторам. Для В. И. Майкова он был «Расин, де Лафонтен, Кино со Молиером» (Майков В. И. Избранные произведения / Вступ. ст., подготовка текста и примеч. А. В. Западова. М.; Л., 1966. С. 284). Французский историк П.-Ш. Левек в своей «Истории России» (Levesque P.-Ch. Histoire de Russie. Hamburg–Brunswick, 1800. Т. 5. Р. 148–149) высоко отзывался о баснях Сумарокова, считая, что им можно противопоставить только басни Лафонтена. Это суждение привел В. К. Кюхельбекер в статье «Взгляд на нынешнее состояние русской словесности» (1817). См.: Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи / Изд. подготовили М. Г. Альтшуллер, Н. В. Королева. Л., 1979. С. 434.

¹² В стихотворении «Станс к его превосходительству милостивому государю Михайлу Матвеевичу Хераскову» И. Ф. Богданович попытался представить Хераскова классиком разных жанров, в том числе и басенного: «Пильпаи, Федры, Лафонтены тебе могли бы подражать» (Собеседник любителей русского слова. 1784. Ч. 13. С. 3).

¹³ Аониды. 1796. Кн. 1. С. 92.

Однако после появления в 1804 году «Анакреонтических песен» Державина с его именем стало связываться представление не только о русском Горации, но и о русском Анакреоне. Дмитриев же стал представлять как непревзойденный автор басен и стихотворных сказок, последователь и даже соперник Лафонтена. Две из семи сказок Дмитриева и двенадцать из сорока восьми его басен – это вольные переводы и переложения Лафонтена. В басне «Желания» (1797) русский автор шутливо подчеркивал свою зависимость от Лафонтена:

Сердися Лафонтен иль нет,
А я с ним не могу расстаться.
Что делать? Виноват, свое на ум нейдет,
Так за чужое приниматься¹⁴.

Называя Дмитриева «русским Лафонте́ном», современники имели в виду уже не столько его переводческое мастерство, сколько равновеликость его таланта таланту французского баснописца. П. И. Макаров писал в рецензии на 3-е издание «Сочинений и переводов» Дмитриева: «Кто не знает русского Лафонтена? Кто не читал книги его под скромным названием безделок?» Рецензент продолжал: «Разноцветная живопись, верное подражание натуре, гармония стихов, обилие в мыслях, строгий вкус, легкие приятности и благородная простота составляют главные достоинства поэзии г. Дмитриева. Он прославился баснями и сказками; но его лирические сочинения делают ему столько же чести»¹⁵.

Как отмечал В. Э. Вацу́ро, анализируя полемику 1805–1806 годов, литературных противников Дмитриева особенно задело, что «поэту присвоили в Москве название русского Лафонтена». В феврале 1805 года негодовавшего на это Д. И. Хвостова успокаивали: «Ну, так что ж? Пусть Дмитриев будет нашим Лафонте́ном, а ты – нашим Езопом»¹⁶.

Несмотря на выступления, задевавшие Дмитриева, его авторитет продолжал укрепляться. Весной 1806 года, то есть в разгар полемики, начинающий тогда поэт А. Х. Востоков, польщенный благожелательным отзывом Дмитриева о его первом сборнике, написал поэту пространное письмо, в котором рассуждал, почему именно Дмитриеву нужно «приписать имя русского Лафонтена». Этого «лестного имени» не заслуживал, по мнению

¹⁴ Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст., подготовка текста и примеч. Г. П. Макогоненко. Л., 1967. С. 220. (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).

¹⁵ Московский Меркурий. 1803. Октябрь. С. 56–57.

¹⁶ Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л., 1955. С. 22. См. также: Вацу́ро В. Э. И. И. Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века ... С. 151.

автора письма, ни Хемницер, ни Сумароков, который «благодаря общей бедности, долго похищал сие и другие почтенные титула»¹⁷. В 1808 году И. М. Борн в «Кратком руководстве к российской словесности» вслед за Макаровым вопрошает: «Кто из русских не читал басен и сказок Дмитриева?»¹⁸

В том же году С. Н. Марин дважды публикует свой перевод «2-й сатиры Буало. К Мольеру»¹⁹, в котором имена французских поэтов заменены русскими. Главным законодателем безупречного литературного вкуса выступает Дмитриев – «Любимец нежных муз, питомец Аполлона, / Блюститель истинный Парнасского закона». Марин повторил прием И. П. Елагина, который использовал эту же сатиру Буало в своей «Эпистоле», обращенной к А. П. Сумарокову и вызвавшей бурную литературную полемику 1753 года. «Эпистола» Елагина, известная также под названием «Сатира на петиметра и кокеток», распространилась в списках, и вполне вероятно, что она была известна Марину. Сумароков у Елагина предстал как образцовый поэт, у которого следует учиться:

Благий учитель мой, скажи, о Сумароков!
Где рифмы ты берешь – ты мне не объявил,
Хоть к стихотворству мне охоту в сердце влил.
Когда сложенные тобой стихи читаю,
В них разум, красоту и дивность обретаю;
И вижу, что ты, их слагая, не потел,
Без принуждения писал ты, что хотел;
Не вижу, чтобы ты за рифмою гонялся
И, ищучи ее, работал и ломался;
Не вижу, чтоб искав, сердился ты на них:
Они, встречаясь, кладутся сами в стих²⁰.

Марин использует тот же прием, адресуя все похвалы Дмитриеву:

Скажи, о Дмитриев! Где рифмы ты находишь?
Как можешь без труда приятно так писать
И мысли с легкостью столь ясно выразать?

¹⁷ Переписка А. Х. Востокова в повременном порядке. СПб., 1873. С. XX.

¹⁸ Борн И. Краткое руководство к российской словесности. СПб., 1808. С. 160.

¹⁹ Драматический вестник. 1808. № 23. С. 187–191; отд. изд.: Сатиры, взятые из Буало. СПб., б. г.

²⁰ Поэты XVIII века. Л., 1972. Т. 2. С. 372. (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).

Читав твой стих, всяк должен согласиться,
Что рифма под перо сама собой ложится. <...>²¹

Следуя тексту Буало, поэты используют его в своей литературной борьбе. Дмитриев противопоставляется Сумарокову как глава новой школы, законодатель нового вкуса и новый образцовый поэт.

Рассматривая представления русских писателей о литературном труде, С. И. Николаев показал, что на рубеже XVIII–XIX веков появилась «оппозиция "труженик – гений"», связанная с противопоставлением науки и таланта: «"потеющий" за столом писатель стал синонимом литературного поденщика»²². Этот образ возникает и в знаменитой сатире Дмитриева «Чужой толк» (1794), высмеивающей бездарных одописцев. Они долго и мучительно трудятся, в отличие от талантливых авторов, которые пишут «резвясь»:

Ведь наш начнет писать, то все забавы прочь!
Над парюю стихов просиживает ночь,
Потеет, думает, чертит и жжет бумагу;
А иногда берет такую он отвагу,
Что целый год сидит над одою одной!²³

Дмитриев метил не в Сумарокова, которого он ценил. Известно, что с ним была знакома мать Дмитриева, он с детства знал его стихи и позднее писал о том, что его образцами были Сумароков и Херасков²⁴. Между тем Марин, утверждая незыблемость авторитета Дмитриева, далее противопоставляет Сумарокову Княжнина, а Хвостову, который в 1804 году перевел эту же сатиру Буало, Хераскова:

Коль ненавистника хочу назвать пороков,
Мне ум твердит Княжнин, а в стих идет Сумброков.
Когда ж с Омиром я сравнить кого готов,
Херасков на уме, а под пером Графов²⁵.

²¹ Марин С. Н. Полное собрание сочинений. М., 1948. С. 119.

²² Николаев С. И. Образ писателя и эстетика творчества в представлениях русских писателей XVIII века // XVIII век : сб. 24. СПб., 2006. С. 95.

²³ Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений ... С. 113.

²⁴ Дмитриев И. И. Взгляд ... С. 19.

²⁵ Марин С. Н. Полное собрание сочинений ... С. 119.

Дмитриев, которому адресована сатира, предстает как образцовый автор, пришедший на смену тому времени, когда литературным вождем и законодателем вкуса был Сумароков²⁶.

Иначе обстояло дело при сопоставлении поэзии Дмитриева и Ломоносова. В дальнейших литературных спорах и откликах, сопровождавших новые издания «Сочинений и переводов» Дмитриева, утверждается представление о нем как «классическом поэте», чуть ли не равном по своей роли Ломоносову. Такое определение дает А. Ф. Воейков в рецензии на 3-е издание 1810 года, ставя имя Дмитриева рядом с именем Ломоносова. Рассуждая о трудности подбора хороших рифм, рецензент находит у Дмитриева «сладкогласие и правильность выражений», отличающие его стихи, которые «сами собою наизусть затверживаются»²⁷. Откликаясь на 5-е издание 1818 года, А. Е. Измайлов повторяет определение «классический поэт». Критик так обосновывает свою оценку: «Н. М. Карамзин первый дал нам образцы, как должно писать в прозе, а И. И. Дмитриев – в стихах. Были у нас до него очень хорошие и великие поэты; но не было ни одного хорошего и настоящего версификатора»²⁸.

Похвалы наивысшей степени встретили 6-е издание 1823 года, «исправленное и уменьшенное», сопровождаемое блестящей статьей П. А. Вяземского «Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева». Анализируя его басни, критик выделил самое главное их достоинство: «Нет сомнения, что поэт наш более всех породнился с своими подлинниками; но достоинство его заключается не в том, что он не отступает от Лафонтена и Флориана и удачно подражает их красотам, а в том, что он у нас превосходит и что красоты стихов его, правильных, изящных и живых, суть красоты на языке нашем образцовые»²⁹. Вяземский рассматривает творчество Дмитриева как важный этап в развитии русской поэзии, как образец нового времени, противостоящий образцам, созданным Ломоносовым и Сумароковым. Ни к Державину, ни к Крылову невозможно было применить определение «классический поэт». Таким поэтом оставался в глазах Вяземского и многих его современников именно Дмитриев как создатель и законодатель новой литературной нормы, обновитель литературного языка.

²⁶ См.: Песков А. М. Буало в русской литературе XVIII – первой трети XIX века. М., 1989. С. 120.

²⁷ Цветник. 1810. № 10. С. 109, 129.

²⁸ Благонамеренный. 1819. № 3. С. 194–198.

²⁹ Вяземский П. А. Сочинения : в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 70.

«Друг вкуса, верный страж Парнасского закона»³⁰, – так назвал Вяземский поэта в «Послании к И. И. Дмитриеву, приславшему мне свои сочинения» (1823).

Взыскательность автора, не хотевшего включать в 6-е издание многие свои произведения, которые уже приобрели известность (в их числе «Чужой толк»), поразила многих его почитателей. Повторяя определение «классический поэт», А. Ф. Воейков выделял главные, с его точки зрения, достоинства поэзии Дмитриева:

Хвала, наш Дмитриев! Ты в оде, песне, сказке
По плану, ходу пьес, завязке и развязке,
По строгой верности и слога чистоте,
Игривости ума, огню и остроте –
Классический поэт! Ты смел без напряжений;
Блистателен, но прост; изящный вкус – твой Гений³¹.

Возвращаясь к ранее высказанному им мнению, Воейков тоже развивает мысль о Дмитриеве как главе литературной школы, наставнике. Молодой автор должен ориентироваться на его творчество как на непревзойденный образец: «У кого будет учиться этим законам тонкого вкуса, этой правильности в выражении, этой строгой точности и нежной разборчивости в употреблении слов? У Ломоносова и Дмитриева»³². Вновь ставя рядом два этих имени, критик стремится подчеркнуть значение поэзии Дмитриева для развития русского литературного языка и версификации на новом этапе, уподобляя его роль роли Ломоносова.

Современники не только признают Дмитриева «русским Лафонтеном», но считают, что поэт, «переводя Лафонтена и Флориана, нередко исправляет их погрешности» (А. Ф. Воейков)³³, говорят о нем как о «совместнике Лафонтена»³⁴. П. И. Шаликов называл Дмитриева «нашим единственным Лафонтеном, истинным соперником баснописца французского»³⁵. Н. Ф. Грамматин в надписи к портрету Дмитриева писал:

³⁰ Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылевым / Изд. подготовили В. А. Архипов, В. Г. Базанов и Я. Л. Левкович. М.; Л., 1960. С. 64. (Литературные памятники).

³¹ Новости литературы. 1824. № 3. С. 33.

³² Там же. С. 40.

³³ Там же. С. 120.

³⁴ Русский вестник. 1810. Ч. 12. № 10. С. 126.

³⁵ Московский зритель. 1806. № 6. С. 42.

Он вкуса образцом на Пинде русском стал:
В нем скромный Лафонтен соперника венчал³⁶.

Но если Д. И. Хвостов не мог быть конкурентом Дмитриева, то талант Крылова «русский Лафонтен» распознал сразу и при этом способствовал публикации первых крыловских басен в 1806 году в журнале «Московский зритель». По известному свидетельству М. Е. Лобанова, Дмитриев сказал тогда Крылову: «Это истинный ваш род, наконец, вы нашли его»³⁷. Слова удивительным образом напоминают то, что было сказано самому Дмитриеву в львовско-державинском кружке. Дмитриев как бы передает эстафету Крылову, продолжая оставаться «русским Лафонте́ном».

Александр Тургенев в 1809 году в письме брату Николаю замечает о баснях Крылова: «...между ними есть очень хорошие и смешные; но он не Дмитриев»³⁸. Образцовым поэтом, наставником для молодого поколения, «русским Лафонте́ном» признавался по-прежнему Дмитриев. С. Н. Марин в шуточных «Стихах експронтум И. И. Дмитриеву, приславшему мне свои басни в первый день поста» (1810) писал:

Я сча́тием моим по че́сти удивлен,
Лишь привело меня в печаль сухояде́нье,
Как вдруг ко мне в уедине́нье
Явился русский – Лафонтен³⁹.

В. Л. Пушкин в послании «К графу Ф. И. Толстому», перечисляя имена его гостей, так называет Дмитриева: «Почтенный Лафонтен, наш образец, учитель»⁴⁰. К. Н. Батюшков в «Речи о влиянии легкой поэзии на язык» (1816) выделяет «остроумные, неподражаемые сказки Дмитриева, в которых поэзия в первый раз украсила разговор лучшего общества, послания» и «басни его, в которых он боролся с Лафонте́ном и часто побеждал его»⁴¹.

Дмитриев, очевидно, очень дорожил именем «русского Лафонтена». Его задело, когда это имя начало применяться к Крылову. В письме Д. Н. Блудову от 2 апреля 1819 года, опубликованном А. А. Ильиным-

³⁶ Грамматин Н. Ф. Стихотворения Николая Грамматина. СПб., 1829. Ч. 1. С. 33.

³⁷ И. А. Крылов в воспоминаниях современников. М., 1982. С. 60.

³⁸ Архив братьев Тургеневых. СПб., 1911. Вып. 2. С. 388.

³⁹ Марин С. Н. Полное собрание сочинений ... С. 150.

⁴⁰ Пушкин В. Л. Сочинения. СПб., 1893. С. 88.

⁴¹ Батюшков К. Н. Сочинения. СПб., 1885. Т. 2. С. 241.

Томичем, поэт иронически сообщал: «Недавно я читал в М^{осковских} Ведомостях объявление о новом и полном издании басен Крылова, *любимейшего* нашего *Лафонтена*. Так изъясняется об нем российский книгопродавец»⁴². Крылов, как вскоре показал А. С. Пушкин, не нуждался уже в этом имени, лестном для Дмитриева, которое долго еще оставалось за ним.

Осуществленный С. Н. Глинкой перевод «Избранных Лафонтевых басен», сохранившийся в недатированной рукописи, был посвящен Дмитриеву. Приведем текст этого посвящения:

Его высокопревосходительству милостивому государю
Ивану Ивановичу Дмитриеву
Усерднейшее приношение

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь.

В изъявление душевной благодарности за постоянное Ваше ко мне благоволение осмеливаюсь украсить именем Вашим перевод мой избранных Лафонтевых басен. Беседуя с Лафонтеном, мне казалось, что беседую с Вами. Сия мысль и свойственная Вам благосклонность подкрепили меня в труде, для меня новом и непривычном.

С глубочайшим почтением, честь имею быть Вам, Ваше высокопревосходительство!

Преданнейший слуга Сергей Глинка⁴³.

Юный А. С. Пушкин, очевидно, не без влияния своих старших друзей вначале считал поэзию Дмитриева «образцом слога» («Послание к В. Л. П^оушкину», 1817). Как известно, критический отзыв «русского Лафонтена» о поэме «Руслан и Людмила» не только задел автора, но и несколько поколебал авторитет самого Дмитриева. Друзья Пушкина, по видимому, стремились смягчить его неблагоприятное впечатление от отзыва. Когда в 1822 году появился «Кавказский пленник», В. Л. Пушкин написал Вяземскому: «Вот что пишет наш Лафонтен к нашему Ливию <Карамзину>: "Вчера я прочитал одним духом Кавказского пленника и от всего сердца пожелал молодому поэту долгие лета! Какая надежда! При самом начале уже две собственные поэмы, и какая сладость стихов! Все живопись, чувство и остроумие!" Признаюсь, что прочитав это письмо, я про-

⁴² Ильин-Томич А. А. «И мои» письма И. И. Дмитриева к Д. Н. Блудову // Новые безделки : сб. ст. к 60-летию В. Э. Вацура. М., 1995–96. С. 472.

⁴³ РГБ. Ф. 178. Музейное собр. 1663. Ч. 1. Л. 4.

слезился от радости»⁴⁴. В. Л. Пушкин, очевидно, надеялся, что через Вяземского эти похвалы дойдут до автора «Кавказского пленника»; не исключено даже, что добродушный Василий Львович сам приложил руку к восторженному отзыву.

Несмотря на решительную полемику А. С. Пушкина с Вяземским из-за недооценки последнего басен Крылова, контакты поэта с Дмитриевым продолжаются: они сохраняют взаимное уважение, бывают друг у друга, обмениваются письмами⁴⁵. Пушкин ценит рассказы Дмитриева, используя их в своих сочинениях; 14 июня 1836 года, благодаря Дмитриева за участие в связи со смертью матери, Пушкин пишет ему: «Дай Бог вам здоровья и многие лета! Переживите молодых наших словесников, как ваши стихи переживут нашу молодую словесность»⁴⁶.

Дмитриев перестал быть непререкаемым авторитетом для следующего поколения, которое уже не нуждалось в образцах. Но он достойно завершил важнейшие достижения русской поэзии XVIII столетия, творчески воспринявшей лучшие традиции европейской литературы и обогатившей ими отечественную словесную культуру. В стихотворении «Дом Ивана Ивановича Дмитриева» (1860), написанном Вяземским уже на склоне лет, предстает обаятельный портрет поэта и человека:

Он в свете был министр, а у себя поэт,
Отрекшийся от всех соблазнов и сует <...>
Он ум отыскивал, талант разуживал.
И где их находил – там, радуясь успеху,
Не спрашивал: каких чинов они иль цеху?
Но настежь растворял и душу им и дом⁴⁷.

⁴⁴ Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 2-е изд. Л., 1991. С. 323.

⁴⁵ См.: Сукайло В. А. Труды и дни Ивана Дмитриева : в 2 кн. М.; Ульяновск, 2010. Кн. 1 : Хроника; по указателю.

⁴⁶ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. М., 1949. Т. 16. С. 126. № 1212.

⁴⁷ Вяземский П. А. Стихотворения / Вступ. ст. Л. Я. Гинзбург; сост., подготовка текста и примеч. К. А. Кумпан. Л., 1986. С. 361–362. (Библиотека поэта. Большая серия. 3-е изд.).

**ПОЭТ, МЕМУАРИСТ И АВТОР ПИСЕМ:
КОНСТРУИРОВАНИЕ АВТОРСКОГО ОБЛИКА
В ТВОРЧЕСТВЕ ДМИТРИЕВА**

О. В. Алексеева

С конца 1810-х годов И. И. Дмитриев, уже авторитетный к этому времени писатель, довольно настойчиво развивает в письмах свое представление об *авторе* – высоком статусе, достойным которого оказывается далеко не каждый пишущий человек. Так, заканчивая письмо А. И. Тургеневу от 17 октября 1818 года, Дмитриев замечает в постскриптуме: «Перечитывая письмо, я сам почувствовал, как оно написано нескладно и вяло, словом, совсем не по-авторски, извинюсь только тем, что пишу тотчас после обеда и под шумок гостей моих»¹. Мысль о возможности или невозможности для того или иного писателя стать автором развивается Дмитриевым в письмах Д. Н. Блудову: «Словом, г. Аббат только что грамотен и не глуп, а не Автор» (12 июля 1820 года)², П. А. Вяземскому: «Они не имели вашей энергии подать по-авторски, явно свой голос в пользу первого нашего автора» (3 февраля 1821 года)³, А. С. Шишкову: «...сей молодой человек (С. Е. Рачин. – О. А.) соединяет в себе все качества, которые способны питать и усиливать дарования прямого автора...» (22 мая 1821 года)⁴, А. А. Дельвигу: «...остаток авторского самолюбия мешал мне бросить в вашу кошницу с яркими и свежими цветами зимний листок, сухой и бледный...» (14 декаб-

¹ Дмитриев И. И. Сочинения / Сост. А. М. Песков и И. З. Сурат. М., 1986. С. 391.

² Ильин-Томич А. А. «И мои» письма И. И. Дмитриева к Д. Н. Блудову // Новые безделки : сб. ст. к 60-летию В. Э. Вацуро. М., 1995–96. С. 479.

³ Дмитриев И. И. Сочинения ... С. 400.

⁴ Там же. С. 401.

ря 1825 года)⁵. Если соотнести время актуализации темы автора в письмах Дмитриева с этапами его творческой эволюции, то можно заметить: внимание к указанной теме в сознании писателя зарождается и растет в тот период его жизни, когда он начинает подводить итоги своей поэтической деятельности и заметно снижает свою творческую активность. Дмитриев еще будет писать и публиковаться: в 1818 году выходят его «Сочинения», в 1823 году – «исправленное и уменьшенное» издание «Стихотворений», в 1825 году – «Апологи в четверостишиях». Кроме того, он пишет мемуары. Но тем не менее в этот же период, и даже ранее, Дмитриев опять же в письмах начинает упорно отказываться от права называться поэтом. Его ключевые автохарактеристики – это «инвалид»⁶, «старый и присяжный рифмач»⁷, «отставной поэт»⁸, старик, «который и в лучшую пору жизни не много думал о своей поэзии»⁹; о своей поэтической деятельности: «милая двадцатилетняя привычка к стихокропанию»¹⁰. Столь подчеркнутое противоречие задано самим Дмитриевым, оно является актом его авторского поведения. Этим актом Дмитриев формирует в сознании современников восприятие своего позднего творчества как поэзии постскриптума и, кроме того, умело конструирует свой авторский образ. Он создает образ поэта, который не ценит не только литературную славу, но и самые результаты своей литературной деятельности; поэта, признающего неактуальность, необязательность и даже несерьезность своей фигуры в истории становления литературы. Внутренним механизмом этого демонстративного самоотречения является растождествление Дмитриева как конкретного человека, который писал и продолжает писать стихи (субъекта физической реальности) с образом Дмитриева как субъекта реальности литературной. И, повторюсь, этот образ создается Дмитриевым в финале его поэтической деятельности, то есть является итогом, к которому он приходит вполне намеренно. Он хочет, чтобы его воспринимали именно так.

В свете этого итога интересным представляется дуэт М. Т. Каченовского и И. М. Долгорукова, которые независимо друг от друга оценили Дмитриева и его творчество по одной и той же модели. Каченовский, отзы-

⁵ Дмитриев И. И. Сочинения И. И. Дмитриева / Под ред. А. А. Флоридова. СПб., 1895. Т. 2. С. 292.

⁶ Дмитриев И. И. Сочинения ... С. 398.

⁷ Там же. С. 400.

⁸ Дмитриев И. И. Сочинения И. И. Дмитриева ... С. 233.

⁹ Там же. С. 284.

¹⁰ Там же. С. 203.

ваясь о баснях поэта, обидно отметил его «сенаторскую спесь»¹¹; Долгоруков, вспоминая свое общение с Дмитриевым, заключил безжалостным выводом: «...о нем я могу сказать, что он стихотворец чистый, приятный, мастерский, но никогда не назову его ни честным, то есть, по-моему, праводушным, ни добрым человеком. Сух, холоден, важен и ко всему нечувствителен»¹². Поводы у авторов приведенных высказываний различны: Каченовский выразил свое мнение публично, тем самым бросая вызов в стан литературного противника; Долгоруков просто коротал время, вспоминая прошлое и делясь воспоминаниями с членами своей семьи. Но модель оценки у обоих одинаковая: разговор начинается с творчества, затем переходит на, казалось бы, неуместную (и неліцеприятную) оценку личности. Выводы, к которым они приходят, также сходны: оба заметили (и негативно оценили) факт несовпадения Дмитриева – живого человека – с тем образом Дмитриева, который был создан в рамках его поэзии. Это наблюдение родилось в контексте карамзинского тезиса о непосредственной связи между творцом и его творением. По поэтическому тексту можно судить о его авторе, ибо «творец всегда изображается в творении и часто – помимо воли своей»¹³. Но в случае с Дмитриевым этот тезис оказался несостоятельным. Чувствительные стихотворения создавались «сухим, холодным, важным и ко всему нечувствительным» поэтом. Несовпадение сухого Дмитриева с образом чувствительного Дмитриева, который рисовался его читателям, да и самая обида, которую Дмитриев на долгие годы затаил на Каченовского за то, что тот перешел с анализа творчества на критику личности, – все это свидетельствует о том, что в творческой лаборатории Дмитриева, а соответственно и в литературной среде, в которой он вращался, создается важный для формирования русской литературы процесс. Это процесс рождения *образа автора*, близкого своему создателю, но не идентичного ему, в отличие от свойственного, например, русской оде XVIII века жанрово обусловленного условного автора.

Начало поэтической деятельности Дмитриева сопровождается доверительной, интимной перепиской, участники которой (с обеих сторон) характеризуют Дмитриева в первую очередь как поэта. Н. М. Карамзин – Дмитриеву: «Пиши, милый друг мой и брат по любви к Музам! Пиши! Ты поэт –

¹¹ Дмитриев И. И. Сочинения ... С. 383.

¹² Долгоруков И. М. Капище моего сердца или словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни / Изд. подготовил В. И. Коровин. М., 1997. С. 106. (Литературные памятники).

¹³ Карамзин Н. М. Что нужно автору? // Н. М. Карамзин. Сочинения : в 2 т. Л., 1984. Т. 2. С. 60.

но неужели тебе это самому неизвестно?» (18 июля 1782 года)¹⁴; «Странное дело! Сперва говорим о стихах, а после о душевной горести. Но ты Поэт!» (6 сентября 1794 года.)¹⁵; Дмитриев – П. П. и И. П. Бекетовым: «Будучи по несчастью поэт, я всякий день летаю воображением около вас и вижу, с каким свежим румянцем просыпаетесь вы около одиннадцатого часа, с какою живостию каждый с своей постели пересыпает друг к другу невинные шутки, сопровождаемые дружбой и смехом, пьете не торопясь чай или кофе, принимаетесь за свои упражнения, садитесь за жирный стол, а вечером играете в карты, ворожите, льете олово, резвитесь» (26 декабря 1787 года)¹⁶. Поэт в представлении Дмитриева и его ближайшего сочувствующего окружения есть в первую очередь человек, наделенный даром поэтического воображения и, более того, поэтического преображения действительности: «Поэт имеет две жизни, два мира; если ему скучно и неприятно в существенном, он уходит в страну воображения и живет там по своему вкусу и сердцу...»¹⁷ В своем преобразовании действительности поэт, в концепции Карамзина, подобен ребенку, способному поверить в реальность собственного вымысла: «Наскучь горестью и скукой, мой любезный друг, и будь весел, как ребенок, сидящий на деревянном коньке своем. У тебя есть Пегас: садись на него и погоняй изо всей мочи; чем грустнее твоему сердцу, тем сильнее погоняй его...»¹⁸.

Но если Карамзин, говоря о поэтическом эскапизме, ищет примирения с действительностью, пусть иллюзорно, но все же снимает конфликт желаемого и действительного, то Дмитриев переживает свой поэтический дар как несчастье: «Будучи по несчастью поэт, я всякий день летаю воображением около вас и вижу...»¹⁹ Поэтические (воображаемые) картины разбиваются о непоэтическую реальность: «Как же я живу? Езжу, сплю и езжу, а теперь вдобавок и без шеи...» (26 декабря 1787 года П. П. и И. П. Бекетовым)²⁰. Воображение, прекратив свою работу, сталкивает поэта с грубой действительностью. Предаться своей фантазии до конца Дмитриев не может. Соприкосновение с вымыслом обязательно повлечет за собой его сравнение с реальностью – и вымысел проиграет.

¹⁴ Карамзин Н. М. Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 29.

¹⁵ Там же. С. 50–51.

¹⁶ Дмитриев И. И. Сочинения ... С. 376.

¹⁷ Карамзин Н. М. Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву ... С. 69.

¹⁸ Там же. С. 68–69.

¹⁹ Дмитриев И. И. Сочинения И. И. Дмитриева ... С. 180.

²⁰ Там же.

В стихотворениях Дмитриева, в которых развивается тема поэтической фантазии, воображаемые миры, да и сама ситуация воображения переживаются несколько иначе. Например, в «Стансах к Н. М. Карамзину» (1793) поэт рассказывает о том, как звуки лиры и голос музы увлекли его в мир мечты:

Лиру я с стены снимал.
<...>
Все в глазах моих играло,
Я в волшебной был стране:
Солнце ярче луч бросало
И казалось Фебом мне.
В роще ль голос разольется
Сладкопевца соловья,
Сердце вмиг во мне забьется –
Филомелу вспомню я.
С нею вместе унываю
И доволен, что грущу!..
Но почто я вспоминаю
То, чего уж не сыщу?²¹

Дмитриев, казалось бы, действительно *воображает* «волшебную страну». Но важно то, как он это описывает. Это стихотворение являет собой тот случай, когда поэтический язык выдает с головой писателя: солнце для Дмитриева – это именно солнце, а не Феб. Оно лишь кажется Фебом («солнце ярче луч бросало и *казалось* Фебом мне»). Соловей – это не Филомела, это соловей, который помогает вспомнить о Филомеле. То есть внутри текста, в ткани его, некто (поэтическая проекция Дмитриева) как будто и уходит в мир мечты. Но тот же самый текст показывает, что этого выхода за пределы реальности не происходит. Дмитриев не самозабвенен в своей поэзии.

Эта же ситуация будет намечена и опять же не получит своего развития и в «Послании к Н. М. Карамзину» (1795), где он хочет и не может резвиться вместе с детьми, и в послании «К Севериной на вызов ее написать стихи» (1794), где Дмитриев почти было поверил в то, что он – житель

²¹ Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст., подготовка текста и примеч. Г. П. Макогоненко. Л., 1967. С. 123–124. (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).

Древней Греции и поэт. Но вся эта вера оборачивается трезвым замечанием: «Но увы! мой ум мечтает; Сколь далек я от Афин!..»²² Показательно в этом отношении и стихотворение «К Волге» (1794), где лирическое созерцание волжских берегов переходит в (полу)олическое созерцание прошлого России:

А твой певец в сии мгновенья
На крыльях воображенья
В протекших временах летал.
Летал, и будто сквозь тумана
Я видел твой веселый ток
Под ратью грозна Иоанна,
И **видел** Астрахани рок.
Вотще ордынцы безотрадны
Бегут на холмы виноградны
И сыплют стрелы по судам:
Бесстрашный росс на брег ступает
И гордо царство упадает
Со трепетом к его стопам²³.

Рассказ о воображении прошлого перерастает в рассказ очевидца. Причем это рассказ не биографического автора. И здесь хорошо заметна еще одна черта создаваемого образа: он не только мечтатель, но и «визионер», из всех органов восприятия у него наиболее развито зрение:

Не шумны петъ хочу забавы,
Не сладости цитерских уз,
Но да воззрю с полей широких
На красну, гордую Москву...
(Освобождение Москвы, 1795)²⁴

Уже я всей вселенны зритель
И вижу там и сям и карлов, и духов,
И визирей рогатых,
И рыбок золотых, и лошадей крылатых,
И в виде кадиев волков...
(Воздушные башни, 1794)²⁵

²² Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений ... С. 127. Выделено мной. – О. А.

²³ Там же. С. 88.

²⁴ Там же. С. 82–83.

²⁵ Там же. С. 168.

...вдруг на свет выхожу
И новую для глаз картину нахожу:
Открытые поля под золотою нивой!
Везде блестят серпы в руке трудолюбивой!..

(Послание к Н. М. Карамзину, 1795)²⁶

Дай собой налюбоваться,
Мила крошечка моя!
С завистью, могу признаться,
На тебя взираю я.

(К младенцу, 1792)²⁷

Автор в стихах Дмитриева не столько мечтатель-поэт, сколько художник:

Какое зрелище для нежных души!
О Рез! Дай кисть свою иль сам ты напиши!

(К А. Г. Севериной, 1791)²⁸

Кто даст мне кисть животворящу,
Да радость напишу горящу
У всех на лицах и в сердцах?
Да яркой изразу чертою
Народ, воскресший на стенах,
На кровах, и с высот к герою
Венки, летящи на главу;
И клир, победну песнь поющий
С хоругви в сретенье идущий;
И в пальмах светлую Москву!..

(Освобождение Москвы, 1795)²⁹

Взгляд художника, останавливающего движение жизни, движение времени в статическую картину, то есть превращающего жизнь в произведение искусства, есть черта самого Дмитриева: «Если б я умел рисовать, то

²⁶ Там же. С. 122.

²⁷ Там же. С. 284.

²⁸ Там же. С. 125.

²⁹ Там же. С. 86.

представил бы юношу, точь-в-точь Василия Андреевича, лежащим на недоконченном фундаменте дома; он одною рукою оперся на лиру, а другою протирает глаза, смотрит на почтовую карету и, зевая, говорит: "Успею!" "Это будет подписью под картиною» (15 ноября 1805 года Жуковскому)³⁰. В мемуарах: «...прихаживало мне на мысль, что я родился живописцем, а не поэтом, по крайней мере – поэтом в живописи: каждое замечательное местоположение, все живописные сцены утра, вечера или ночи, заставляли меня вздохнуть: для чего я не живописец и не могу тотчас остановиться и перенести все виденное на холст или бумагу»³¹. Но если сам Дмитриев переживает невозможность создания изобразительной картины, то его поэтические тексты и образ их автора лишь выигрывают от синтеза визуального и вербального начал.

Как видим, черты образа автора во многом дублируют черты самого Дмитриева: поэзия Дмитриева автобиографична в своей основе, за исключением сатирических произведений, где образ автора, в силу самого жанра этих текстов, предельно условен. Отделившись от своего создателя, образ автора впитал в себя лучшие его черты: взгляд живописца, мечтательность, отзывчивость на внешние послы, высокую (как у ребенка) степень эмоциональности. Образ автора в поэзии Дмитриева – это поэт *par excellence*, только поэт, в отличие от самого Дмитриева, жизненный опыт которого гораздо богаче, для которого поэзия – лишь *одно из* его многочисленных занятий.

Смертельно обиженный на Каченовского, Дмитриев оказался жертвой созданного в поэзии образа Дмитриева и в целом жертвой литературной ситуации конца XVIII – начала XIX века, когда читатели только еще начали учиться отличать лирического героя от автора текста, биографического автора от образа автора. И, наверное, попыткой освободиться от литературного двойника объясняются и язвительные автохарактеристики, которые Дмитриев щедро разбрасывал в своих письмах начиная с 1806 года, и первая (литературная) часть мемуаров, в которой Дмитриев пусть косвенно, но все же отстаивает право быть собой. Созданные «поэтом времен Екатерины и министром Александра» мемуары и зрелые письма Дмитриева – это в какой-то степени попытка оставить образ Дмитриева-поэта в прошлом, освободиться от него. Насколько действенными оказались попытки Дмитриева, сказать сложно. Но стремительное развитие литературы в начале XIX века, превратившее поэта при жизни в «живой памятник прекрасного века»

³⁰ Дмитриев И. И. Сочинения ... С. 380.

³¹ Дмитриев И. И. Сочинения И. И. Дмитриева ... С. 51–52.

(П. А. Плетнев)³², в «достопримечательность» (А. Я. Булгаков)³³ или, как характеризовал себя сам Дмитриев, в «инвалида восемнадцатого столетия»³⁴, нейтрализовала то напряжение, которое создавалось на полюсах реальности и литературы. И в последние годы своей жизни Дмитриев имел возможность почувствовать себя Автором и, посылая свои тексты в печать, беспокоиться не о самоидентичности, а о чистоте авторского слога, списывая все его несовершенства на свою далекую творческую юность и тем самым принимая последний в своей жизни образ – образ поэта ушедшей эпохи: «...я не классик, не романтик, ни даже вдохновенный, а просто смиренный самоучка, прогулявший всю молодость свою зевакою в цветниках поэзии» (18 декабря 1836 года)³⁵.



³² Плетнев П. А. О литературных утратах. Сочинения и переписка П. А. Плетнева. СПб., 1885. Т. 1. С. 332.

³³ Грот К. Я. К биографии И. И. Дмитриева. Неизданные письма и заметки, относящиеся ко времени его кончины (3 окт. 1837 г.). СПб., 1902. С. 17.

³⁴ Письма И. И. Дмитриева к князю П. А. Вяземскому 1810–1836 гг. СПб., 1898. С. 55.

³⁵ Там же. С. 79.

ОППОЗИЦИЯ «ПАРАДНОЕ – ПРИВАТНОЕ» В ТВОРЧЕСТВЕ ДМИТРИЕВА

Н. А. Гуськов

Антитеза, вынесенная в заглавие предлагаемой статьи, заимствована из известной басни И. И. Дмитриева, где беседуют Сверчки, живущие в одном доме. Тот, что поселился в передней, хвалит хозяина за вежливость, трудолюбие и чуткость к просителям.

Дружок! Ты, видно, век в прихожих только жил
И вместо лиц привык рассматривать личины;
Не то бы ты сказал, узнавши кабинет!
В передней барин то, чем хочет он казаться,
А здесь – каким родился в свет:
Богатому служить, пред сильным пресмыкаться;
А до других и дела нет:
Вот нашего ханжи и все тут уложение!
Оставь же лишнее к нему ты уважение!
И в обществе людском,
Где многое тебе покажется превратным,
Умей ты различать двух человек в одном:
*Парадного с частным*¹.

На первый взгляд, это традиционная сатира на лицемерие подьячих. На самом деле проблема, затронутая в басне, сложнее. Во-первых, противопоставления «личины» – «лицу» и человека «парадного» – «частно-

¹ Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений. Л., 1967. С. 222–223. Далее ссылки на это издание даны в тексте.

му» не тождественны. Во-вторых, последняя оппозиция может трактоваться как противопоставление и «потаенного» «показному» (именно так в источнике басни у А. Удара де ла Мота), и «частного» «публичному». В-третьих, отрицательно в басне охарактеризована «приватная» сфера (то, «каким родился в свет» персонаж, то есть его естественное состояние), а это нехарактерно для творчества Дмитриева и его современников. Перечисленные странности побуждают обратиться к контексту, в свете которого формула, вынесенная в мораль басни, отсылает к «проклятым» вопросам, вставшим перед русскими литераторами на рубеже XVIII–XIX столетий.

Начиная с эпохи рококо в Европе, а затем и в России проблема цельности характера и поведения приобрела болезненную остроту. Представление о том, что личность должна однородно проявляться вне зависимости от обстоятельств, – один из опорных принципов традиционной морали, не допускающей двуличия. Однако уже к XVIII веку дифференциация общественных сфер, появление в них новых, трудно совместимых функций, переоценка патриархальных ценностей и расшатывание сословного этикета приводили к тому, что сохранить единую линию поведения было далеко не всегда возможно. Между тем просветительская идеология продолжала усматривать порок в самом факте перехода от одной формы поведения к другой. При этом нараставший под влиянием просветителей культ естественности, приобретший к концу XVIII века уже черты индивидуализма, во имя реализации природного нрава отвергал как смену многообразных социальных амплуа, так и традиционное сословно-этикетное поведение, ограниченное условностями лишь одного из этих амплуа. Для разрешения перечисленных несообразностей нужны были новые этические установки, поиск которых и отразился в литературе XVIII века. Внутренние побуждения по разным критериям все резче противопоставляются внешним требованиям, и человек оказывается перед выбором: избрать ли только одну из поведенческих моделей или совместить несколько, оправдав себя чьим-то авторитетным суждением.

В европейской литературе, особенно в английской, разработка данной проблемы достигла тонкого по тем временам психологизма. Раздвоенность, изменчивость натуры, наслоение страстями и расчетом на естественную основу личности маскирующих ее слоев, причем порой вполне органично и не в ущерб ближнему, без нарушения нравственных норм, – это расхожая проблематика романа и драмы XVIII века.

Русские писатели, в психологической стороне вопроса не слишком искинутые, были потому к ней довольно равнодушны. Зато социальная сторона – совмещение естественных движений личности и сословного или

служебного этикета, долга, системы общепринятых норм – соотношение парадной и приватной сферы, которые уже не всегда мыслились в гармонии, – все больше волновала образованное общество екатерининского времени. Различные решения этой проблемы предлагали писатели львовского кружка и московские сентименталисты. Позиция Дмитриева, чьи литературные вкусы сформировались под влиянием тех и других, представляет особенный интерес, который усиливается тем, что Дмитриев действовал одновременно на поприще литературном и государственном, а двойственность – отличительная черта его натуры, отмеченная многими современниками.

Точка зрения Дмитриева на рассматриваемую нами проблему может показаться эклектичной. В ряде басен («Мышь, удалившаяся от света», «Кот, Ласточка и Кролик», «Лиса-проповедница») он в традиционном духе обличает лицемерие. Поэт познакомил русского читателя и с ранним образцом просветительской интерпретации двойственности поведения – «Посланием от английского стихотворца Попа к доктору Арбутноту», где речь идет не о ханжестве, а о естественном и неестественном поведении².

В посланиях, письмах, мемуарах Дмитриева часто воспевается в духе сентиментализма естественный образ жизни на лоне природы в кругу избранных родственных душ, отказ от социальных моделей поведения, искажающих сущность личности:

Эрмитаж мой – огород,
Скипетр – посох, а Лизета
Моя слава, мой народ
И всего блаженство света!

(«Видел славный я дворец...»; С. 130)

Таково и обращение к друзьям в 1800 году после отставки:

Итак, владейте впредь вы мною без раздела;
Питайте страсть во мне к изящному всему
И дайте вновь полет таланту моему.
Означим остальной наш путь еще цветами!

² Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений ... С. 101–113. Показательно, что Дмитриев избрал этот ранний просветительский текст, хотя был знаком с более глубокими в психологическом плане разработками проблемы в сочинениях аббата Прево, а также Филдинга, Вольтера и Руссо.

Где нет коварных ласк с притворными словами,
Где сердце на руке, где разум не язвит,
Там друг ваш и поднесь веселья не бежит.
Так, братья, данные природой мне и Фебом!
Я с вами рад еще в саду, под ясным небом,
На зелени в кустах душистых пировать;
Вы станете своих любезных воспевать,
А я... хоть вашими дарами восхищаться.
О други! я вперед уж весел! может статься,
Пример ваш воскресит и мой погибший дар.
О, если б воспылал во мне пермесский жар <...>

(С. 154–155)

Здесь недвусмысленно сказано, что занятия творчеством возможны лишь в уединении, среди близких, искренних людей (об этом – ниже).

Откровенность же по Дмитриеву возможна лишь вдали от светской суеты. В «Послании к приятелю с дачи» (1795) «добрый друг своих друзей» живет в «китайской лачуге» под Петергофом:

Дни смирнехонько проводит,
Не боясь лихих людей.
Он тебя с любезным братом
На обед к себе зовет;
Ни фарфором он, ни златом
Перед вами не блеснет,
Но Усердие вас примет,
Дружба скажет: в *добрый час!*
Смела Искренность обнимет
И за стол посадит вас,
А Веселость по стакану
Поднесет чего-нибудь.

(С. 308)

Описанная модель поведения надолго станет обязательной для сентиментального дружеского послания. Дмитриев сквозь ее призму порой оценивал и реальные жизненные ситуации. Так, в записках он рассказывает о последней встрече с Карамзиным в Царском Селе, где именно светская суета, парадная обстановка помешали интимному, искреннему и творческому общению друзей: «Сколь ни приятно для меня было жить почти под одною

кровлею с старинным, единственным моим другом, слушать его и восхищаться чертами прекрасной души его, любоваться его и славою и домашним счастьем; признаюсь, однако ж, что ни одного тогдашнего утра и вечера не мог я сравнить с теми, кои мы проваживали в Москве, один на один, когда Карамзин, еще до первой женитьбы своей, жил на Никольской улице <...> Здесь (в Царском Селе. – Н. Г.) я бывал с ним по несколько дней неразлучным, но не помню, чтоб хотя четверть часа мы были без свидетелей. Казалось, будто мы встречались все мимоходом. Двор, изредка и слегка история, городские вести были единственным предметом наших бесед, и сердце мое ни однажды не было спрошено его сердцем. Я уверен был и тогда в его любви, а чувствовал грусть и не мог вполне быть довольным»³.

В тех же мемуарах и в ряде стихотворений отражены и принципы писателей львовского кружка: образ жизни должен быть предельно искренним выражением личности и вместе с тем направлен на благо общества; время и различные душевные свойства разумно и гармонично распределены между парадной и приватной составляющими жизни. Это позволяет сохранить независимость, не порывая с обществом и принимая его многообразие и антиномии. Восхищение такой позицией чувствуется уже в первом напечатанном тексте Дмитриева – надписи к портрету кн. А. Д. Кантемира. В послании к одному из участников львовского кружка, Державину (1805), Дмитриев восторженно отметил уникальную способность адресата, который

...способен

Петь и под шумом сердитых валов,
Как и при ниве, – себе лишь подобен –
Языком богов!

(С. 118)

Иногда Державин выступает в мемуарах Дмитриева человеком, обретшим искреннюю независимую жизненную позицию, возвышающуюся над канонами чиновного этикета и личными страстями. Иногда эта функция переходит к другим, например к В. П. Петрову: в посланиях к Г. А. Потемкину, «когда он еще был камер-юнкером и после генерал-майором, поэт называл его своим другом. Тот же тон сохранил он и в позднейших стихах, когда воспеваемый им был уже на высокой степени могущества и славы»⁴.

³ Дмитриев И. И. Сочинения. М., 1986. С. 308.

⁴ Там же. С. 277.

Ярким воплощением жизненной философии, напоминающей ту, что исповедовали Державин и Капнист, выступает адресат послания Дмитриева А. Г. Толбугин:

Друг изящного в природе
И судья а ла козак,
Поперек идущий моде,
Неприятель всяких врак;
Муз и музыки любитель,
Голубков, дроздов гонитель,
Грубый скиф по бороде,
Нежный Орозман душою,
Не по светскому покрою,
Одинаковый везде;
Не ханжа и не ласкатель,
О любезный созерцатель
В банях бабьей красоты!
Плюнь на светски суеты,
О поклонниче Заиры!

(С. 335)

Обратим внимание на черту, речь о которой пойдет ниже: несовпадение внешности и душевных наклонностей, противоречие вкусов этого колоритного персонажа не подвержены этической оценке, не нарушают обаяния, органичности и гармонии его образа и не являются ханжеством (это сказано прямо).

Разноречивую интерпретацию двойственности поведения нельзя объяснить равнодушием Дмитриева к этой теме — слишком уж часто он к ней обращался. У него была своя, не декларированная прямо, но оригинальная и ощущавшаяся многими современниками точка зрения.

Анализ его произведений свидетельствует о следующем: едва ли не первым в русской литературе Дмитриев показал, что оценка зависит не от самого поведения или поступка, а лишь от его восприятия, что дело не в самом факте несовпадения сущности и видимости, а в ситуации, при которой несовпадение обнаруживается, индивидуальные случаи невозможно анализировать с готовой мерой. Это выражено косвенно и объективно вытекает из художественной организации текстов, причем является плодом не прозорливости или философских раздумий, а лишь игрового характера творчества и поведения поэта.

Игра не знает этической оценки, этическую проблему Дмитриев перенес в эстетический и эмоциональный план, заменяя поучение развлечением или переживанием. Такой подход, столь присущий культуре рококо, проявился у многих видных русских авторов задолго до Дмитриева, но едва ли у кого-то восторжествовал над серьезным рациональным восприятием нравственных проблем. Дмитриев тоже не доходит до цинизма, поскольку его игра замкнута в пределах светского приличия, за которыми допустимо самое строгое морализаторство.

Для организации игрового художественного мира Дмитриев, например, активно использовал в разных жанрах принципы поэтической басни, в новой европейской литературе неизменно связанные с изысканной салонной игрой. Как показал Л. С. Выготский, эффект поэтической басни – во взаимодействии противонаправленных тенденций: утверждения морали и ее опровержения⁵. Автор и дает оценку происходящему, и устранивается от нее, заставляя переживать нравственную проблему чисто эстетически.

Прежде чем говорить о реализации этого принципа в творчестве Дмитриева, отметим, что двойственность – не просто свойство его души, но и знаковый признак его повседневного поведения, выстроенного по законам игры. Не исключено, что эта деталь сознательно подчеркивалась, во всяком случае – не скрывалась, вызывая противоположные оценки, о которых поэт мог слышать или догадываться.

Традиционно мыслящие недоброжелатели, исходя из строгих этических установок, не принимая условий игры по разным причинам, объявляли поэта лицемером. Таковы суждения И. М. Долгорукова и М. М. Попова, писавших: «<...> Он был заманчив только издалека. Кто узнавал его близко, тот много разочаровывался. Министр по наружности, благородный в своих стихотворениях, осторожный и приличный в самых эпиграммах и сатирах, нравоучитель в баснях, проповедник нежности к людям и даже к животным был совсем не то в домашней жизни и общественных связях. Он был скуп и одевал людей своих дурно, кормил еще хуже. Поступал он с ними, как степной помещик; при самом малейшем проступке или потому только, что сам вспылил, он тотчас прибегал к расправе. С знакомыми он обращался двулично. За глаза он не щадил никого, а в глаза казался каждому чуть не другом <...> Иногда с кем-либо из гостей он был чрезвычайно ласков и доверчив, так что можно было почесть этого гостя самым близким его другом. Гость уезжает, и Дмитриев, проводив его с поклонами и просьбами навещать почаще, возвращается с насмешками над ним! Этим Иван

⁵ Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1997. С. 136, 168–175.

Иванович много терял в общем мнении: люди почтенные, имеющие право на уважение, отставали от него; мелкие стихоплеты, писатели, ничтожные по уму и образованию, всякий сброд наполняли его гостиную. Зато он и тешился над ними, как хотел!»⁶

Здесь предвзято, но выразительно описано несовпадение литературного и бытового образа писателя. Дмитриев в записках сам сурово противопоставил свой житейский образ литературному, но тому, какой безуспешно мечтал усвоить, а не собственному, который считал вполне выражающим его личность. «Притворства и в стихах казать я не хочу: / Поется мне – пою; невесело – молчу» (с. 122), – обращался он к Карамзину. Невозможность отказаться от привычного, повседневного своего амплуа и принять истинно поэтическое, по словам Дмитриева, и заставила его отказаться от занятий стихотворством.

Доброжелательно настроенные современники включались в игру, а двойственность натуры Дмитриева объясняли не столько индивидуальными, сколько социокультурными причинами и оправдывали ее. «Как во всяком необыкновенном человеке, было в нем много противоположностей: в нем все было размеренно, чинно, опрятно, даже чопорно, как в немце; все же привычки, вкусы его были совершенно русского барина; квас, пироги, паче всего малина со сливками были его наслаждением. Любил он также и шутов, но в них посвящал обыкновенно чванных стихоплетов. Многие почитали его эгоистом потому, что он был холост и казался холоден. Любил он немногих, зато любил их горячо: прочим всегда желал он добра; чего требовать более от человеческого сердца?»⁷ – вопрошал Ф. Ф. Вигель. «Один приятель заметил мне, что И. И. Дмитриев был холоден в обращении и что будто от него отдаляла эта холодность. Ответствую на это, – объяснялся племянник поэта М. А. Дмитриев, – что люди хорошего обращения никогда не кидаются на шею, как провинциалы; может быть, некоторым из тогдашнего нового поколения он казался холоден потому, что ровный тон порядочного общества был им в диковинку, то есть они хотели бы не сами ему учиться, а переменить старика. Но этим людям прошлого века трудно бы было переродиться»⁸. Похоже, что такого же мнения придерживался и П. А. Вяземский.

Здесь речь идет уже не о лицемерии. Этикетное и фамильярное поведение, несмотря на то, что они порой противоположны друг другу, в рав-

⁶ Дмитриев И. И. Сочинения ... С. 495.

⁷ Там же. С. 482–483.

⁸ Там же. С. 485.

ной степени органичны для человека определенного общественного круга и воспитания, поэтому уместная смена типа поведения, умелое применение и чередование противоположных амплуа может быть поставлено скорее в заслугу, нежели в вину. Очевидно игровую ситуацию с шутами анализировать в этой статье нет возможности.

Сам Дмитриев аналогично отзывался о своей двойственности. В письме П. П. Бекетову 25 ноября 1798 года он рассуждал: «Итак, и я превосходительный! Et moi, je suis peintre aussi! (И я теперь живописец. – Н. Г.). Но это титул возвратит ли мне брата, которого кончина никак из мыслей моих не выходит? <...> однако ж не думай, что я стал меланхоликом по всей форме. Нет, мой друг, характер не переменяется, равномерно и мой, как его несчастья ни коробят: я грущу, только когда один, по утрам и вечерам; а в собраниях, разумею с приятелями, по-прежнему смеюсь и болтаю; бываю в театре, на балах и везде показываю вид человека, по крайней мере, в бархатном кафтане»⁹. Это не признание в двуличии, напротив, раздвоенность поэта психологически объяснима и оправдана: в приватной сфере он дает волю естественному горю, на людях столь же органично отдается исполнению общественного долга – обязанностям светского человека, к тому же только что повышенного в чине. Это поведение может получить любую этическую оценку (например, с точки зрения последовательного сентиментального меланхолика оно недостойно), Дмитриев же попросту игнорирует саму возможность оценки, кроме юмористической. Он и был одним из родоначальников юмора в русской словесности.

По своему опыту поэт знал – не всякое несовпадение видимости и сущности характера и поведения можно оценить этически. В записках он говорит о себе: «Чаще был весел, чем печален, хотя по наружности и кажусь задумчивым»¹⁰. Внешность, таким образом, обманчива, об этом часто свидетельствуют сочинения Дмитриева. «Вперед по виду ты не делай заключенья» (с. 188), – закончил он одну из популярнейших басен «Петух, Кот и Мышонок». И Петух, и Кот в ней не лицемерят: Мышонок сам ложно истолковал их характеры, причем в обоих совмещаются органически противоположные качества, которые обнаружил и которые не заметил в них Мышонок: Кот и ласков, и опасен; Петух и задирист, и безвреден. То же видим и в известной эпиграмме:

Какой ужасный, грозный вид!
Мне кажется, лишь скажет слово,

⁹ Дмитриев И. И. Сочинения ... С. 377.

¹⁰ Там же. С. 367.

Законы, трон – все пасть готово...
Не бойтесь, он на дождь сердит.
(С. 338)

Ирония направлена не только на неадекватность реакции изображенного на портрете лица, но и на ложность зрительской оценки.

Способ восприятия не менее важен и при истолковании социального поведения. Показательны надписи к портрету Карамзина:

Вот милый всем творец! иль сердцем, иль умом
Грозит тебе он пленом:
В Аркадии б он был счастливым пастушком,
В Афинах – Демосфеном.
(С. 136)

Здесь юмористически использован риторический прием уподобления и допущения, часто встречающийся в надписях. Сравним с более поздней надписью Пушкина к портрету Чаадаева:

Он вышней волею небес
Рожден в оковах службы царской;
Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес,
А здесь он – офицер гусарский¹¹.

В этой эпиграмме уподобления адресата имеют общий признак: носитель гражданского вольномыслия в разных обществах реализуется по-разному, но сохраняет основное свойство. При всем их различии амплуа Брута и Периклеса не противоречат друг другу, амплуа же гусарского офицера воспринимается как искажение в «оковах службы царской» той же сущности. В надписи Дмитриева иное: пастушок и Демосфен, даже как воплощения естественного поведения, слишком несходны; но человек, который эти противоположности совмещает и реализует в поведении, не оценивается как двуличный, не говорится даже, кем он стал, не сделавшись пастушком и Демосфеном. Ему, вернее его трудам, дана лишь высокая эстетическая оценка. Еще показательнее другая надпись:

Он дома – иль Шолье, иль Юм, или Платон;
Со мною – милый друг; у Вейлер – Селадон;

¹¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. М., 1994. Т. 2. С. 124.

Бывает и игрок – когда у Киселева,
А у любовницы – иль ангел, или рева.
(С. 335)

Здесь перечисляются не слишком совместимые психологические и социальные модели поведения, которые мирно уживаются в одном человеке, чередуясь, реализуясь в различных обстоятельствах: разные формы поведения ситуативно разграничены. Шутливый тон доброжелателен и не имеет ничего общего с сатирой на лицемерие. Об этической оценке опять речи не идет, зато эмоциональная подразумевается. Для сравнения вспомним еще одну надпись Пушкина – к портрету Вяземского:

Судьба свои дары явить желала в нем,
В счастливом баловне соединив ошибок
Богатство, знатный род – с возвышенным умом
И простодушие с язвительной улыбкой¹².

Текст выдержан в том же духе, что и надписи Дмитриева. Хотя со-
вмещение противоположностей в человеке и названо ошибкой судьбы, но
это не влечет за собой этической оценки и воспринимается как естествен-
ное, вероятно, не лишенное привлекательности. Показательно, что так оха-
рактеризован Вяземский, близкий Дмитриеву и во многом разделявший его
вкусы, в том числе и в плане поведения.

Релятивистская для своего времени трактовка Дмитриевым двойст-
венного поведения отразилась в текстах любых жанров. Принцип поэтиче-
ской басни содействовал заметному ослаблению сатирического пафоса в
ситуациях, где выведены двуличные, с традиционной точки зрения, персо-
нажи. Такова и басня «Сверчки», с которой началась статья: ханжество об-
личается в конкретном описываемом случае, само же сочетание «двух че-
ловек в одном – парадного с приватным» объявляется природным свойст-
вом характера, следовательно, явлением более сложным, и эта сложность,
равно как и неизбежность такой раздвоенности, понятна читателю, а еще
более – автору, влиятельному чиновнику, усвоившему, что в приемной и в
кабинете следует вести себя по-разному, даже имея самые благие намере-
ния. Не случайно в басне «Придворный и Протей» способность вельможи
менять обличья не хуже изменчивого божества приводит к спасению стра-
ны: персонаж одновременно выступает и как носитель порока, объект сати-
ры, и как подлинный герой, объект восхищения.

¹² Пушкин А. С. Полное собрание сочинений ... С. 137.

Показательна и сказка «Модная жена». Хотя иронии подвержены в повествовании все персонажи, ни один из них не подвергается сатирическому обличению в традиционном понимании этого слова. Между тем их поведение заведомо двулично. О модной жене, обманывающей мужа, и говорить нечего. Супруг ее Пролаз «в течение полвека / Все полз да полз да бил челом» (с. 172), затем стал солидным и благодушным вельможей, но перед женой оказывается в роли робкого и угодливого поклонника. Вся эта адюльтерная история между лживыми людьми рассказана так, что воспринимается как игра: повествователь отказался от морализаторства и постоянно меняет ракурс описания, точку зрения (в нарратологическом смысле термина, конечно). Роли, принятые участниками игры, оказываются в ней вполне естественны, и они не только не заклеены, но способны вызывать если и не симпатию, то во всяком случае понимание.

Обратим, наконец, внимание на другое известнейшее сочинение – «Чужой толк». Здесь ставится проблема поведения писателя, причем именно в плоскости оппозиции «парадное – приватное». Творческая деятельность, согласно традиции, отождествляется в тексте со сферой частной жизни, где реализуется естественное состояние души, а враждебна творчеству сфера публичная, где люди принимают на себя различные роли. Порицающий одописцев «Аристарх» усматривает их порок отчасти в чрезмерном погружении в светскую жизнь:

Так часто я видал, что истинно иной
В два, в три дни рифму лишь прибрать едва успеет,
Затем что в хлопотах досуга не имеет.
Лишь только мысль к нему счастливая, придет,
Вдруг било шесть часов! уже карета ждет;
Пора в театр, а там на бал, а там к Лиону*,
А тут и ночь... Когда ж захватить к Аполлону?
Назавтра, лишь глаза откроет, – уж билет:
На пробу в пять часов... Куда же? В модный свет,
Где лирик наш и сам взял Арлекина ролю.
До оды ль тут? Тверди, скачи два раза к Кролю**;
Потом опять домой: здесь холься да рядись;
А там в спектакль, и так со днем опять простишь!

(С. 114–115)

* Лион – бывший содержатель в Петербурге вольных маскарадов (примеч. И. И. Дмитриева).

** Кроль – петербургский портной (примеч. И. И. Дмитриева).

Свет уподоблен театру, а его представитель – шуту, раз принял на себя роль Арлекина. Аналогично, как царство неестественности и обмана, описан свет в записках Дмитриева: «Со вступлением моим в гражданскую службу я будто вступил в другой мир, совершенно для меня новый. Здесь и знакомства и ласки основаны по большей части на расчетах своекорыстия; эгоизм господствует во всей силе; образ обхождения непрестанно изменяется, наравне с положением каждого. Товарищи не уступают кокеткам: каждый хочет исключительно прельстить своего начальника, хотя бы то было на счет другого. Нет искренности в ответах: ловят, помнят и передают каждое неосторожное слово»¹³.

Пародийный поэт, выведенный в «Чужом толке», как раз является любителем светской жизни и не соотносит поэзию с уединением в сфере приватной:

Мы с рифмами на свет, – он мыслил, – рождены;
Так не смешно ли нам, поэтам, согласиться
На взморье в хижину, как Демосфен, забиться,
Читать да думать все, и то, что вздумал сам,
Рассказывать одним шумящим лишь волнам?
(С. 115)¹⁴

Дмитриев, видимо, напротив, считал творческий процесс и уединение неразрывно связанными. Это эффектно изложено в послании Державину:

Я не в отчизне, в Москве обитаю,
В жилище сует.
Тщетно поэту искать вдохновений
Тамо, где вороны глушат соловьев;
Тщетно в дубравах здесь бродит мой гений
Близ светлых ручьев.
Тамо встречает на каждом он шаге
Рдяных сатиров и вакховых жриц¹⁵,
Скачущих с воплем и плеском в отваге
Вкруг древних гробниц.
(С. 117)

¹³ Дмитриев И. И. Сочинения ... С. 335.

¹⁴ Обратим внимание на амплуа Демосфена, с которым Дмитриев соотносил поведение Карамзина.

¹⁵ Имеются в виду цыганские таборы в Марьиной роще.

В записках Дмитриев сообщает: «...я и в молодых годах не бывал слишком рассеян. Вместо вседневных посещений театров, балов и многолюдных собраний любил более прогулки пешком и без товарища по загородным полям, по городским улицам, на площадях, где толпится народ; любил везде быть свободным невидимкою или сидеть за книгою, иногда же проводить время в кругу двух-трех приятелей по мыслям и по сердцу»¹⁶. Совмещение службы и творчества, по собственному признанию, казалось ему немыслимым: сочинял он преимущественно во время длительных отпусков, а всерьез занявшись служебными делами, оставил литературу.

На основании сходных суждений одного из героев «Чужого толка» и автора в других сочинениях обычно содержание сатиры видят в том, что проповедуется эстетическая программа «Аристарха». «Чужой толк» – тоже игра. Собственно авторской речи там нет, а тождественность одного из трех рассказчиков автору еще нуждается в дополнительных доказательствах. От первого лица говорит именно тот, кого небезосновательно считают объектом сатиры. Однако он замечает:

Я, будучи и сам товарищ тех певцов,
Которых действию дивился он стихов,
Смутился и не знал, как отвечать мне должно.

(С. 114)

Дмитриев параллельно с «Чужим толком» создал «Глас патриота на взятие Варшавы», и вообще ему не чужда одическая форма, достаточно вспомнить его уважительные суждения о В. П. Петрове. Не только из этикетных соображений сделано и примечание к сатире – о том, что она не метит в лучшие оды.

Третий собеседник, уважающий одописцев, но чувствующий их слабости, утверждает противоположное тому, что говорит «Аристарх»: поэты погружены в светскую жизнь, но четко разграничивают ее с литературными занятиями, которым отдаются всей душой:

Ведь наш начнет писать, то все забавы прочь!
Над парюю стихов просиживает ночь,
Потеет, думает, чертит и жжет бумагу;
А иногда берет такую он отвагу,
Что целый год сидит над одою одной!

(С. 113)

¹⁶ Дмитриев И. И. Сочинения ... С. 268.

Уединенное писательство здесь окарикатурено, это вымученное творчество без вдохновения – столь же вредная крайность, как и растворение в светской суете. Ирония исходит, конечно, не от наивного рассказчика, а от автора, и позиция ни одного из рассказчиков иронии не выдерживает. Авторская же точка зрения оказывается неоднозначной, игриво уклоняющейся от прямых формулировок.

Предлагаемая статья не ставила задачей дать исчерпывающий анализ заявленной темы, а лишь стремилась показать, что обращение к этой теме выводит нас к исследованию некоторых основополагающих особенностей мировосприятия и литературной манеры Дмитриева.



ИЗ КОММЕНТАРИЕВ К ПОЗДНИМ СТИХОТВОРЕНИЯМ ДМИТРИЕВА

А. С. Бодрова*

Исследовательский интерес к поэтической деятельности и литературной позиции И. И. Дмитриева в 1820–1830-е годы нельзя назвать значительным, даже после принципиальных статей и публикаций В. Э. Вацуро¹. Однако в самое недавнее время в научный оборот был введен значительный корпус неизвестных стихотворений Дмитриева, содержащихся в рукописной тетради под заглавием «Мои стихотворения с 1822 года»², где помещена, по-видимому, исчерпывающая подборка лирических сочинений

* Приношу самую искреннюю благодарность М. Б. Велижеву, привлечшему меня к комментированию дмитриевских материалов, в ходе обсуждения которых сложились настоящие заметки.

¹ Вацуро В. Э. И. И. Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века // XVIII век : сб. 16 : Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1989. С. 139–179; *Дмитриев И. И.* [Письма] / Публ. В. Э. Вацуро // Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 416–458.

² ОПИ ГИМ. Ф. 445 (Чертковы). № 206. К этой тетради, упомянутой в давнем «Путеводителе по фондам личного происхождения отдела письменных источников Государственного исторического музея» (М., 1967. С. 279), только в 2006 году заново обратился М. Б. Велижев, опубликовавший роспись ее содержания, а также одно из неизвестных стихотворений с подробным комментарием (*Балакин А., Велижев М.* Новые стихотворения И. И. Дмитриева. 1 : «На кончину А. Л. П...» // Новое литературное обозрение. 2007. № 86 (4). С. 123–133); см. также его публикацию двух ранних песен Дмитриева и письма к нему Карамзина из того же архивного дела: *Велижев М.* Новые стихотворения И. И. Дмитриева // Лесная текстология : труды III-летней школы на Карельском перешейке по текстологии и источниковедению русской литературы. СПб., 2006. С. 47–51. По тетради «Моих стихотворений...» все ранее неизвестные в печати тексты Дмитриева были опубликованы в новейшем издании, подготовленном В. А. Сукайло (Труды и дни Ивана Дмитриева : в 2 кн. М.; Ульяновск, 2010. Кн. 2 : Сочинения и переводы), которое содержит наиболее полный корпус дмитриевских текстов, однако, к сожалению, отличается небрежностями и неточностями в комментариях.

Дмитриева указанного периода. Сопоставление уже известных в печати дмитриевских текстов, а также недавно выявленных его публикаций со стихотворениями, оставшимися в рукописи, заставляет по-иному взглянуть на стратегию Дмитриева в середине 1820-х годов и оценить специфику его литературного поведения в общем контексте журнальных полемика этого времени.

Ощутимый всплеск поэтической активности Дмитриева приходится на весну 1827 года: в это время на страницах журналов и альманахов появляется, хотя и анонимно, несколько его новых стихотворений³; по-видимому, в середине марта – начале апреля Дмитриев вписывает ряд недавно сочиненных текстов в тетрадь «Моих стихотворений...»⁴; наконец, в письме П. П. Бекетову, написанном в первых числах апреля 1827 года⁵, он посылает шесть недавних эпиграмм, свидетельствующих о живом интересе к актуальной литературной жизни. Дмитриевские выступления этого времени, по всей видимости, были напрямую связаны с событиями предыдущего 1826 года, который для Дмитриева был отмечен холодным приемом его «Апологов в четверостишиях», а также тяжелой потерей – не только литературной, но и личной – смертью Карамзина. Уход едва ли не главного спутника Дмитриева усилил его самоощущение как человека и поэта, пережившего свой век и своих современников. Но с другой стороны, те же идеи, по-видимому, создавали дополнительные мотивации к новым выступлениям: теперь именно он, говоря словами Боратынского «от века бывшего остав-

³ См., например: «На кончину ***<Д. В. Веневитинова>» (Московский телеграф. 1827. Ч. XIV. № 8. С. 157; без подписи); «Гёбры и школьный учитель» (Памятник отечественных муз на 1827 год. СПб., 1827. С. 258–260 [2-й пагинации]; подпись: ***); об истории этой публикации см.: *Краснобродько Т. И.* Неизвестная басня И. И. Дмитриева // Новые безделки : сб. ст. к 60-летию В. Э. Вацура. М., 1995–96. С. 147–150); «Плавание» (Московский телеграф. 1827. Ч. XIV. № 7. С. 221–222; без подписи, в тексте рецензии П. А. Вяземского на «Сонеты Адама Мицкевича»).

⁴ Как замечают М. Б. Велижев и А. Ю. Балакин, «по своей композиции тетрадь четко делится на две части. <...> Композиционное единство прослеживается до стихотворения "На кончину Веневитинова", перед которым Дмитриев начал было писать "Ответ" князю Шаликову, но затем зачеркнул заглавие <...> и вписал мемориальные стихи недавно умершему (15 марта 1827 года) поэту. Вслед за стихотворением на смерть Веневитинова в тетрадь помещены еще 12 текстов, но уже в соответствии с порядком их появления на свет <...> Таким образом, раздел между "диахронной" и "синхронной" частями тетради проходит по весне 1827 года» (Балакин А., Велижев М. Новые стихотворения И. И. Дмитриева ... С. 127).

⁵ РО ИРЛИ. Ф. 857 (Собрание В. И. Яковлева). № 115. Л. 15–16 об.; датируется на основании поздравлений с Пасхой («Воистину воскрес, любезнейший братец, поздравляю и тебя с достижением великого праздника...»), пришедшей в 1827 году на 3 апреля. Полный текст письма опубликован: Труды и дни Ивана Дмитриева. Кн. 1 : Хроника. С. 674–675.

шийся один», обретал не только право, но и обязанность быть высшим литературным арбитром, и тем обиднее в таком случае становились сомнения в его авторитете.

I

Поздравляя Бекетова с Пасхой, Дмитриев не преминул сообщить ему шесть, очевидно, недавно сочиненных эпиграмм, из которых три прямо метили в издателя «Дамского журнала», П. И. Шаликова. Те же сатирические тексты в несколько иной последовательности Дмитриев вписал и в тетрадь «Моих стихотворений...»:

- а) Ответ.
Несчастливый отец беззубой Эпиграммы!
Тебе ль язвить кого⁶? соперник мотылька!
Что сам ты? на словах весь нежность, весь для дамы;
На деле ж весь в грязи, и весь для кошелька.
- б) Нет, Веничкин, журнал, набитый только бранью
И вялой всячиной, грех *Дамским* признавать:
Приличнее б его назвать:
Кухаркиной лоханью.
- в) Встреча у желтого дома.
Каков Фиялкин? – плох, и всем уж это гласно:
Давно ли прижимал он *Веник к сердцу страстно*?*
А ныне всех глушит потоком бранных слов,
И рвется укусить, хотя и нет зубов⁷.

* Стих Г. Воейкова (примеч. И. И. Дмитриева).

⁶ кого вместо зачеркнутого талант.

⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 445. № 206. Л. 25–26 об.; РО ИРЛИ. Ф. 857. № 115. Л. 15–16 об.; Труды и дни Ивана Дмитриева. Кн. 2 : Сочинения и переводы. С. 437–439. Помимо процитированных эпиграмм, прямо метивших в Шаликова, в письме Бекетову и в рукописной тетради помещено еще два текста, также задевавших издателя «Дамского журнала»: «Надпись к портрету *N. N.*» («Вот балдус! русского изделия торжество; / О ранге, титулах ни слова; / Довольно знать: он пел Хлыстова, / А Веничкин ево») и «Чепуха» («Дай в шутку напишу Парнасс в Каррикату-ре...»; среди персонажей упомянут Шаликов – Варинушкин). Еще одно стихотворение, посланное Бекетову, – «К наборщику стихов моих» (о нем см. отдельно ниже).

Исходя из такого расположения стихотворений, записанных в тетради сразу за эпитафией Д. В. Веневитинову, безвременно скончавшемуся 15 марта 1827 года, и письма Дмитриева Бекетову, можно предполагать, что эпиграммы в большинстве своем были сочинены в конце марта – начале апреля 1827 года. Согласуется с этим и авторское указание о поводе для сочинения «Ответа» («Несчастливый отец беззубой Эпиграммы!..»): и в рукописной тетради, и в письме Бекетову поэт помещает копию эпиграммы на Н. Д. Иванчина-Писарева, которая появилась на страницах пятого, мартовского номера «Дамского журнала» и авторство которой Дмитриев приписывал Шаликову:

Рыцарь нашего времени.
Эпиграмма к. Шаликова на И. Писарева

Призревший и Лицей и Портик
Наш Томас – в рыцарях!.. Поэзии мечты?..
Ах, нет! он дедушкин уж подвязал и Кортик.
И рыцаря девиз: поклонник суеты⁸.

Однако едва ли можно полагать, что столь яростный выпад против Шаликова, так или иначе задетого в пяти эпиграммах, был вызван только обидой за Иванчина, тем более что у Дмитриева давно был гораздо более весомый повод для раздражения против издателя «Дамского журнала». Еще в марте 1826 года в журнале Шаликова был опубликован разбор «Апологов в четверостишиях»⁹, хотя в целом и одобрительный по отношению к их автору, но содержащий немало замечаний о точности выражений, чистоте языка, уточнения сведений из истории апологов и т. д., что не могло, разумеется, не задеть авторского самолюбия Дмитриева. В открытую сочи-

⁸ РО ИРЛИ. Ф. 857. № 115. Л. 16; ср. также ОПИ ГИМ. Ф. 445. № 206. Л. 25. Текст, посланный Дмитриевым Бекетову, имеет незначительные отличия от журнальной публикации: в «Дамском журнале» (1827. Ч. XVII. № 5. С. 243) в ст. 1 «призревши» вместо «призревший», в ст. 3 «дедовский» вместо «дедушкин». Варианты списка Дмитриева могут свидетельствовать о записи по памяти или же о том, что у него в руках был допечатный вариант эпиграммы Шаликова.

⁹ Дамский журнал. 1826. Ч. XIII. № 5. С. 218–224. О возмущении Дмитриева рецензией Шаликова прямо свидетельствует его письмо П. П. Свиныну от 27 марта 1826 года, а также его высказывания, известные в позднейшей передаче Н. А. Полевого (см. Письма русских писателей XVIII века ... С. 453; коммент. В. Э. Вацура).

нитель «Апологов...» отвечать Шаликову, как и другим своим критикам, не хотел, тем более что у Дмитриева были ревностные журнальные защитники – прежде всего Вяземский. Тот вскоре выступил в «Московском телеграфе» со своей рецензией на «Апологи...», построенной как подробный ответ на замечания «Дамского журнала», которые в тексте Вяземского были специально заострены: «Конечно, никому не известно, что Апологи, нами рассматриваемые, возбудили критическую ревность издателя Дамского Журнала: извещаем любопытных, что в № 5 Дам. Журн. издатель оного выступил на поле битвенной битвы* и между известием о *Парижском катанье на коньках* и *Парижскими модами* напечатал – *Критику на Апологи!* Он сам признается, что *целовал* некоторые из них, что они вообще удивительны, прекрасны, милы, и в тоже время – какое противоречие! – в грозном устремлении он обличает автора в исторических, логических и грамматических ошибках – *даже и грамматических*, хотя давно уже печатно *отрекся от грамматики!* В самом деле: Дамский журнал – История, Логика, Грамматика – вот слова, которые *воют от ужаса*, видя себя поставленными вместе!»¹⁰ Уклонившись от прямых выступлений, Дмитриев предпочел оставить собственные полемические тексты вне печатного пространства, однако его высказывания и его «голос» неизменно присутствовали как важный подтекст в журнальном споре 1826–1827 годов между «Дамским журналом» и «Московским телеграфом»¹¹. Закулисную роль Дмитриева в этом противостоянии ярко иллюстрирует запись в дневнике цензора «Телеграфа» И. М. Снегирева от 26 марта 1827 года: «<...> был на акте в Унив.<ерситетском> Пансионе, где видел и говорил с И. И. Дмитриевым, П. Кайсаровым, Храповицким; Кн. Шаликов изъявил свое негодование мне, что я пропустил на него в Телегр.<афе> слова: что К.<нязь> Ш.<аликов> вышел из всякой управы: И. И. Дм.<итриев> поддразнивал его, говоря: в какую<?> же меру мерите, отмерится и вам»¹². Такое положение «отставного» поэта неизбежно приводило к расширению пространства полемики,

* Полемической битвы – так пишет Изд. Дам. жур. (примеч. П. А. Вяземского).

¹⁰ [Вяземский П. А.] [Рец. на:] Апологи в четверостишиях. М., 1826 // Московский телеграф. 1826. Ч. VII. № 4. С. 385.

¹¹ О симпатиях Дмитриева к журналу Полевого см. замечания В. Э. Вацура: Письма русских писателей XVIII века ... С. 452–453.

¹² РО ИРЛИ. Ф. 361. № 64. Л. 90 об. Возмущение Шаликова вызвала заметка Вяземского в 5-м номере «Московского телеграфа», где об издателя «Дамского журнала» было сказано, что он «человек не молодой и вышел из всякой управы», и «на него уж ныне не сердятся» (Московский телеграф. 1827. Ч. XIV. № 5. С. 45; гневный ответ Шаликов поместил и в своем журнале: Дамский журнал. 1827. Ч. XVIII. № 8. С. 111–112).

значимую роль в которой, наряду с печатными выпадами, играли тексты неопубликованные и ходившие в списках – причем не только дмитриевские.

Выходом за рамки прямой журнальной полемики, видимо, нужно объяснять появление в третьем номере «Московского телеграфа» за 1827 год, раздававшемся подписчикам с 26 февраля¹³, явной отсылки Вяземского к эпиграмме Дмитриева «Несчастливый отец беззубой Эпиграммы...», написанной по указанию сочинителя в ответ на эпиграмму Шаликова, которая была опубликована только в пятом, мартовском номере «Дамского журнала». Рецензируя стихи В. И. Панаева в «Календаре Муз», Вяземский вскользь заметил: «Кстати о зубах и об эпиграмме Г-на Панаева, здесь же помещенной, вспомнили мы, что Д*** называет некоторые эпиграммы *беззубыми*. Мы заметили со своей стороны, что в этой эпиграмме отзывается небольшой навык к роду Идиллии»¹⁴.

Учитывая, что под криптонимом «Д***» в других публикациях Вяземского того же времени выступал именно Дмитриев¹⁵, можно предположить, что и в данном случае критик «Телеграфа» имел в виду автора «Ответа», тем более что выражение «беззубая эпиграмма» представляет собой случай едва ли не уникального словоупотребления. Однако если эта гипотеза верна, то необходимо не только сдвинуть верхнюю границу датировки дмитриевской эпиграммы, но и признать, что и эпиграмма Шаликова, в свою очередь, была написана несколько раньше отмеченной публикации: она, по-видимому, распространялась по Москве в списках и таким образом стала известна Дмитриеву.

Впрочем, можно думать, что и его «Ответ» также дошел до издателя «Дамского журнала», который публикацией своего эпиграмматического текста не ограничился. Через некоторое время после выхода номера «Телеграфа» с цитированной рецензией Вяземского на альманахи 1827 года в журнале Шаликова появилась едкая статья под заглавием «*Любопытная выписка из Бомбайского Журнала: Каланча*. Книга III, год ШЙ», которая

¹³ Сведения о выходе этого номера см.: *Боратынский Е. А.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 2. Ч. 1. С. 172.

¹⁴ [Вяземский П. А.] [Рецензия на альманахи 1827 года] // Московский телеграф. 1827. Ч. XIII. № 3 (февраль). С. 251 (подпись *Ас. Б.*).

¹⁵ Ср., например, такое же именование Дмитриева в рассказе о Е. И. Кострове в «Выдержках из записной книжки» («Однажды входит к нему Д*** и застаёт его на креслах перед столом, на коем лежит Греческий Гомер, в пергаменте <...>»), опубликованных в следующей части «Московского телеграфа» (1827. Ч. XIV. № 6. Отд. II. С. 94). Криптоним был раскрыт уже в публикации «Старой записной книжки» в собрании сочинений Вяземского: Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского. СПб., 1883. Т. VIII. С. 10.

представляла собой подробный и придирчивый разбор альманашного обзора Вяземского, помещенного в III-й книжке «Московского телеграфа», вышедшего к 1827 году *третий год*¹⁶. В «Выписке», представлявшей собой серию «разговоров питомиц с своею наставницею», участницы которых носили имена *Пулвиндара* и *Визара*, очевидно, созвучные фамилиям братьев Полевых и Вяземского, был помещен отдельный диалог, озаглавленный «Беззубые эпиграммы»:

«П<улвиндара> Кроме известных эпиграмм, не бывает ли еще каких-либо других?

В<изара> По свидетельству некоторого Философа-звездочета, рождаются эпиграммы и беззубые. Не известно только, вырезаются ли у них в свое время зубы, подобно как у младенцев.

П<улвиндара> Мудрец этого не объяснил. Но он, или другой кто-то, прибавил, что у сих эпиграмм отзыв идиллический»¹⁷.

Выпад «Дамского журнала» целил как непосредственно в Вяземского (ср. перифразу его суждения о «навыке к роду Идиллии» в последней реплике), так и в «Философа-звездочета», назвавшего эпиграммы беззубыми, – то есть, очевидно, в Дмитриева – сочинителя эпиграммы на Шаликова.

Сходный параллелизм печатных полемических заметок «Телеграфа» и не предназначенных для печати эпиграмм Дмитриева можно видеть на примере еще одного текста из этого антишаликовского цикла. Обвинениям в эпиграмме «Нет, Веничкин, журнал, набитый только бранью...» вполне соответствует сатирическая цель заметки Вяземского в следующем томе «Телеграфа», которая хотя и представляет собой выписку из библиографической части «*Revue Encyclopédique*», но отличается большой язвительностью: «В Rev. Enc. 1825 г. есть одно только известие о Дамском журнале, но в декабрьской, а не в октябрьской книжке. Думая, что о нем говорит и князь Шаликов, в угодность ему помещаем самый подлинник и верный перевод сего известия, дабы читатели не подумали, что мы прибавляем хотя одно слово от себя: <...> Московский Д. Ж., предпринятый по образцу Парижского *Journal des Modes* и *Petit Courier des Dames* далеко не стоит, во всех отношениях, обоих сих журналов, хотя цена их гораздо менее. К тому

¹⁶ Любопытная выписка из Бомбайского Журнала: Каланча. Книга III, год IIIй // Дамский журнал. 1827. Ч. XVIII. № 7. С. 32–39 (подписано: «С английского Л....й»). Все постраничные отсылки к «Бомбайской Каланче» точно соответствуют страницам номера «Московского телеграфа».

¹⁷ Там же. С. 37.

же, журнал к. Шаликова, кажется, слишком часто забывает свое назначение, *занимаясь только полемикой и нападением на другие Русские журналы*, которые он восставил против себя духом несправедливости и недобротства, господствующим в его редакции»¹⁸.

Таким образом, рассматриваемые эпиграммы Дмитриева против Шаликова становятся важной, пусть и скрытой, частью развернутой и острой полемики с «Дамским журналом» и его издателем, который весной 1827 года оказывается едва ли не самым популярным героем московских эпиграмм¹⁹.

Отличительной особенностью «антишаликовского» цикла Дмитриева являются очевидные отсылки к «Дому сумасшедших» А. Ф. Воейкова. Воейковское описание Шаликова²⁰ Дмитриев прямо цитирует, обозначая свой источник в эпиграмме «Встреча у желтого дома», заглавие которой, очевидно, отсылает к названию прославленной сатиры. К «Дому сумасшедших», по всей видимости, отсылает и именование Шаликова *Веничкиным* в этом цикле: посаженный в желтый дом «спичка Шаликов» у Воейкова «прижимает веник страстно».

Эти реминисценции добавляют интересные детали к истории бытования сочинения Воейкова, а также дополняют имеющиеся сведения об отношении Дмитриева к «Дому сумасшедших». Из его письма А. И. Тургеневу 1820 года было известно, что поэт давно проявлял внима-

¹⁸ [Вяземский П. А.] Журналистика // Московский телеграф. 1827. Ч. XIV. № 6. С. 99–101 (подписано: Журнальный сыщик). Цитированный Вяземским обзор русских журналов см.: Revue Encyclopédique. 1825. Т. XXVIII. Décembre. P. 948–949.

¹⁹ Шаликов стал также адресатом эпиграммы Боратынского «Грузинской Князь, газетчик русской...», посланной в письме Боратынского и Вяземского В. А. Жуковскому и А. И. Тургеневу от 25 февраля – 12 марта 1827 года (*Боратынский Е. А.* Полное собрание сочинений и писем ... С. 174), а также эпиграммы, сочиненной Пушкиным совместно с Боратынским: «Князь Шаликов, газетчик наш печальный...» (*Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений : в 16 т. М.; Л., 1948. Т. 3. Кн. 1 : Стихотворения, 1826–1836. Сказки. С. 484).

²⁰ «Вот на розовой цепочке / Спичка Шаликов в слезах, / Разрумяненный, в веночке, / В ярко-планшевых чулках, / Прижимает веник страстно, / Кличет граций здешних мест, / И, мяуча сладострастно, / Размазю без масла ест» (цит. по: Поэты 1790–1810-х годов / Вступ. ст. и сост. Ю. М. Лотмана, подготовка текста М. Г. Альтшуллера. Л., 1971. С. 795). Строфа о Шаликове входила во все редакции сатиры Воейкова, начиная с самой ранней, с очень значительными колебаниями в тексте (об истории «Дома сумасшедших» см. новейшую статью: Балакин А. Ю. Списки сатиры А. Ф. Воейкова «Дом сумасшедших» в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 годы. СПб., 2007. С. 189–208).

ние к сатире Воейкова²¹; цитаты из «Дома сумасшедших» в эпиграммах 1827 года – еще одно свидетельство этого интереса²².

II

Сохраняя свои эпиграммы на Шаликова за пределами печатной известности, Дмитриев тем не менее не вовсе «молчал» для публики. В то же самое время он, хотя и не объявляя прямо о своем авторстве, помещает ряд своих текстов в «Московском телеграфе» и альманахе В. В. Измайлова «Литературный музеум...»²³. Эти публикации были призваны создать совершенно иной авторский образ: образ не колкого полемиста – участника новейших журнальных споров, – но поэта прежнего поколения, уже лишённого «поэзии огня», который лишь изредка возвращается к литературе, откликаясь на самые значимые события или на просьбы старых друзей.

Смысловым центром печатных выступлений Дмитриева в начале 1827 года становится, как уже было сказано, смерть Карамзина. Свое стихотворение, посвященное памяти покойного друга, Дмитриев отдает Измайлову для «Литературного музеума...»:

Чего ты требуешь, Измайлов, от меня?
Как! мне, лишённому поэзии огня,

²¹ Дмитриев – А. И. Тургеневу: «Чувствительно благодарю вас <...> за ваше письмо и доставление последней строфы Воейкова. Она прекрасна и точь-в-точь, первые же две не стоят и пересылки» (Дмитриев И. И. Сочинения. М., 1986. С. 397; Балакин А. Ю. Списки сатиры А. Ф. Воейкова «Дом сумасшедших» ... С. 199; имеются в виду строфы про Н. И. Греча, А. Е. Измайлова и В. Н. Карамзина).

²² Любопытно отметить, что в свою очередь Воейков также не был чужд реминисценциям из Дмитриева. В колоритном описании Жуковского: «Вот Жуковский! в саван длинный / Скутан, *лапочки крестом*» – можно увидеть отсылку к знаменитой басне Дмитриева «Мышь, удалившаяся от света»: «Затворница на то, с душевным состраданьем / И *лапки положила* на грудь свою *крестом*, / – Возлюбленны мои! – смиренно отвечала...» На эту строку при публикации в «Московском зрителе» 1806 года, где она читалась иначе: «И руки положи на грудь свою крестом», обратил внимание Шаликов, сделав примечание: «Я слышал однажды от поэта-переводчика, что он написал махинально руки вместо лапки; без сомнения так; ибо ничто не обязывало написать руки: ни мера, ни просодия; к тому же лапки крестом сделало бы очень хорошую противоположность». Дмитриев согласился с этим советом Шаликова и, как отмечал В. Э. Вацуро, в последующих изданиях действительно заменил «руки» на «лапки» (см.: Вацуро В. Э. И. И. Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века ... С. 177).

²³ О литературных отношениях Дмитриева с Измайловым см. краткие замечания В. Э. Вацуро (Письма русских писателей XVIII века ... С. 440–441, 450–457), а также специальную статью А. Ю. Соловьева в настоящем сборнике. Об альманахе Измайлова см.: Вацуро В. Э. «Северные цветы»: История альманаха Дельвига – Пушкина. М., 1978. С. 101–103.

В глубокой старости забытому Парнассом,
Пугать и вкус и слух своим нестройным гласом!
Увы! всему пора: и я был молод, пел;
С восторгом на венок Карамзина смотрел,
И состязался с ним, как с другом, в песнопеньи...
Его уж нет! теперь душа моя в томленье
Глядит на кипарис, глядит на небеса,
И ждет в безмолвии свидания часа²⁴.

Дмитриевский текст был помещен в альманахе без подписи, но его авторство прозрачно раскрывалось в заглавии ответного послания Измайлова «И. И. Д. В ответ на его стихи», помещенного следом²⁵. Этот стихотворный диалог ярко иллюстрировал ту саморепрезентацию Дмитриева, которую он хотел предъявить публике, подчеркивая свою литературную и человеческую близость к Карамзину, чья смерть оставила Дмитриева единственным представителем их поэтического поколения, последним образцовым поэтом прежнего времени. Та же литературная установка отличала и построение «Литературного музеума...» в целом: альманах Измайлова фактически оказывался, с одной стороны, своего рода литературным памятником Карамзину, а с другой, – апологией Дмитриева, их имена практически не сходят со страниц издания Измайлова. Похвалой «Апологам...» Дмитриева открывалась литературная часть «Краткого обозрения 1826 года», написанного Измайловым²⁶; затем было помещено в высшей степени комплиментарное стихотворение Иванчина-Писарева «При чтении книги, под названием: Апологи в четверостишиях»²⁷. Ссылкой на Дмитриева сопровождалась публикация стихов Жуковского²⁸, из альбома Дмитриева был

²⁴ Литературный музеум на 1827 год. М., 1827. С. 317.

²⁵ Там же. С. 318–319.

²⁶ «Апологи в четверостишиях» явились в свете без имени автора. Но тайне скромного молчания изменило великое дарование; музы и слава наименовала давнего любимца своего, и обрадованные сограждане с гордостью увидели в свежих стихах старца, отблеск молодого поэта, украсившего век Екатерины творениями, полными жизни, огня и вдохновения. В сих Апологах, достойных его имени, есть мастерские и образцовые в своем роде» (там же. С. 25).

²⁷ Там же. С. 161. Иванчину-Писареву принадлежала также статья памяти Карамзина – «Речь в память Историографа Российской Империи» (там же. С. 61–148).

²⁸ В примечании к «Стихам на случай первого отречения Бонапарта, петым на празднике, данном английским министром лордом Каткартом» («Сей день есть день суда и мщенья!...») говорилось: «Они не внесены в полные сочинения Жуковского; не знаю, были ли где напечатаны; их отыскал в своих бумагах и сообщил мне И. И. Дмитриев» (там же. С. 308–310).

напечатан карамзинский отрывок «Дружба»²⁹; несомненно, Дмитриевым был сообщен и отрывок из письма к нему Карамзина³⁰. Таким образом, Дмитриев в общей конструкции альманаха оказывался едва ли не важнейшей фигурой литературного процесса, символизирующей связь текущей литературы с эпохой Карамзина, что, разумеется, не могло не льстить поэту, якобы «забытому Парнассом».

Любопытно и то, что ряд других дмитриевских выступлений в печати, как кажется, также был связан с мемориальной карамзинской темой и публикацией в альманахе Измайлова.

Переживание смерти Карамзина бросает свой отблеск и на известную эпитафию престарелого поэта представителю самого младшего литературного поколения – Веневитинову. В поэтических и эпистолярных текстах Дмитриев подчеркивал ощущение необходимости собственного ухода – вслед за современником и другом, но вместо того он, «глубокий старец», вынужден оплакивать безвременную кончину юноши-поэта: «А старость дряхлая дрожащею рукой / Ему надгробье пишет»³¹.

Ту же тему поэтической старости Дмитриев обыгрывает в другом тексте, который также был отдан в печать весной 1827 года. В девятом номере «Московского телеграфа» появилось анонимное четверостишие «Наборщику стихов моих»:

Спасибо твоему, ремесленник, набору,
И будь же ты воспет поэтом-стариком:
Мой вялый стих, как я, тащился бы ползком –
Ты бодрость дал ему, и разом поднял в гору³².

²⁹ «Автор написал сей отрывок для альбома своего знаменитого друга, который вверил нам драгоценные строки» (там же. С. 244–245).

³⁰ Ср. примечание издателя: «Именован ли того достойного друга, которому Карамзин, как бы по тайному предчувствию близкой смерти, завещал последние мысли и чувства свои? Нет, читатели угадывают и верно благодарят его вместе с нами за доверенность» (там же. С. 316).

³¹ Характерно, что на том же противопоставлении (юность – старость) было построено и приватное высказывание Дмитриева о смерти Веневитинова, запомнившееся Иванчину-Писареву: «"Они еще живут, а дарованья в гробе!" – привел мне однажды Дмитриев этот стих Петрова, извещающая меня о кончине Веневитинова. Он метил на себя и современных стариков-писателей» (ОПИ ГИМ. Ф. 404. № 68. Л. 43; письмо Д. П. Голохвастову от 12 ноября 1842 года; сообщено М. Б. Велижевым). Письмо Дмитриева Иванчину, которое припоминает последний, см.: *Дмитриев И. И.* Сочинения И. И. Дмитриева / Под ред. А. А. Флоридова. СПб., 1895. Т. 2. С. 297.

³² Московский телеграф. 1827. Ч. XV. № 9. Отд. II. С. 4 (без подписи).

Появление стихотворения в «Телеграфе», по всей видимости, нужно связывать с посредничеством Вяземского: в наборной рукописи³³ и на страницах журнала четверостишие Дмитриева помещалось вслед за посланием Вяземского к Илличевскому³⁴. Эта поздняя прижизненная публикация Дмитриева до сих пор не была отмечена ни новейшими комментаторами, ни последним издателем сочинений поэта, которые ввели этот текст в корпус дмитриевских стихотворений, основываясь на записях в тетради «Моих стихотворений...» и в письме Бекетову³⁵. Авторские пометы в рукописных источниках свидетельствуют о том, что четверостишие было связано с публикацией Дмитриева в «Литературном музее...»: «См. Литературный Музеум. Печ.: в типографии Г. Селивановского»³⁶. Впрочем, не вполне ясно, имеет ли стихотворение конкретный повод: явного вмешательства наборщика в текст, напечатанный в альманахе Измайлова, обнаружить не удалось.

Но в этой публикации показательнее всего другое – сам факт появления этого четверостишия в печати, ярко иллюстрирующий стремление Дмитриева публично выступать, пусть для узкого круга посвященных, в роли благосклонного «поэта старика». Четверостишие, обращенное к наборщику, подразумевало, разумеется, благодарность издателю «Литературного музеема...», которому он, несомненно, был признателен не только за вдохновение, но и за славу «достойного», «знаменитого друга» Карамзина и обещание поэтического бессмертия.

³³ Цензурная рукопись этого номера «Телеграфа», послужившая основой для набора, хранится в Пушкинском Доме (РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 1. № 1604). Четверостишие вписано писарской рукой без подписи, однако под текстом видны следы неразборчивой карандашной записи.

³⁴ Вяземский П. К Илличевскому («И за письмо и за подарок...») // Московский телеграф. 1827. Ч. XV. № 9. Отд. II. С. 3–4.

³⁵ Ср.: Балакин А., Велижнев М. Новые стихотворения И. И. Дмитриева ... С. 131; Труды и дни Ивана Дмитриева : Кн. 2 ... С. 693.

³⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 445. № 206. Л. 26; РО ИРЛИ. Ф. 857. № 115. Л. 15 об.; Труды и дни Ивана Дмитриева : Кн. 2 ... С. 438.

ДМИТРИЕВ И ОСВОЕНИЕ РУССКОГО ПРОСТРАНСТВА

С. Дикинсон*

На мой взгляд, современники И. И. Дмитриева ощущали особенно тесную связь между его личностью, его творчеством и русской географией. Восприятие такой связи исходило в основном от самих дмитриевских сочинений, где литературное вдохновение особенно ярко оказывается обусловленным специфическими географическими контекстами. Данная статья является только вступлением к этой теме. Здесь мы постараемся рассмотреть, как опыт путешествия укрепил в Дмитриеве связь с русской географией, различные аспекты его «дорожных» опытов – в путешествовании и в описании путешествovanja.

Дмитриев резко противопоставляет идею русского пространства идее пространства заграничного, что было характерно для образованных дворян его эпохи. Но, если не считать две поездки в шведскую Финляндию во время военных походов, сам он не путешествовал вне России. Естественно, что он, как и дети других провинциальных помещиков, много *ездил*: туда и обратно в отстоявшую на двадцать пять верст от родового поместья Сызрань, например, или в Казань, или в Симбирск – на учебу в пансион или по другим надобностям. Во время Пугачевщины, как известно, молодой Дмитриев вынужден был уехать в Москву, позже поехал на службу в Петербург и в своей жизни часто ездил между двумя столицами, несколько раз возвращаясь в Поволжье на отпуск. Все эти поездки были для него самыми обычными и бытовыми, они не являлись настоящими «путешествиями», то есть не были поездками досужими или туристическими.

Тем не менее Дмитриев чувствовал некую важность и в таких бытовых передвижениях и с детства ожидал от них какого-то воодушевления.

* Автор благодарит за предварительное прочтение текста статьи Владимира Зинина, Ирину Пронину и Андрея Костина.

В начале воспоминаний он пишет: «Однажды, ехав из деревни в Симбирск, я сидел в коляске с моим братом; он молчал, и я тоже, окидывая между тем глазами с обеих сторон поля, дубравы и селения; вдруг пришло мне на мысль: отчего я так долго молчу, и ни о чем не рассуждаю? Помню из книг, что молодой Маркиз дорогою рассуждал в коляске с своим наставником; Барон *Пельниц* с своим сыном, и *Дон Фигеоразо*, или *Уединенный Гишпанец*, также с своими детьми: от чего же никакие предметы, никакой случай не возбуждает во мне размышлений? Конечно оттого, думал я, что они были умнее. При этом замечании мне стало грустно»¹.

Этот отрывок интересен с разных точек зрения. С одной стороны, окружающие предметы («поля, дубравы и селения») возбуждают не вдохновение, а, скорее, «беспокойство вдохновения» – негативное ощущение настолько сильное, что отчетливо вспоминается через 55 лет, когда Дмитриев сел за стол и начал писать свои записки. С другой стороны, рассказанный момент помнится не только в литературных пределах, но и в конкретном физическом контексте: молодой Дмитриев смотрит на пространство вокруг себя, и оно само по себе волнует его заложенным в себе побуждением к творчеству, «рассуждениям» – по сути, не здесь ли мы видим (заданное в таком случае поволжской природой) зарождение писательской страсти будущего поэта?

Можно заметить и то, что все книги, представляющие у Дмитриева набором детского чтения и задающие модель поведения, – иностранные, то есть столь памятные для Дмитриева «размышления» происходят в них при передвижении по Франции или в каком-либо ином европейском пейзаже. Однако в 60–70-х годах XVIII века возвышенное вдохновение, которое искал молодой Дмитриев, по-видимому, не так часто возникает от бытового передвижения в пределах России, и тем более в провинциальном Поволжье.

Возможность словесного описания русского пространства становится особенно важной в конце XVIII века, когда совпадает (в России, как и в Европе) со стремлением к «национальному сознанию» и с развитием романтической эстетики. Русские путешественники начинают напряженно искать способы представить собственную культуру в терминах, вполне сформировавшихся в западно-европейских рассуждениях, как определенную и национально-специфическую данность. Появляется ощущение, что было бы хорошо описывать в своих путешествиях возвышенные поэтические пейзажи с высокими горами, громадными

¹ *Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь. Записки действительного тайного советника Ивана Ивановича Дмитриева. В трех частях. М., 1866. С. 16 (подчеркнуто в оригинале). В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страницы.

водопадами и т. п.; и пока путешествие проходило, например, в Швейцарии, такое видение было им вполне доступно. Но к концу века, когда русские начали путешествовать как туристы и *внутри* России, оказалось, что русский ландшафт зачастую не представлял подобных *готовых* красот природы. Творчество Дмитриева, как мне кажется, предлагает один из самых ранних вариантов решения этой проблемы в русской традиции, и в этом отношении было быстро подхвачено его современниками.

Вообще, процесс оценки домашнего пространства близко связан с развитием путешествия «внутреннего», по России, практика которого стала более популярной в связи с культивируемой в сентиментальной культуре особой восприимчивостью². Подчеркиваемая в сентиментальных текстах склонность автора к домашнему быту, к тихим радостям и к обществу близких друзей встречается и на первых страницах дмитриевских записок. Ему очень нравятся, например, «прогулки пешком <...>, по загородным полям, <...> или сидеть за книгою» (с. IX). Такого рода личные пристрастия способствовали стремлению к внутренним путешествиям, поскольку в них подчеркивались (и вообще, и для Дмитриева лично) самые интимные и домашние аспекты путешествия.

Что означало заграничное путешествие для Дмитриева? Как и другие современники, он воспринимает досужий заграничный вояж в объеме «гран тур» как важный жизненный этап. В 1799 году он пишет неизвестному приятелю, собирающемуся ехать по Европе: «...какая приятная для вас дорога! сколько предметов для любопытства, сколько случаев к большему познанию человека, и в таких молодых летах!»³ Дмитриев, которому было в то время уже под сорок, резко противопоставляет вояж знакомого собственному жизненному опыту: приятель будет путешествовать «между тем, как я, бедный, лучшую часть жизни провел на маленьком театре почти в недействии, почти не чувствуя живых удовольствий, и не имею в виду ничего, кроме скучной старости, сопряженной с заботами»⁴.

Может быть, ощущение грусти о неосуществленных путешествиях обостряется снова в связи с проектом приятеля, Василия Львовича Пушкина, отправиться в Европу в 1803 году, но в этом случае Дмитриев сумел

² В своем понимании процесса оценки русского пространства я исхожу из анализа этого явления в более поздний период: *Ely C. D. This Meager Nature: Landscape and National Identity in Imperial Russia*. DeKalb, Illinois, 2002.

³ Дмитриев И. И. [Письма] / Публ. В. Э. Вацура // Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 417.

⁴ Там же.

преобразить грусть в юмор. Это проявилось в создании шуточного дружеского описания путешествия Пушкина «за три дня до его отъезда»⁵. Здесь подчеркивается свойственное Пушкину уже до отъезда восхищение Европой, словами Г. П. Макогоненко, его «детски наивная восторженность»⁶. «Друзья! Сестрицы! – восклицает стихотворный Василий Пушкин. – Я в Париже! Я начал жить, а не дышать!»⁷ Заметим, что энтузиазм к европейским достопримечательностям и модам не повреждает сердечную привязанность Пушкина к России. Дмитриевская пародия кончается примирительным взглядом героя назад: «А родина... всё нам мила!»⁸

Возможно, что неумолкающее чувство грусти о неосуществленной заграничной поездке проявляется и в дмитриевском стихотворном переводе басни Флориана «Le voyage», озаглавленном «Путешествие» и написанном в том же 1803 году. Естественно, этот переводной текст принадлежит другому роду литературных сочинений и предлагает не традиционное путешествие, а метафорическое продвижение по дороге жизни⁹. Мне кажется, однако, что текст Дмитриева отличается от французского оригинала, как и от многих других обработок этого мотива, своей конкретностью, подробностями, заставляя думать не об аллегорической поездке, а о действительной¹⁰. Стихотворение начинается с ряда образов, которые развивают идею неудобства и неприятности длительной поездки. Оно предлагает, иными словами, целый список причин остаться дома. Только в последней строчке мы открываем, что образ дома не относится к делу и что досужее, будничное путешествие здесь ни при чем: путь ведет не к какой-либо дальней точке физического пространства, отличной от привычного окружения, но к смерти. «Путешественник», равно как любой живой человек, «льстит себя дальними мечтами» во время своего путешествия, а в конце умирает. Острота стихотворения исходит из нашего понимания «путешествия» со свой-

⁵ Дмитриев И. И. Путешествие *N. N.* в Париж и Лондон // В. Л. Пушкин. Опасный сосед. М., 1918. С. 27–39. Оригинал был опубликован под названием «Путешествие *N. N.* в Париж и Лондон. Писанное за три дни до путешествия» (М., 1803).

⁶ Макогоненко Г. П. «Рядовой на Пинде воин»: Поэзия Ивана Дмитриева // И. И. Дмитриев. Полное собрание стихотворений. Л., 1967. С. 68.

⁷ Дмитриев И. И. Путешествие *N. N.* в Париж ... С. 33.

⁸ Там же. С. 38.

⁹ Благодарю С. И. Николаева за его замечания по этому поводу. Можно заметить и общую привлекательность путевых метафор для Дмитриева, часто во «Взгляде...» представляющего свое интеллектуальное, моральное и художественное развитие как путь.

¹⁰ В этом отношении «Путешествие...» Дмитриева отличается, например, от более абстрактного «Путешественника» Жуковского (1809).

ственным ему контрастом между «здесь» и «там», между действительностью домашней и заманчивыми, соблазнительными перспективами иных мест:

Начать до света путь и ошупью идти,
На каждом шаге спотыкаться;
К полдням уж за треть дороги перебраться,
Тут с бурей и грозой бороться на пути,
Но лстить себя вдали какою-то мечтою;
Опомнись, под вечер вздохнуть,
Искать пристанища к покою,
Найти его, прилечь и наконец уснуть...
Читатели! загадки в моде;
Хотите ль ключ к моей иметь?
Всё это значит в переводе:
Родиться, жить и умереть¹¹.

Вернемся к дмитриевской концепции действительного путешествия. Как отмечается во «Взгляде...», во время Шведской войны в конце 80-х годов Дмитриев дважды побывал в Финляндии. Хотя он был там не совсем за границей, а, скорее, на границе, все равно его явно воодушевляет необычный контекст: незнакомый край производит в нем некий литературный импульс, что чувствуется в живости изложения. В 1788 году он пишет в воспоминаниях: «...прожил четыре месяца в палатке или в переходах с места на место, под шумом песен и барабанов» (с. 49–50). Указание на то, что «шум песен и барабанов» оказывается *фоном* жизни в Финляндии, может служить намеком на то, что ситуация эта задним числом (с оглядкой на «Певца во стане русских воинов» Жуковского (1812) или на военные путешествия Батюшкова или Федора Глинки¹²) воспринимается Дмитриевым именно как жизнь поэта-воина среди экзотичной природы, побуждающей к творчеству. Очень показательно, что скалы Финляндии Дмитриев описывает в стилистическом отношении так же, как Шотландию Оссиана, фрагмен-

¹¹ Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений ... С. 139.

¹² То есть «Письма русского офицера в Финляндии» К. Н. Батюшкова (1810) и «Записки русского офицера» Ф. Н. Глинки (1808–1816). Как свидетельствуют его письма, Дмитриев был очень расположен к работе обоих (см. в кн.: Письма русских писателей XVIII века ... С. 419–421). Об этих путешествиях, как и других, упоминаемых в этой статье, см. в кн.: Dickinson S. Breaking Ground: Travel and National Culture in Russia from Peter I to the Era of Pushkin. Amsterdam, 2006.

ты из «Теморы» которого Дмитриев и его брат переводили в 1788 году¹³: «Новая жизнь, новая даже природа, дикая, но Оссияновская, везде величаяя и живописная: гранитные скалы, шумные водопады, высокие мрачные сосны, не могли мне накоротке наскучить»¹⁴ (с. 50).

В той же Финляндии Дмитриев открывает и тихий мир приятного и уединенного времяпрепровождения, а также подходящий тон, который становится характерным в его описании последующих путешествий. Как он объясняет, «сердце, еще не развращенное, повсюду найдет для себя кроткие наслаждения. <...> Как я был обрадован, увидя однажды голубой цветочек между голых и огромных камней! С каким удовольствием проваживал я поздние вечера и первые часы утра в низменной хижине под соломенной кровлею!» (С. 50.) Эта тесная хижина – штаб-квартира дмитриевских литературных работ, в то время еще ограничивавшихся переводами. За образец блестящего совмещения писательской деятельности с военными обязанностями Дмитриев брал, возможно, Державина, о книге которого¹⁵ он пишет в воспоминаниях: «Это было, как я после узнал, плоды кратких досугов его в военном стану, посреди уфимских степей» (с. 52). Вообще, Дмитриев считает стихосложение работой досужего времени, несколько раз подчеркивая, что не может «стихотворствовать», когда озабочен службой, и придавая особое значение тому, что относился к поэзии как любитель, а не как профессионал; подчеркивая, что тогда поэтам не платили, как сегодня платят Пушкину (с. 34), и «при малейшем упорстве рифм, при малейшем затруднении <...> я бросал перо <оттого, что> мне казалось унижительным ломать голову над парюю стихов» (с. 91–92).

Во время второй шведской кампании Дмитриев едет в Финляндию уже не как военный, а «для свидания с старшим братом» (с. 53), то есть почти как досужий турист. Сочетание досуга и путешествия, хотя и пограничного, рождает в нем желание писать путевые заметки. К сожалению, текст заметок не сохранился, но интересно, что этот опыт Дмитриева в путевых записках был не совсем «прозаический», как можно было бы ожидать от его жанра, но местами переходил к поэзии и даже особо – к жи-

¹³ См.: Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе. Л., 1980. С. 24–25, 56–57.

¹⁴ В 1794 году также с оглядкой на Оссиана финский пейзаж был описан А. П. Хвостовой в отрывке «Камин»; отсылки к Оссиану при описании природы Финляндии находятся и в «Письмах русского офицера в Финляндии» Батюшкова.

¹⁵ Имеется в виду книга «Оды» (1776).

вописным ее видам: «В продолжении дороги и на месте я вел поденную записку; описывая в ней между прочим красивое местоположение, употребил я обращение в стихах к Державину, и назвал его единственным у нас живописцем природы» (с. 53).

Путешествие Дмитриева – и особенно внутреннее путешествие – ассоциируется с поэзией, что видно из описания во «Взгляде...» долгого отпуска в Сызрани в 1794 году. Дмитриев на Волге, как и в Финляндии, подчеркивает приятность домашнего очага и кротких развлечений, вспоминая, например, что «провел <этот год> посреди моего семейства, в приволжском городке Сызране, или в странствовании по Низовому краю. Здоров, независим, обеспечен во всех моих неприхотливых нуждах, я не скушал отсутствием шумных забав и докучливых, холодных посещений. Для меня достаточно было одной моей семьи <...>» (с. 70). Именно обстоятельства, охарактеризованные таким образом, побуждают Дмитриева сосредоточиться на творчестве. Подводя итоги, он называет 1794 год «моим лучшим пиитическим годом» (с. 70).

Интересно, что, рассказывая во «Взгляде...» об этом времени, Дмитриев решает описать Сызрань глазами путешественника. С этим городком мы уже встречались несколько раз в воспоминаниях, но здесь Дмитриев впервые дает его изображение, как будто предлагая нам традиционные путевые записки, хотя бы размером в абзац. Как принято в жанре путешествия, он комментирует строение и местоположение Сызрани, даже осознавая некоторые недостатки провинциального городка (разумеется, в соответствии с более «европейскими» идеалами): «Сызрань выстроен был худо, но красив по своему местоположению. Он лежит при заливе Волги и разделяется рекою Крымзою, которая в первых днях мая бывает в большом разливе» (с. 70). Такой информационный компонент типичен для путевых записок той эпохи. Есть на сызранских страницах «Взгляда...» и этнографический компонент, ожидаемый от описания Поволжья (как и других далеких районов империи, чаще становившихся объектом научных путешествий, чем художественного взгляда). Однако вместо изображения поведения и обычаев местных народностей Дмитриев предлагает описание обычаев сызранского купечества: «Каждое воскресенье, в хорошую погоду, видел я <Волгу> из моих окон покрытою лодками: зажиточные купцы с семейством и друзьями катались в них взад и вперед, под веселым напевом бурлацких песен. На дочерях и женах веяли белые кисейные фаты или покрывала, сверкал жемчуг, сияли золотые повязки, кокошники и парчовые телогреи. Прогулка их оканчивалась иногда заливом Волги. Там они бывало тянут тоню, и сами себе готовят на мураве уху из живой рыбы» (с. 70). Бе-

рег Волги был «и моим любимым гульбищем», пишет Дмитриев, где он «везде наслаждался живописными видами» и писал стихи (с. 70–71).

Можно спросить, почему Дмитриев говорит о Сызрани как о туристической достопримечательности именно в третьей книге своих воспоминаний? Ведь до этого момента ни Сызрань, ни другие города не устаиваются подобного подхода. Ответ, мне кажется, лежит в том, что у Дмитриева именно к 1794 году созревает художественное самосознание, а также уверенность в своих творческих силах, в результате чего он все чаще смотрит на окружающий мир, опираясь на осознанную способность быть не объектом окружающей природы, но субъектом, ее описывающим. Из воспоминаний видно, что Дмитриев достиг важного этапа в своем поэтическом развитии непосредственно перед отъездом в Сызрань. Собственно, история его художественного становления оказывается неким предисловием к описанию самого отпуска.

Перед отъездом Дмитриев создает первые произведения, служившие для него предметом литературной гордости. Видно (и подчеркивается), что в процессе его художественного развития сыграли значительную роль и Державин, и Карамзин. Дмитриев служил в Петербурге, когда возвратился из-за границы его друг Карамзин, которого он сразу же познакомил с Державиным. Карамзин затем уехал в Москву, где начал публиковать свой «Московский журнал». В его публикации участвовал и Дмитриев, стихи которого «приобрели мне некоторую известность в обеих столицах». Так начинается новый период его жизни: «С той поры и в обществе Державина уже я перестал быть авскультаном <просто слушателем> и вступил, так сказать, в собратство с его членами» (с. 69–70). В это же время Дмитриев начинает успешно писать басни. Вся эта история поэтического становления во «Взгляде...» непосредственно предшествует описанию путешествия 1794 года, «самого пиитического».

Хотя путешествие 1794 года не было первым возвращением домой, в этот раз Дмитриев впервые встречается с родным краем, чувствуя себя настоящим поэтом. Он приезжает в Сызрань уже как успешный петербургский писатель; литературные успехи позволяют ему увидеть и показать красоту и значимость поволжской местности, важной лично для него. Заметим, что описание годичного отпуска занимает несоразмерно большой фрагмент воспоминаний относительно скромного и сдержанного Дмитриева: в первой части «Взгляда...», занятой описанием детства, службы, художественного становления и различных литераторов той эпохи, встреченных им за 34 первых года своей жизни, 6 страниц из 83 (по изданию 1866 года приблизительно 7 %) посвящены этому единственному, особенному году.

В то же время кажется, что дружеские связи и с Карамзиным, и с Державиным способствовали развитию у поэта лирического ощущения русского пространства. Судя по воспоминаниям, Дмитриев пишет больше и лучше «вдвоем», то есть в дружеском кругу и с дружеской поддержкой. Мне кажется, что участие этих друзей так сильно воспринимается Дмитриевым еще и потому, что они сами были такими же поволжскими провинциалами, как и он. Напомним, что Державин вырос в Казани, а Карамзин был уроженцем Симбирска; Карамзин был Дмитриеву также и родственником – по местным поволжским связям. Немудрено тогда, что, гуляя и сочиняя стихи в Сызрани, Дмитриев часто думает о том, как их послать Карамзину и как тот на нихотреагирует¹⁶. Карамзин стал первым читателем многих волжских стихотворений, включая «К Волге» и «Ермака»; наверное, он служил Дмитриеву и моделью путешественника: безусловно, поэт знал о заграничном опыте Карамзина и по его тексту, и с его слов. Державину он послал «Глас Патриота». Одним словом, образ друзей давал Дмитриеву возможность воспринимать провинциальную Сызрань как город достопримечательный и, что еще важнее, позволил использовать свой год на Волге исключительно продуктивно.

В том же 1794 году Дмитриев предпринял поездку «по величавой Волге» из Сызрани в Царицын, а потом еще одну – в Астрахань сухим путем. Эти путешествия, встреча с разнообразием культуры Российской империи имели важное значение для развития Дмитриевской художественной индивидуальности. Можно согласиться с Г. П. Макогоненко, утверждающим, что «Глас Патриота» определяет важный момент в развитии художественных представлений о России, так как «главный предмет <дмитриевского> искреннего восхищения – могучая многонациональная Россия <....> <Этот> художественный образ <...> запомнился русским поэтам», в том числе Батюшкову и Пушкину¹⁷. Расширяющееся осознание изобилия и экзотичности российской культуры видно и в описаниях поволжских путешествий в тексте «Взгляда...». Если поначалу с речного судна виден лишь намек на мультиэтничность: «...здесь татарская мечеть, там церковь или кирка среди больших селений» (с. 72), то по дороге в Астрахань совершается переход к экзотике, перед читателем предстает что-то вроде заграничного путешествия, хотя и в пределах России. Смотря на немецкие поселения и калмыцкие кочевья, Дмитриев замечает, что «иногда думаешь быть вне России: ибо

¹⁶ После их чтения в семье «наступает новое удовольствие: переписывать стихи мои набело для отсылки к Карамзину. С каким нетерпением ожидал от него отзыва!» (Дмитриев И. И. Взгляд ... С. 71.)

¹⁷ Макогоненко Г. П. «Рядовой на Пинде воин» ... С. 47.

видишь других людей, другие обычаи, даже других животных» (с. 72–73). Наконец, сгущение экзотизма в самой Астрахани вызывает пространное описание: там, в пестром обществе бухарцев, хивинцев, калмыков, армян и индийцев, «можно прожить недели две не скучно. <...> В одном городе видишь разные обычаи, гостинные двory трех народов, свободное отправление службы трех вероисповеданий: христианского, магометанского, идолопоклоннического. Монах сталкивается с факиром; лама приятно разговаривает с муллою, лютеранин с католиком» (с. 73).

По выводам, сделанным мною в другой работе¹⁸, предполагаю, что личное знакомство Дмитриева с разнообразной культурой империи способствовало возможности воспринимать саму Россию как предмет личной гордости. Под «знакомством» здесь разумеется не детское знание Поволжья, а осознание территории, ставшее для него доступным только позже, когда он стал опытным путешественником и зрелым поэтом. Новая встреча с южно-восточным пределом европейской России укрепила в нем на опыте идею обширного российского пространства, включающего в себя кроме двух столиц Сызрань, Симбирск, Казань, Астрахань, откуда в творческом сознании более актуальной стала для Дмитриева и Сибирь Ермака.

В конце описания Астрахани Дмитриев замечает, что «поэту не бесполезно путешествовать» (с. 73), неожиданно и нехарактерно отзываясь о себе как о поэте. Обычно в своих воспоминаниях Дмитриев предпочитает «стихи» слову «поэзия» и упоминает свою литературную деятельность как «рифмование» или «опыты в рифмовании», добавляя в одном месте: «...мне совестно сказать <опыты> в поэзии» (с. 32)¹⁹. Не случайно поэтому, что само риторичное слово «поэт» (в отношении к себе) появится в дмитриевских сочинениях именно в контексте путешествия в родную Сызрань и по ее окрестностям. Так решается проблема из ранних страниц записок, где будущий поэт расстраивался оттого, что путешествие не внушало ему мыслей. После описания Астрахани Дмитриев пишет с чувством о лирическом воздействии на него восхода и захода солнца, «безмолвной величественной ночи» и «благоговения к Непостижимому» и заключает: «...будучи одинок, никем не развлечен, наблюдатель и нравственного и физического мира, <поэт> входит сам в себя, с большею живостью принимает всякое впечатление. <...> Самое над ним пространство недостижимое и беспредельное, возвышает в нем душу, расширяет сферу его воображения»

¹⁸ Dickinson S. Breaking Ground: Travel and National Culture in Russia...

¹⁹ Во «Взгляде...» можно найти немало таких примеров – в конце первой части, например, Дмитриев утверждает: «...часто приходило мне даже на мысль, что я и совсем не поэт» (Дмитриев И. И. Взгляд ... С. 92).

(с. 74). Таким образом, художественная индивидуальность Дмитриева утверждается не только на фоне его литературных успехов, но и в соответствии с его опытом во внутреннем путешествии (в Сызрань и дальше) и вместе с его концепцией русского пространства.

Стоит заметить в заключение, что Дмитриев, по-видимому, сыграл особенную роль в сотворении некоторой «пан-идеи» русского пространства, очень важной для будущей русской литературы. Как известно, он непосредственно повлиял на Пушкина, Батюшкова, Жуковского и других писателей первой трети XIX века как поэт, как мемуарист и как личность, олицетворяющая предыдущую литературную традицию. Но современники воспринимали Дмитриева и как писателя, неразрывно связанного с русской географией: он был и певцом, и «воодушевителем» определенных мест, одним из первых «гениев» Поволжья и «гением» России вообще, в том числе и «гением» концепции русского пространства, которая была очень важна для их же национальной и художественной самостоятельности.



К ВОПРОСУ О СВЯЗИ ДМИТРИЕВА С МОСКОВСКИМИ МАСОНАМИ КОНЦА XVIII ВЕКА

Е. К. Беспалова

В письме А. И. Тургенева к И. И. Дмитриеву от 23 декабря (год неизвестен) есть пассаж, до сих пор, кажется, не привлекавший внимания исследователей. Тургенев сообщает, что высылает Дмитриеву «стихи, петье в масонской ложе», причем особо подчеркивает: «К сим последним присовокупляю одну строфу для вашего только сведения. Она неизвестна, даже и масонам, а только некоторым»¹. Известно, что Дмитриев имел значительное собрание произведений искусства, эстампов, рисунков². Из указанного письма становится очевидным, что в нем были и масонские песни. Чем объясняется их наличие: интересами коллекционера Дмитриева или же остатками тех невидимых связей, которые существовали у него с масонами?

Постановка проблемы «И. И. Дмитриев и масоны» не нова. На причастность к масонству И. И. Дмитриева указывает в своем фундаментальном труде Т. Бакунина³. Никаких указаний на источник своих сведений она между тем не приводит. В литературоведческих и справочных изданиях, посвященных исследованиям жизни и творчества поэта с середины XIX века до наших дней, сведения о связи И. И. Дмитриева с масонами отсутствуют. Г. П. Макогоненко прямо заявляет, что «масонство и его нравствен-

¹ Письма А. И. Тургенева к И. И. Дмитриеву // Русский архив. 1867. № 4. Стлб. 639–640.

² О составе собрания И. И. Дмитриева можно прочитать в «Главах из воспоминаний моей жизни» М. А. Дмитриева (*Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни / Подготовка текста и примеч. К. Г. Боленко, Е. Э. Ляминой и Т. Ф. Нешумовой. М., 1998. С. 384–389*).

³ *Bakounine T. Le répertoire biographique des franc-maçons russes (XVIII et XIX siècles). Bruxelles, 1940. P. 121–122.*

ные искания оказались чуждыми Дмитриеву»⁴. Отсутствуют подобные сведения и в биографическом словаре «Русские писатели. 1800–1917 гг.»⁵. А. М. Песков, автор статьи о И. И. Дмитриеве, признает, что «Дмитриев был прочно связан с традициями поэзии 18 в.», но из тех, кто оказал на поэта серьезное влияние, называет только А. П. Сумарокова и М. М. Хераскова, кстати, тоже видных масонов XVIII века. А. И. Серков в энциклопедическом словаре «Русское масонство 1731–2000 гг.», перечисляя всех, о ком удалось найти различной степени достоверности сведения о связи их с орденом вольных каменщиков, имени И. И. Дмитриева также не упоминает⁶.

При исследовании этой темы нужно учитывать следующие обстоятельства. Ранняя творческая биография поэта, к сожалению, остается недостаточно изученной. Начальный период литературной жизни Дмитриева почти не документирован эпистолярными материалами (из всего сохранившегося довольно большого по объему эпистолярного наследия Дмитриева, как замечал В. Э. Вацуро, «почти полностью исчезли письма Дмитриева за XVIII век, – их сохранилось немногим более десятка»⁷). Более содержательными являются найденные после смерти поэта мемуары, при первой публикации получившие название «Взгляд на мою жизнь». Но они также отличаются краткостью, сжатостью и некоторой недоговоренностью. Прямых отсылок к связям Дмитриева с масонством в них мы не найдем. Написанные в 1825 году, записки увидели свет спустя почти сорок лет, в 1866 году, благодаря инициативе М. А. Дмитриева⁸. Сам же И. И. Дмитриев не хотел прижизненной и широкой огласки содержания своих мемуаров и даже составил очень небольшой список особо доверенных лиц, которые допускались к ознакомлению с ними.

После выхода в свет книги «Взгляд на мою жизнь» на нее появились многочисленные рецензии и отклики. Так, например, историк М. П. Погодин находил записки Дмитриева «при всем их достоинстве, слишком сжатыми, краткими и сдержанными»⁹. Рецензент «Книжного вестника» отме-

⁴ *Дмитриев И. И.* Полное собрание стихотворений / Вступ. ст., подготовка текста и примеч. Г. П. Макогоненко. Л., 1967. С. 12.

⁵ *Русские писатели. 1800–1917 : биографический словарь.* М., 1992. Т. 2. С. 122–125.

⁶ *Серков А. И.* Русское масонство 1731–2000 гг. : энциклопедический словарь. М., 2001.

⁷ И. И. Дмитриев [Письма] / Публ. В. Э. Вацуро // *Письма русских писателей XVIII века.* Л., 1980. С. 437.

⁸ *Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь. Записки действительного тайного советника Ивана Ивановича Дмитриева. В трех частях. М., 1866.

⁹ *Погодин М. П.* Вечера у И. И. Дмитриева // *Русский. Газета политическая и литературная.* 1868. № 7 (9 июля).

чал, что «точка зрения – по преимуществу личная, скорее сухая и краткая выписка из его жизни; все-таки записки – весьма полезны»¹⁰. Гораздо строже оценил эти записки анонимный критик «Искры», заявлявший, что «они бесцветны, холодны, не носят на себе животрепещущих следов той жизни, которую они изображают; это потому, конечно, что они писаны не под непосредственным влиянием этой жизни, а спустя долго после описываемых в них событий, в виде обзора прожитого воспоминания о прошлом»¹¹. Сам Дмитриев на страницах своих записок отчасти подтверждал правоту последнего высказывания. «Слишком шестидесяти лет, я решился описать *некоторые события*», – писал он 20 июля 1823 года¹².

П. А. Вяземский, один из ближайших людей в окружении Дмитриева, замечал, что свои мемуары последний «писал в мундире»¹³, добавляя, что к ним «должно приложить словесные прибавления, заимствованные из разговоров, обыкновенно откровенных, особливо же в избранном кругу»¹⁴. Следовательно, говоря словами Н. Барсукова, мемуары Дмитриева представляют только скелет его живых разговоров. А «разговоры Дмитриева, – писал П. А. Вяземский в письме сыну Н. М. Карамзина, Владимиру Николаевичу, – были более личные и анекдотичные. Он все помнил о себе: живо помнил то, что видел, и живописно обрисовывал действия и лица, которых знал и встречал. Разговор его был живые записки со всею их современною обстановкою»¹⁵. Вяземский подметил в Дмитриеве и другую характерную особенность: «...на письме он никогда не только не проговаривался, но редко и договаривает. Конечно, и в недосказанном сказано много. Слова его не обильны, но полновесны»¹⁶.

Таким образом, в настоящей статье мы рассмотрим некоторые эпистолярные и мемуарные источники и постараемся выяснить, какую связь мог иметь Дмитриев с тем проявлением духовной культуры русского общества на рубеже XVIII–XIX веков, каким являлось масонство.

¹⁰ Книжный Вестник. 1866. № 18–19 (15 октября). С. 367–372.

¹¹ Искра / Под ред. Вл. Курочкина. 1866. № 47. С. 613.

¹² Дмитриев И. И. Сочинения : в 2 т. / Ред. и примеч. А. А. Флоридова. СПб., 1893. Т. 2. С. 1. Курсив здесь и далее мой (Е. Б.)

¹³ Вяземский П. А. Полное собрание сочинений. СПб., 1883. Т. IX. С. 36.

¹⁴ Письма И. И. Дмитриева к князю П. А. Вяземскому 1810–1836 гг. СПб., 1898. С. 8.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Вяземский П. А. Полное собрание сочинений. СПб., 1882. Т. VII. С. 136.

Известно, и Дмитриев сам об этом пишет в записках, что литературный путь его начался с выхода в свет стихотворной «Надписи к портрету князя Антиоха Димитриевича Кантемира» («Се князь изображен Молдавский Кантемир...»), которая была опубликована в 15 номере журнала «Санктпетербургские ученые ведомости»¹⁷. Этот журнал издавался Н. И. Новиковым и «Обществом, из нескольких человек состоящим» на средства книгопродавца К. В. Миллера¹⁸. В состав «Общества» входил и М. М. Херасков, живший с 1770 года в Петербурге и игравший определяющую роль в этом издании.

В том же номере издатели поместили несколько стихотворений-надписей, сопровождавшихся анонимным автокритическим письмом, присланным из Твери. Их автором был сержант Измайловского полка Михаил Никитич Муравьев, в то время находившийся в Твери в отпуске. По возвращении в конце июля 1777 года на службу в Петербург Муравьев через Хераскова (давнего своего знакомого и наставника, бывшего во времена его обучения директором Московского университета) познакомился с Новиковым. Последний пригласил его к сотрудничеству в журнале «Утренний свет» и к переводам иностранных произведений, а его отца, Никиту Артамоновича, просил быть своим комиссионером по распространению этого журнала среди тверских читателей. В скором времени по приезду Муравьева в Петербург произойдет его знакомство в придворном театре с Дмитриевым. Сохранились письма М. Н. Муравьева к отцу за 1777–1778 годы, в которых он подробно, с фактографической точностью описывает свою жизнь в Петербурге, встречи с Н. И. Новиковым, М. М. Херасковым, Я. Б. Княжнинным и др.¹⁹ Здесь содержатся также ценные свидетельства о том, каким образом происходило вовлечение тех или иных молодых людей в переводческую и издательскую деятельность Новикова²⁰.

¹⁷ Санктпетербургские ученые ведомости. 1777. № 15 (14 апреля). С. 117.

¹⁸ Н[овиков Н. И.]. Предисловие // Санктпетербургские ученые ведомости. 1777. № 1 [6 января]. Об издании их также см.: *Макогоненко Г. П.* Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.; Л., 1952. С. 274–275.

¹⁹ Письма М. Н. Муравьева к отцу и сестре 1777–1778 годов / Публ. Л. И. Кулаковой и В. А. Западова // Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 259–354.

²⁰ Сведения о принадлежности Муравьева к масонству отсутствуют. Л. И. Кулакова писала, что, несмотря на попытки Новикова путем разговоров о самопознании, об истинном христианстве, склонить Муравьева к обществу не удалось, даже «несмотря на близость к В. И. Майкову, М. М. Хераскову, Н. И. Новикову, прошедшую через всю жизнь дружбу с И. П. Тургеневым» (*Кулакова Л. И.* Н. И. Новиков в письмах М. Н. Муравьева // XVIII век :

Из мемуаров Дмитриева известно, что со времени опубликования его первого стихотворения он стал усердно заниматься литературой, начались первые его опыты «в рифмовании». Далее он признается, что «рифмование» не мешало ему заниматься и переводами с французского языка небольших прозаических сочинений²¹. О его переводческой деятельности имеется несколько свидетельств. В биографическом очерке, посвященном Новикову, А. Н. Афанасьев указал, что «к кружку Новикова принадлежало много талантливых молодых людей, в том числе и Карамзин <...> Подобные работы поручал Новиков и другим молодым людям, между которыми были И. П. Тургенев²², В. С. Подшивалов, П. И. Страхов, А. А. Петров, друг Карамзина и известный впоследствии И. И. Дмитриев»²³.

Афанасьев ссылается в данном случае на заметку «Нечто о Н. И. Новикове» автора, скрывшегося под инициалами "Н. И. П."²⁴. Заметка была помещена в журнале «Отечественные записки» за 1840 год, где сказано: «Я много слышал о Николае Ивановиче, начиная от старца – букиниста, Петра Егорова, до Ивана Владимировича Лопухина <...> также много слышал от П. П. Бекетова и И. И. Дмитриева, которому он задавал переводы с французского языка. Новиков, – рассказывал И. И. Дмитриев, – одобрив мой перевод, отсылал меня к московскому обер-полицеймейстеру Лопухину, который среди суда и расправы полицейских, прочитывал при мне мою тетрадь, и разрешал печатанием. Однажды князь Лопухин и я смешили покойного императора Александра I-го рассказом об этой старине, и с тех пор князь называл себя моим цензором»²⁵.

В эти воспоминания вкралась ошибка. Упомянувшийся в отрывке «князь Лопухин» есть не кто иной, как светлейший князь Петр Васильевич Лопухин (1753–1827). Это тот вельможа, который в александровское время с 1803 по 1809 год был министром юстиции и генерал-прокурором Сената, в дальнейшем стал председателем Государственного совета и Комитета министров. С 1779 по 1783 год он действительно был обер-полицей-

сб. 11. С. 21). А. И. Серков заносит имя Муравьева в словарь «Русское масонство. 1731–2000 гг.» (М., 2001. С. 565), хотя и ставит напротив его фамилии вопрос.

²¹ Дмитриев И. И. Взгляд ... С. 37.

²² Скорее всего, имя указано ошибочно: следует читать «П. П. Тургенев». Петр Петрович Тургенев (1760–1830) – младший брат И. П. Тургенева. О нем см.: Макарова Н. Я. Тургенев П. П. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3. С. 292–293.

²³ Афанасьев А. Н. И. Новиков : биографический очерк // Библиографические записки. 1858. № 6. С. 173.

²⁴ По-видимому, Н. Д. Иванчин-Писарев.

²⁵ Н. И. П. Нечто о Н. И. Новикове // Отечественные записки. 1840. Т. 8 : Смесь. С. 6–7.

стером (в должность которого входили и цензорские обязанности), но только не Москвы, а Петербурга, что вполне соотносится с биографией и Дмитриева, и Новикова. В 1784 году его назначали московским гражданским губернатором, и в течение последующих девяти лет он исполнял эту должность. Это о нем писала Екатерина II 19 февраля 1790 года в письме к московскому главнокомандующему князю А. А. Прозоровскому: «Дошли здесь слухи, что все управление тамошнее, в том числе и полиция пришли в слабость, что известная шайка людей обществу вредных под именем мартинистов умножается и что губернатор московский генерал-майор Лопухин сам в числе таковых суеверных и заблужденных людей находится»²⁶. По иронии судьбы, московский губернатор князь П. В. Лопухин в январе 1786 года будет производить следствие над книгами, изданными Новиковым и Типографической компанией, и об этом лично докладывать императрице²⁷.

Деятельность Лопухина в качестве цензора Дмитриева подтверждал Вяземский в статье, написанной вскоре после выхода в свет «Взгляда на мою жизнь». Рассказывая о беседе с Дмитриевым во время обеда, проходившего 15 июня 1833 года, он передает один эпизод из рассказа поэта: «Во время коронации императора Николая князь Лопухин спрашивает Дмитриева: а помнишь ли, как ты прихаживал ко мне с тетрадкою перевода в руке? Лопухин был тогда петербургским полицмейстером, а вследствие того и цензором. Бывало, – говорит он, – только что прочтешь кое-как рукопись и подпишешь разрешение к напечатанию, не опасаясь никакой ответственности: а теперь что за важная должность цензора. – Тут описывает Дмитриев аудиенцию Лопухина: Частные приставы подходят к нему один за другим <...> Лопухин слушает доклады и, прищуриваясь, дает решение свое. Между тем я стою в углу и ожидаю своей очереди. <...> Лопухин был цензор снисходительный: он знаком был с философией 18 века. В письмах его к отцу моему, князю Андрею Ивановичу, встречаются нередко цитаты из Дидерота и других писателей»²⁸.

Что касается прозаических переводов Дмитриева, то их известно немного. Это объясняется тем, что в XVIII веке они печатались анонимно или подписывались криптонимами, что было характерно для многих литераторов того времени. Первым известным опытом Дмитриева в переводах, вероятно, следует считать перевод с французского языка небольшой главки из «Картин Парижа» Л. С. Мерсье – «Философ, живущий у хлебного рын-

²⁶ Русский архив. 1872. С. 533–534.

²⁷ Н. И. Новиков. Избранные произведения. М.: Л., 1951. С. 580–584.

²⁸ Вяземский П. А. Полное собрание сочинений ... Т. VII. С. 166–167.

ку», напечатанный им в 1786 году. В этой главе излагалась суть политической концепции просветителей – их учение о просвещенном монархе. Возникает вопрос: был ли выбор отрывка из этой книги для Дмитриева случайным или же он взял его по чьему-то совету? И кто был советчиком? Вопрос этот остается без ответа. Мы можем только строить свои предположения, опираясь на уже известные факты. Но хорошо известно, что Н. И. Новиков почти всегда лично вел переговоры с авторами и переводчиками, заказывал нужные издательству переводы, просматривал рукописи и определял их пригодность к печати.

О влиянии Новикова на Дмитриева говорит Н. Д. Иванчин-Писарев²⁹, который входил в число ближайших знакомых Дмитриева и которому поэт читал многое из своих мемуаров. В письме Вяземскому от 15 октября 1837 года он рассказывал о первых шагах Дмитриева в литературе: «Там (в записках. – Е. Б.) был Цыбранского отрока; там и первое стремление отрока-писателя и поэта, *ободряемое стариком Новиковым*; там первые опыты его в состязании с Тибулом в нежности, с Горацием в высоком и философическом, с Лафонтеном в легком и игривом»³⁰. О том же, хотя и косвенно, говорит А. И. Тургенев в письме Вяземскому от 2 июня 1830 года: «Переспросите у Дмитриева, как хаживали поэты и литераторы-переводчики к Новикову и получали не одно одобрение»³¹.

О переводах Дмитриева есть любопытное свидетельство в собрании бумаг Поленова. Это рукописный «Биографический словарь с краткими сведениями о писателях XVIII в.»³², в котором находим запись неизвестного автора (возможно, В. А. Поленова) о «Дмитриеве, Иване Ивановиче, лейб гвардии капитане и поручике». Эта запись выполнена в промежуток времени с 1 января 1793 года до 1 января 1796 года. Первая дата соответствует времени присвоения ему чина капитан-поручика, а вторая – чина капитана³³. Приведем запись о поэте полностью: «Все его стихотворения тон-

²⁹ О нем см.: Зорин А. Л. Иванчин-Писарев Н. Д. // Русские писатели. 1800–1917. М., 1992. Т. 3. С. 391–392. О близости Иванчина-Писарева к Дмитриеву говорит факт, что одно из последних поэтических произведений Дмитриев посвятил его жене: «К Николаю Дмитриевичу И. Писареву. Вписанный в альбом молодой супруги его Натальи Сергеевны» (1836).

³⁰ Грот К. Я. К биографии И. И. Дмитриева // Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук. 1901. № 4. С. 248–249.

³¹ Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 3 : Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1824–1836 гг. С. 202.

³² ОР РНБ. Ф. 595. Архив В. А. и Д. В. Поленовых. № 132.

³³ Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений 1802–1917 гг. : биобиблиографический сб. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2002. С. 246.

каго и нежного вкуса. Писесы прелестны; сказочки чрезмерно хороши. Его сочинения печатаны в Московском журнале под буквою И. Желательно, чтобы поэт издал свои сочинения, коих у него довольно, сим бы доставил он публике удовольствие и молодым писателям подал бы изящный образец. Сверх его стихотворных сочинений *множество* находится *переводов*, кои показывают в нем отменного знатока нашего языка. Однако же по скромности своей ни под одним он не означал своего имени»³⁴. Как следует из записи, И. И. Дмитриев к 1790-м годам достиг в переводческой деятельности значительных успехов.

Все приведенные факты убеждают нас в том, что авторское становление молодого Дмитриева началось в конце 70-х годов XVIII века со знакомства с Н. И. Новиковым, который предложил ему переводить различные сочинения, преимущественно с французского языка.

Стоит отметить и последующее сотрудничество с книгопродавцем Миллером, на средства которого издавались «Санктпетербургские ученые ведомости». Карл-Вильгельм Вилимович Миллер в 1773 году совместно с Н. И. Новиковым основал «Общество, старающееся о напечатании книг», а позже являлся ближайшим сотрудником Новикова по распространению в Петербурге изданий, напечатанных последним в типографии Московского университета. В дальнейшем Дмитриев, следуя собственному опыту, советовал Карамзину показать свой первый опыт – перевод с немецкого «Разговор Австрийской Марии Терезии с нашей императрицею Елисаветою в Елисейских полях» – Миллеру, «который покупал и печатал переводы, платя за них <...> книгами из своей книжной лавки»³⁵. Книга с переводом Карамзина не сохранилась (вероятно, он и не был напечатан). К. В. Миллер состоял в масонском братстве, являясь членом масонской ложи Равенства, работавшей в Петербурге с сентября 1774 года³⁶. Новиков не раз посещал собрания этой ложи. Свидетельство об участии Миллера в масонских работах есть в дневнике А. Я. Ильина, 21 марта 1776 года запи-

³⁴ ОР РНБ. Ф. 595. № 132. Л. 9.

³⁵ *Дмитриев И. И.* Взгляд ... С. 39.

³⁶ *Серков А. И.* Русское масонство 1731–2000 гг. ... С. 954. В ложе Равенства в степени мастера состоял старший брат А. А. Петрова, друга Н. М. Карамзина, Иван Андреевич. В марте 1793 года, после смерти А. А. Петрова, Карамзин обратится к Дмитриеву с просьбой хлопотать перед И. А. Петровым о возвращении ему собственных писем к его скончавшемуся брату. Факт знакомства Дмитриева и И. А. Петрова не вызывает никакого сомнения, но сведения о том, где и когда они могли познакомиться, отсутствуют. (*Карамзин Н. М.* Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 34–35).

савшего: «...был у Миллера и у него взял песни масонския, подаренныя вчера же мне Николаем Ивановичем Новиковым»³⁷.

В тот период, когда Дмитриев, «ободряемый Новиковым», делал первые шаги в переводах, в Петербурге находилось большинство тех, кто спустя несколько лет стали ближайшими сподвижниками Новикова в его творческой деятельности: А. М. Кутузов, В. В. Чулков, И. П. Тургенев, М. М. Херасков, Н. Н. Трубецкой, А. А. Черкасский. Все они в то время были членами петербургских лож: Астрей, Латоны, Гарпократа и Озириса. В 1779 году они вслед за Новиковым переселяются в Москву и займутся организацией литературной, переводческой, издательской и благотворительной деятельности и окажутся ядром того сообщества, которое принято называть московским кружком масонов.

С большой долей вероятности можно предположить, что знакомство Дмитриева с этими людьми, основным костяком окружения Новикова, состоялось в Петербурге в конце 1770-х годов. Он упоминает их на страницах своих записок, особо отмечая И. П. Тургенева, И. В. Лопухина, Ф. П. Ключарева и А. М. Кутузова. Можно предположить, что их труды, осуществлявшиеся в рамках просветительской деятельности Н. И. Новикова и всего кружка московских масонов, были непосредственно связаны с литературными занятиями молодого Дмитриева.

В своих записках Дмитриев довольно подробно рассказывает о книгоиздательской деятельности и просветительских предприятиях Новикова и его кружка, и в частности о Дружеском ученом обществе³⁸. «Цель Новиковского общества, – замечал М. Н. Лонгинов, – состояла в переводе полезных книг с разных языков, издании их и оригинальных сочинений, распространении просвещения, направлении воспитания юношества и раздаче разных пособий бедным»³⁹. Хотя внешне это общество не было похоже на масонское объединение, членами его могли стать лишь вольные каменщики. Примечательно упоминание Дмитриева о том, что члены общества «с общего согласия носили явно кафтаны одинакого покроя и цвета, голубые с золотыми петлицами»⁴⁰, что, скорее всего, было связано с масонской символикой.

³⁷ [Ильин А. Я.] Из дневника масона. 1775–1776 гг. // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских. 1908. Кн. 4. Отд. 4. С. 11.

³⁸ См. о нем: Материалы для истории Дружеского Ученого Общества 1782 г. // Русский архив. 1863. 2-е изд. М., 1864. Стлб. 610–620.

³⁹ Лонгинов М. Н. Филантропическое издание Типографической Компании (1786) // Современник. 1857. Т. LXVI. № 8. Отд. 5. «Библиографические записки». С. 13.

⁴⁰ Дмитриев И. И. Взгляд ... С. 44.

Нелишне будет напомнить, что на средства членов Общества в 1779 году при Московском университете была учреждена Педагогическая семинария с целью подготовки студентов к учительскому и профессорскому званию. В июне 1782 года для подготовки переводчиков, столь нужных для все более расширявшей масштабы издательской деятельности московских масонов, была основана Переводческая семинария. Воспитанники обеих семинарий тщательно отбирались из Киевской и Московской духовных академий, из духовных семинарий, а также из числа «своекоштных» студентов Московского университета. Они обучались в университете и содержались на средства Дружеского общества. Многие из воспитанников семинарий приняли впоследствии участие, в том числе и литературными трудами, в деятельности розенкрейцерского кружка. В числе их были А. А. Петров, А. А. Прокопович-Антонский, М. И. Багрянский, А. Ф. Малиновский, П. П. Тургенев, М. И. Невзоров.

Для размещения семинаристов членами общества был куплен на имя И. В. Лопухина особый дом близ Меньшиковской башни (там жил с этого времени И. Г. Шварц с семьей)⁴¹. В нем проживали хорошо знакомый Дмитриеву А. А. Петров и приехавший в 1783 году из Симбирска Н. М. Карамзин, которые активно включились в переводческую деятельность общества. Дмитриев в записках упоминает о посещении этого дома «у Меньшиковской башни, в старинном каменном доме»: «Я как теперь вижу скромное жилище молодых словесников <...> стоял на столике гипсовый бюст мистика Шварца, умершего незадолго пред приездом моим из Петербурга в Москву»⁴². Известно, что И. Г. Шварц умер 17 февраля 1784 года. Соответственно Дмитриев мог приехать в Москву не ранее второй половины февраля или же в марте месяце.

Выскажем осторожное предположение, что не исключено присутствие Дмитриева на торжественном собрании воспитанников Московского университета, посвященном памяти И. Г. Шварца и проходившем 26 марта, на

⁴¹ По всей вероятности, при принятии решения разместить две семинарии в доме, где будет жить их наставник Шварц, члены новиковского кружка следовали тому положению, которое было изложено издателем журнала «Утренний свет» в комментариях к переводу трактата «Феагес, или Разговор о мудрости». В них говорится: «Вот четыре степени просвещения, смотря по приближению к мужам мудрым. Нечто в себе заключает, когда в одном с ним доме живем; но еще важнее, когда в одной с ним комнате находимся; а гораздо превосходнейшую имеем пользу, ежели всегда устремляем на них взоры наши, дабы ни единого из их слов не проронить; но самое величайшее благо состоит в том, когда бываем подле них, или так сказать, когда к ним прилеплены» (Утренний свет. Ежемесячное издание. 2-е изд. 1785. Ч. 4. С. 170).

⁴² Дмитриев И. И. Взгляд ... С. 42.

40-й день после его смерти. На этом собрании среди выступавших со стихами и речами были воспитанники Дружеского ученого общества: А. Ф. Лабзин и В. С. Подшивалов. Последний был одним из учеников И. Г. Шварца, который поручал ему различные переводы с французского и немецкого языков, в основном нравоучительного содержания. Он участвовал в издававшихся Новиковым журналах: «Вечерняя заря», «Покоящийся Трудолобец» и являлся, наряду с А. А. Петровым, Н. М. Карамзиным, А. А. Прокоповичем-Антонским, одним из ведущих сотрудников журнала «Детское чтение для сердца и разума». Впоследствии в своем журнале «Приятное и полезное препровождение времени» (1794–1798) Подшивалов публиковал стихотворные произведения И. И. Дмитриева. Когда в 1795 году под наблюдением Карамзина печаталось первое собрание сочинений Дмитриева «И мои безделки», Подшивалов во время временного отсутствия Карамзина в Москве взял на себя корректуру сборника⁴³. Он же, не уведомив Карамзина, заплатил за печатание этого сборника из собственных средств⁴⁴. Его имя А. И. Серков вносит в словарь «Русское масонство», но напротив его фамилии ставит вопрос⁴⁵.

Рассказывая о своем посещении дома Дружеского ученого общества, Дмитриев указывает, что там он вместе с Карамзиным и Петровым «прожил недолго вместе», и до отправления Карамзина в путешествие за границу они «еще несколько раз встречались в Москве»⁴⁶. О подобной встрече в доме у Меньшиковской башни Дмитриев упоминает в письме брату И. П. Бекетову в августе 1787 года и рассказывает, как он 25 августа «остальную часть дня пробыл у Карамзина вместе с его товарищем Петровым и Тургеневым, а теперь только приехал на квартиру, то есть в дом Василия Борисовича Бест[ужева], у которого я уже давно живу»⁴⁷. Этот пример позволяет говорить о неоднократном посещении Дмитриевым дома Дружеского общества. Стоит особо отметить, что в записках Дмитриев упоминает «библиотеку Филантропического общества»⁴⁸, находившуюся в том же

⁴³ Карамзин Н. М. Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву ... С. 53–55.

⁴⁴ Там же. С. 58–59.

⁴⁵ Серков А. И. Русское масонство 1731–2000 гг. ... С. 649.

⁴⁶ Дмитриев И. И. Взгляд ... С. 43.

⁴⁷ Дмитриев И. И. Сочинения ... Т. 2. С. 178.

⁴⁸ Дмитриев И. И. Взгляд ... С. 47, 276.

доме⁴⁹. Книги из нее выдавались как «адептам», то есть членам масонских лож, так и «всем приближавшимся». Хранившиеся в ней иностранные книги использовались и в качестве подлинников для русских переводов, публиковавшихся Новиковым.

Из московских масонов, которых упоминает Дмитриев в своих мемуарах, на одно из первых мест следует поставить имя его земляка И. П. Тургенева, одного из главных переводчиков и редакторов выпускавшихся Новиковым изданий. С Тургеневым у Дмитриева сложились особые дружеские отношения. Между ними даже существовала переписка (к сожалению, не сохранившаяся), посредником которой нередко выступал Карамзин. В конце 1790-х – начале 1800-х годов, переселившись после отставки в Москву, Дмитриев нередко посещал Тургенева, ставшего к тому времени директором университета. И. А. Второв вспоминал, что когда он в 1801 году приехал в Москву и посетил дом И. П. Тургенева, то перед ним открылась такая картина: «...хозяин сам почти не вставал с постели от болезни; с ним беседовали друг бедных – Иван Владимирович Лопухин и лучший поэт наш – Иван Иванович Дмитриев, которых я видел в первый раз»⁵⁰. Далее И. А. Второв указывает, что в доме Тургенева присутствовал и М. И. Невзоров, бывший воспитанник Дружеского общества и один из тех, кто был послан за границу в 1788 году на средства Общества для «усовершенствования в науках», и который в 1792 году был арестован в связи с делом о московских масонах. Об И. В. Лопухине Дмитриев писал в июле 1816 года в письме А. И. Тургеневу: «Искренно разделяю с вами чувство потери И. В. <Лопухина> и всегда с уважением вспомню имя его»⁵¹.

Кроме дома И. П. Тургенева Дмитриев в конце 1790-х – начале 1800-х годов часто посещал также М. М. Хераскова – одного из масонов, влиявших на всю деятельность московского кружка в конце XVIII века. Знакомство с ним Дмитриева началось в Петербурге и продлилось до последних дней жизни Хераскова. Жена его, Елизавета Васильевна, «в последние десятилетия жизни находилась под сильным влиянием масонских настроений мужа и была связана с членами новиковского кружка»⁵². М. Н. Лонгинов отмечал: «Он <М. М. Херасков> и достойная жена Елизавета Васильевна с

⁴⁹ См.: *Мартынов И. Ф.* Библиотека Дружеского ученого общества и ее место среди русских книгохранилищ общественного пользования конца XVIII века // Из коллекции редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета. М., 1981. С. 90–101.

⁵⁰ Москва и Казань в начале XIX века: записки Ивана Алексеевича Второва // Русская старина. 1891. Т. LXX (апрель). С. 3.

⁵¹ Письма И. И. Дмитриева к А. И. Тургеневу (1806–1823) ... Стлб. 1085.

⁵² Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3. СПб., 2010. С. 363.

молодых лет до глубокой старости отличались тою горячею и бескорыстною любовью к просвещению и литературе <...> Дом их всегда был открыт для всякого, кто имел стремление к предметам этого рода, и все молодые люди, преданные этим высоким интересам, составляли как бы семейство их. Херасков видел и ободрял первые попытки Богдановича и Фон Визина, потом Державина, впоследствии – Карамзина и Дмитриева»⁵³. После кончины супруга Е. В. Хераскова избрала Дмитриева вместе с Я. И. Булгаковым и князем Н. Н. Трубецким в свои душеприказчики.

О связях Дмитриева со многими масонами кроме приведенных отрывков из записок можно судить и по его письмам к разным лицам. Например, в письме А. И. Тургеневу от 1819 года Дмитриев, подтверждая получение книги Фомы Кемпийского в переводе М. М. Сперанского, писал: «Фома Кемпейский давний мой знакомец: я читал его еще в цветущих моих летах, во времена Типографической в Москве Компании. Тогда, помнится, было два перевода: один в Христианской Библиотеке, а другой напечатан особо»⁵⁴. Речь в письме идет о двух изданиях перевода с латинского известного и почитавшегося в среде масонов произведения Ф. Кемпийского «О подражании Иисусу Христу». «Особо напечатанный» перевод был выполнен Ф. Ф. Розановым и издан в 1784 году⁵⁵. Ему предшествовал перевод, сделанный М. И. Багрянским для «Избранной библиотеки для христианского чтения» (1784; 2-е изд. 1786; 3-е изд. 1787)⁵⁶.

Наша попытка собрать воедино известные сведения о знакомстве Дмитриева с основными деятелями русского масонства конца XVIII – начала XIX века показывает, что на ранних этапах творчества Дмитриева связывали дружеские узы не только с Н. И. Новиковым и старшими членами московского масонского кружка 1780-х годов, но и с его молодыми представителями – сверстниками Дмитриева, воспитанниками Дружеского учебного общества, которые впоследствии тоже стали масонами. Судя по всему, Дмитриев не мог не знать идеологии масонства. Другое дело, разделял он ее или нет? У нас нет достаточных данных для того, чтобы утверждать это. Но, во всяком случае, осторожно можно предположить, что он проявлял к идеологии масонства некий интерес. И, наконец, остается нерешенным во-

⁵³ Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 119.

⁵⁴ Письма И. И. Дмитриева к А. И. Тургеневу (1806–1823) ... Стлб. 1114.

⁵⁵ О подражании Иисусу Христу четыре книги, или Фомы Кемпского Златое сочинение для христиан, с латинского языка вновь переведенное и исправленное, к которому присовокуплена и жизнь сего изящного автора с описанием всех его сочинений. М., 1784.

⁵⁶ Об издании сборника «Избранная Библиотека для христианского чтения» см.: Лонгинов М. Н. Филантропическое издание Типографической Компании (1786)...

прос о влиянии братства на личность и творчество Дмитриева. Будем надеяться, что дальнейшее изучение творчества поэта даст дополнительный материал, который с определенной долей уверенности сможет ответить и на поставленный в начале этой статьи вопрос: случайным ли был интерес Дмитриева к масонским песням.



И. И. ДМИТРИЕВ И В. В. ИЗМАЙЛОВ

А. Ю. Соловьев

Хотя отдельные аспекты отношений И. И. Дмитриева и В. В. Измайлова¹ несколько раз становились предметом внимания исследователей², целиком материал не собирался и не подвергался концептуальному осмыслению. Настоящая статья также не может претендовать на построение целостной истории взаимодействия двух писателей, прежде всего в силу малого количества и неравномерного распределения сведений об их литературных связях. В то же время эта тема выходит за пределы биографического исследования и напрямую соотносится с историко-литературной проблемой судьбы и наследия русского сентиментализма.

Дмитриев и Измайлов принадлежали к разным поколениям, но обоих можно условно отнести к «старшим карамзинистам», которые, не представляя собой неформального объединения (в отличие от «младших», которые образовали Дружеское литературное общество и Арзамас), составляли все же некоторое единство. Проявилось это, прежде всего, в принципах литературного поведения, остававшихся неизменными на протяжении всей их деятельности. Исследование литературных отношений между ними позволяет не столько взглянуть на литературный процесс конца XVIII – нача-

¹ Владимир Васильевич Измайлов (1773–1830) – писатель-сентименталист, переводчик, педагог. Известен как автор повести «Ростовское озеро» (1795) и «Путешествия в полуденную Россию» (1800–1802), издатель журналов «Патриот» (1804), «Вестник Европы» (в 1814), «Российский музей» (1815) и альманаха «Литературный музей на 1827 год» (1827). См. о нем: *Лобанова Л. П.* Измайлов Владимир Васильевич // *Русские писатели 1800–1917. М., 1992. Т. 2. С. 408–409.*

² Как правило, в связи с публикацией писем Дмитриева к Измайлову (см. коммент. В. Э. Вацура в: *Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 437–458*).

ла XIX века со стороны «побежденных учителей»³, сколько добавить штрихи к портрету формации писателей, переживших период актуальности своего направления и оставшихся чужими в обстановке 1820–1830-х годов. По меткому выражению Дмитриева, это были «крохи поколения, уже отпечтотого новыми журналами»⁴.

Наиболее богатый материал для раскрытия обозначенной темы представляют опубликованные письма Дмитриева Измайлову⁵. Относящиеся в основном к 1820-м годам, когда оба практически отошли от литературной деятельности, эти письма тем не менее отражают большинство известных эпизодов истории их отношений. Комментируя дмитриевские письма Измайлову, В. Э. Вацуро справедливо отмечал, что они «стоят особняком среди всего эпистолярного наследия» писателя⁶. Их особое положение исследователь видел в почти полном отсутствии публицистического пафоса, черт манифеста, деклараций. В то время как, по словам Вацуро, «почти все литературные письма его <Дмитриева> к единомышленникам в 1810–1830-е гг. носят в той или иной степени программный характер»⁷, письма Измайлову такого оттенка лишены. Это в своей основе дружеские письма, не рассчитанные, впрочем, в отличие от дружеского письма арзамасского круга, «на широкого читателя» и не имеющие такой сложной структуры сочетания «домашнего материала с литературным»⁸. Темы их – приглашение в гости, специфические книжные новости (присылка книг, обсуждение новинок), известия о Н. М. Карамзине и хлопоты Дмитриева об Измайлове. Все острые вопросы оставлялись, видимо, Дмитриевым для личного общения, и не в переписке нужно искать следы позиции, какую избрал для себя Дмитриев в 1820-е годы и которая объединяла его с Измайловым.

³ Восходящий к известной надписи В. А. Жуковского образ, использованный В. Э. Вацуро в книге «Лирика пушкинской поры. Элегическая школа» (СПб., 1994. С. 6).

⁴ *Дмитриев И. И.* Сочинения : в 2 т. / Ред. и примеч. А. А. Флоридова. СПб., 1893. Т. 2. С. 300 (письмо от 20 апреля 1830 года Н. Д. Иванчину-Писареву).

⁵ Письмо И. И. Дмитриева к В. В. Измайлову от 27 сентября 1827 / Публ. и коммент. М. Д. Беляева // Радуга : альманах Пушкинского Дома. Пг., 1922. С. 68–83; *Дмитриев И. И.* [Письма] / Публ. В. Э. Вацуро // Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 416–458. Письма Измайлова Дмитриеву не сохранились.

⁶ Письма русских писателей XVIII века. С. 441.

⁷ Там же. С. 443.

⁸ *Степанов Н. Л.* Дружеское письмо начала XIX в. // «Младоформалисты» : Русская проза. СПб., 2007. С. 41. (1-е изд.: Русская проза XIX века. Л., 1926).

Новое обращение к автографам позволяет сделать два небольших наблюдения, касающихся камерности переписки. Так, одно из писем Измайлову первоначально было подписано: «Его высокоблагородию, милостивому государю моему Николаю Михайловичу Карамзину»⁹. Потом имя адресата было зачеркнуто, но небрежно оформленное письмо все равно отправлено. Еще одно из писем написано поперек листа¹⁰. Вместе эти два случая свидетельствуют о легком, беглом характере писем Дмитриева Измайлову, многие из которых представляют собой не столько письма, сколько записки. Сложно сказать, в какой мере в них проявляется личность писателя сквозь пресловутый «мундир», в котором, по словам П. А. Вяземского, Дмитриев писал свои воспоминания, но описанные детали подтверждают выводы Вацуро о том, что эта переписка была продолжением беседы старых знакомых.

Знакомство Дмитриева с Измайловым, видимо, следует отнести к началу XIX века. Во всяком случае, Измайлов был тогда среди литераторов, вхожих в дом Дмитриева¹¹. При этом уже в 1799 году Карамзин писал Дмитриеву в Петербург о готовившемся Измайловым издании «Путешествия в полуденную Россию» и обещал прислать ему экземпляр¹². Исполнил ли Карамзин свое обещание, неизвестно. В составе библиотеки Дмитриевых в МГУ хранится несколько экземпляров измайловского «Путешествия...», но это экземпляры переизданий 1802 и 1805 годов¹³. На авантитуле одного из них сразу две надписи: И. И. и М. А. Дмитриевых. Судя по ним, Дмитриев купил два тома третьего издания «Путешествия...» в июне 1812-го, а уже 19 августа того же года они оказались у его племянника (видимо, в качестве подарка)¹⁴.

В 1810 году Александром I была отмечена педагогическая деятельность Измайлова: ему был пожалован перстень, о чем Дмитриев взялся сообщить награжденному в частном письме¹⁵. Однако это письмо было опуб-

⁹ Письмо от 7 августа 1825 г. (РО ИРЛИ. Р I. Оп. 6. Ед. хр. 48. Л. 11 об.).

¹⁰ Письмо б/д, датируется 1820-ми годами (там же. Л. 39).

¹¹ См. мемуарное свидетельство самого Дмитриева во «Взгляде на мою жизнь», относящееся к периоду жизни в Москве в 1799–1802 годы после отставки: «Одиночество мое оживлялось довольно часто беседою и молодых писателей: Василия Львовича Пушкина; Владимира Васильевича Измайлова и Василия Андреевича Жуковского» (*Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь* // И. И. Дмитриев. Сочинения ... Т. 2. С. 56).

¹² Карамзин Н. М. Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 113.

¹³ Шифры: Дм. 9672; Дм. 3214; Дм. 1431–1432.

¹⁴ Шифры: Дм. 1431–1432.

¹⁵ Фрагмент письма см.: *Дмитриев И. И. Сочинения* ... Т. 2. С. 214.

ликовано с подачи Измайлова в «Московских ведомостях» (1811. № 3. С. 76), что вызвало неудовольствие Дмитриева, так что Карамзину пришлось брать на себя роль посредника в их примирении: «...расспрошу его обо всем, и на первой почте дам тебе отчет»¹⁶. Как был улажен этот конфликт, неизвестно, но на дальнейшие отношения писателей он никак не повлиял. Постепенно они приобретают характер патронажа.

В 1824 году, с мая по ноябрь, Карамзин по просьбе Дмитриева ходатайствовал перед императором о пенсии для Измайлова в размере 1200 рублей. Возможно, это дело не затянулось бы надолго, если бы министром народного просвещения в это время не был назначен А. С. Шишков. Карамзин стремился «соблюсти формы», по его собственному выражению. Собираясь подавать прошение министру, он небезосновательно рассчитывал на успех, но в итоге ему пришлось подать записку с ходатайством Александру I лично. Однако после вручения записки она была перенаправлена графом А. А. Аракчеевым Шишкову. Последний отозвался об Измайлове сдержанно, а об идее помощи нуждающимся литераторам в обход его, министра, крайне негативно: «...хотя г. Измайлов и упражнялся в некоторых сочинениях и переводах, но отнюдь не больше и не отличное многих других, а потому дать ему пенсию было бы обидно для прочих. В подобных случаях, то есть в наградах по словесности, нужно, кажется, чтоб, для соблюдения порядка и беспристрастия, представления о том не были делаемы мимо меня, тем больше, что и сам я иначе представлять не осмелюсь, как по оценке трудов писателя в Российской академии и в правлении училищ. Иным образом таковые награды могут, вместо снискания их достоинством, быть получаемы чрез выпрашивание и угождение»¹⁷. Хотя Карамзин сделал все возможное, чтобы придать делу официальный статус, по Шишкову выходило, что он, Карамзин, имея доступ к императору и опасаясь препятствования со стороны нового министра, прибегнул к приватному обращению, «выпрашивал и угождал». Но Карамзин вовсе не предполагал вмешательства Шишкова: в письмах Дмитриеву он писал только о неизвестности и о том, что указ, может быть, затерялся, не говоря ни слова о возможном противодействии. Вероятно, Карамзин так и не узнал о причинах задержки:

¹⁶ Карамзин Н. М. Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву ... С. 138.

¹⁷ Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлин, 1870. Т. 2 : Записки (1824–1826). С. 180–181. Другие отзывы Шишкова об Измайлове неизвестны. Нет причин видеть в этом конфликте следы оттреманных литературных споров начала века, вероятно, министр был просто задет игнорированием его положения.

сообщая Дмитриеву об успешном завершении дела, он говорил о «каком-то недоразумении», из-за которого указ «оставался под спудом»¹⁸.

Роль Дмитриева в присуждении Измайлову пенсии была не очень большой: он был инициатором, а все основные хлопоты взял на себя Карамзин. Поэтому Дмитриев и не сообщал ничего своему протеже о ходе дела, но обещал «показать <...> всю мою переписку о пансионе»¹⁹ при встрече. Попечение о нуждающихся литераторах было одной из постоянных забот Дмитриева. Так, просьба к А. И. Тургеневу о содействии приношению книги П. И. Шаликова императору интересна прежде всего своей мотивировкой: «Подкрепить силы нуждающегося автора есть, право, дело самое доброе: он по званию своему обязан всегда воскреситься духом, питать в себе возвышенные чувства и скрывать свою бедность...»²⁰

Осенью 1825 года Дмитриев рекомендовал Измайлова как переводчика Н. А. Полевому, начавшему издавать «Московский телеграф», однако Полевой не проявил заинтересованности в услугах Измайлова, а вскоре и начал проявлять настороженность по отношению к нему.

В августе 1826 года, когда появилась новость об образовании нового цензурного комитета при Московском университете, Измайлов был первым, кого Дмитриев увидел кандидатом на должность цензора; он взялся свести его с попечителем Московского университета А. А. Писаревым²¹ и ходатайствовал за него вплоть до назначения Измайлова осенью 1827 года цензором (в этой должности он оставался до конца жизни).

Дмитриев покровительствовал Измайлову, принимая деятельное участие в поощрении его трудов при жизни, но продолжил свое заступничество и после смерти последнего. Дочь Измайлова после кончины отца передала Дмитриеву бумаги писателя, содержавшие неопубликованные произведения. 13 января 1831 года Дмитриев с уверенностью писал Вяземскому о предполагавшейся им публикации: «Вчера была у меня дочь покойного Измайлова и верила мне все рукописи отцовские. Надеюсь найти в них много достойного для помещения в журналах»²². Скорее всего, речь идет о воспоминаниях и об «Истории просвещения в Европе», трудах, которые не были завершены Измайловым (см. ниже). В постскриптуме, добавленном в

¹⁸ Карамзин Н. М. Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву ... С. 383 (письмо от 6 ноября 1824 года).

¹⁹ Письма русских писателей XVIII века. С. 426.

²⁰ Там же. С. 223.

²¹ Там же. С. 430.

²² Письма И. И. Дмитриева к князю П. А. Вяземскому 1810–1836 гг. СПб., 1898. С. 46.

тот же день и отразившем впечатления от бесед с издателями, Дмитриев был настроен уже пессимистично: «Хорошо было бы, любезнейший князь, если бы в "Литературной газете" поразговорились об наших просвещенных печатальщиках или издателях и в укор им дали знать, что ни один из московских ни за что не хотел взять оставшиеся сочинения Измайлова, отзываясь, что на него нет моды. Хвала петербургским: там и Хвостов попал в моду»²³. Несмотря на раздраженный тон приписки, в ней нет, однако, предложения поместить в «Литературной газете» что-либо из измайловского наследия. Ни считавшийся безупречным вкус Дмитриева, ни память о представителях его литературного поколения не были достаточными критериями актуальности для современных журналов, и сам Дмитриев это уже понимал.

На страницах «Литературной газеты» к тому времени был опубликован некролог Измайлову (о нем речь пойдет дальше), но «укора печатальщикам» там не появилось, и попытки Дмитриева устроить измайловские рукописи также закончились безрезультатно. В 1832 году они еще не были опубликованы, о чем сообщает Н. Д. Иванчин-Писарев, выражая, видимо, общее мнение их круга: «Незадолго пред кончиною своею, он (Измайлов. — А. С.) сказывал одному приятелю, что, к несчастью его, болезнь препятствует ему докончить начатое им сочинение: "Историю Просвещения в Европе", и свои "Записки". Желательно, чтобы некогда они были известны публике»²⁴. Дальнейшее местонахождение незавершенных произведений Измайлова неизвестно.

Для Дмитриева выполнение поручения дочери Измайлова было важно не только как дань памяти своему многолетнему протеже и корреспонденту. Сама смерть Измайлова осмыслялась им в контексте положения дел в русской словесности: он противопоставлял деятельность покойного идеологии московских журналов.

Вскоре после смерти Измайлова Дмитриев инициировал написание его некролога. За статью взялся Н. Д. Иванчин-Писарев, использовавший, по-видимому, какие-то заметки П. А. Вяземского. При этом Дмитриев надеялся, что Вяземский сам напишет некролог, рассчитывая на его критическую манеру рассматривать творчество конкретного автора не изолирован-

²³ Там же. С. 46–47.

²⁴ *Иванчин-Писарев Н. Д.* О Владимире Васильевиче Измайлове // Отечественная галерея, с приложением некоторых других сочинений Николая Иванчина-Писарева. Ч. 1. М., 1832. С. 174.

но, а в контексте «своих общих воззрений на литературу»²⁵: «Иванчин-Писарев в деревне: я послал к нему выписку из вашего письма; но для чего бы вам самим не заняться некрологией Измайлова и не почтить этим прах истинно благородного писателя. Тут бы вам был случай поговорить и об нынешнем ходе нашей словесности и ее представителях Полевым и Ушакове, и об их стремянном Сергее Глинке. Эта борзая тройка, действительно, по словам первого, далеко ушла от Ломоносова с Карамзиным и мчится прямо в даль безумных. Тут вы мимоходом могли бы сказать, что большая часть нынешних авторов, за устарением языка и слога Карамзина, начали *прислушиваться* к языку застольной и лабазов»²⁶. Дмитриев, очевидно, предполагал, что Вяземский смог бы выразить осуждение современным авторам, и в первую очередь журналам.

Однако просьба Дмитриева не нашла отклика ни у Вяземского, ни у Иванчина-Писарева, который и стал автором некролога. В статье, опубликованной в «Литературной газете»²⁷, а затем в издании сочинений Иванчина-Писарева²⁸, утверждались заслуги Измайлова перед русской словесностью и снимались обвинения в подражательности Карамзину, но не содержалось следов полемики с «торговым направлением». Только внимательным и пристрастным читателем она могла быть прочитана как немой упрек господствующему «направлению»: «Надменность, эгоизм и корыстолюбие, сии болезни нашего века, сделали весьма редким пример истинного литератора; но таковым был Измайлов – и друзья просвещения сохраняют постоянное уважение к его памяти. <...> Остается указать нашим новым Аристархам на его критику, здравую, водимую изящным вкусом, знанием и прямоту; в которой дышит одно стремление к пользе и успехам просвещения; которой чуждо всякое суетное домогательство и всякая личность»²⁹.

В целом некролог близок позиции Дмитриева, хотя и не так отчетливо ее выражает³⁰. Что касается Вяземского, то ему предложение Дмитриева, видимо, было неинтересно. Носитель иного мировоззрения, он и не должен

²⁵ Гиллельсон М. И. [Комментарии] // Вяземский П. А. Собрание сочинений : в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 317.

²⁶ Письма И. И. Дмитриева к князю П. А. Вяземскому ... С. 43–44. Курсив Дмитриева.

²⁷ Литературная газета. 1830. № 66. Т. 2. С. 424.

²⁸ Иванчин-Писарев Н. Д. О Владимире Васильевиче Измайлове ... С. 166–175.

²⁹ Там же. С. 166, 174.

³⁰ См. об этом некрологе: Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма. СПб., 1994. С. 152–153, 177–178.

был считать актуальным поводом для выступления кончину автора, целиком оставшегося в предшествовавшей эпохе. Напротив того, для писателей круга Карамзина – Дмитриева это было частью «авторского» кодекса чести.

Измайлов придавал огромное значение нравственному облику писателя и вслед за Карамзиным связывал его с содержанием творчества³¹. Практический филантропизм, защита репутации и писательского труда составляли неотъемлемую часть его собственно литературной деятельности, что проявилось в ряде его печатных выступлений. В 1805–1806 годах в нескольких журналах появились заметки Измайлова о «пиратском» издании переведенной им книги Л.-Ф. Сегюра «Картина Европы», осуждавшие такого рода издания и обещавшие публикацию исправленного перевода³². Защищая своего коллегу по цензурному комитету С. Н. Глинку в конфликте с М. Т. Каченовским, обиженным на пропущенные тем высказывания в «Московском телеграфе», порочащие, по мнению Каченовского, его честь, Измайлов высказал мнение, что внимание цензора не должно быть обращено на литературную полемику³³.

В исследовательской литературе об Измайлове встречаются утверждения, что его позиция цензора и издателя опережала свое время в области уважения к работе писателя³⁴. Это мнение восходит к А. С. Пушкину, сочувственно отзывавшемуся на защиту Измайловым Глинки от Каченовского. Однако более приближенной к правде кажется точка зрения, согласно которой принципы, которыми руководствовался Измайлов, были чужды следующему поколению писателей³⁵ и казались им устаревшими вместе со всей карамзинской эпохой.

В свою очередь карамзинистами атмосфера игры воспринималась как атмосфера вражды, смертельной схватки противоборствующих сторон. Дмитриев, не чуждавшийся эпиграммы и пародии (но только когда объект

³¹ Ср. статьи Карамзина «Что нужно автору» (1794; *Карамзин Н. М. Избранные сочинения* : в 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 120–122) и Измайлова «Взгляд на истинное достоинство писателя» (*Труды общества любителей российской словесности*. 1818. Ч. 10. Кн. 15. С. 46–53).

³² См.: *Северный вестник*. 1805. Ч. 4. № X. С. 94–95; *Вестник Европы*. 1806. Ч. XXIX. № 17. С. 56–59.

³³ См. об этой ситуации: *Сухомлинов М. И.* Полемические статьи Пушкина // *Исследования и статьи по русской литературе и просвещению*. СПб., 1889. С. 264–266.

³⁴ *Прохорова И. Е.* 1) В. В. Измайлов-цензор: регулирование литературно-журнального процесса // *Вестник Московского университета*. (Серия 10, Журналистика). М., 1998. № 4. С. 9–22; 2) С. Е. Раич, П. А. Вяземский и авторское право // *Творчество писателей-орловцев в истории мировой литературы*. Орел, 2004. С. 12–14.

³⁵ *Комарда Т. Г.* От чувствительного философа к философу резвому: издания Владимира Измайлова // *Вестник молодых ученых. Филологические науки*. СПб., 2001. № 6. С. 32–36.

был смешон – он не использовал это оружие против критиков), предпочитал оставаться «над схваткой» и в 1800-е годы, и в 1820-е, вдохновляя на подвиги младшее поколение и не вмешиваясь в борьбу. Любопытно отметить акцент в мотивировке, сопровождающей его просьбы к корреспондентам обрушиться на критиков «Истории государства Российского». Он просит защитить Карамзина, а не нанести удар по его противникам (см. в письме к Вяземскому: «Они (В. А. Жуковский и К. Н. Батюшков. – А. С.) не имели вашей энергии подать *по-авторски* явно свой голос в пользу первого нашего автора; они оробели восстать на его оскорбителя, а не критика»³⁶. Просил Дмитриев защиты и для себя. Будучи обеспокоен публикацией не принадлежавшей ему статьи за подписью «Ив. Дм», он писал Вяземскому в 1834 году: «Нельзя ли, любезнейший князь, довести о том до сведения С. С. Уварова и сказать к очистке моей слова два о том в “Литературных Прибавлениях к Инвалиду”?»³⁷

Таким образом, Дмитриев придавал большое значение посмертному воздаянию справедливости Измайлову не только в силу личной привязанности к писателю и не столько из-за литературных достоинств его произведений (о которых он вообще молчал), но вследствие того, что литературную деятельность обоих определяли одни и те же базовые принципы, сформировавшиеся в 1790-е годы в среде близких Карамзину литераторов и служившие опознавательным знаком «для своих» внутри этой группы. Обозначенный комплекс представлений во многом отразился и в отношениях Дмитриева и Измайлова. В их основе лежал взаимный интерес, обусловленный общими вкусами и общим пониманием стоящих перед литературой задач и проблем ее развития.

Прямых влияний Дмитриева или заимствований у него в произведениях Измайлова немного. Неоднократно отмечалась зависимость отзыва Измайлова в «Патриоте» на пьесу Н. И. Ильина «Великодушие, или Рекрутский набор» от театральных взглядов Дмитриева, высказанных им в статье «О русских комедиях» (1802)³⁸. В переложениях басен Флориана, сделан-

³⁶ Письма И. И. Дмитриева к князю П. А. Вяземскому ... С. 29. Курсив Дмитриева. Теми же причинами вызвано и появление статьи Измайлова в «Северных цветах» в защиту Карамзина: это была не полемика с критиками, а борьба за репутацию: «...не должно молчать, как некогда молчал Карамзин, но говорить за него, за честь таланта, за справедливость дела» (*Измайлов В. В. О новой журнальной критике // Северные цветы на 1829 год. СПб., 1828. С. 63*).

³⁷ Письма И. И. Дмитриева к князю П. А. Вяземскому ... С. 62.

³⁸ *Кряжжиская И. А.* Из истории русской театральной критики // XVIII век : сб. 4. М.; Л., 1959. С. 222–225; *Мордовченко Н. И.* Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л., 1959. С. 100–101.

ных Измайловым, выделялась общая ориентация на дмитриевские басни (сам выбор автора также свидетельствует о ней)³⁹. Для полноценного сопоставления творчества двух писателей в целом этого явно недостаточно. В то же время их сотрудничество представляет несомненный интерес.

В 1827 году, в пору расцвета альманахов, вышел «Литературный музей на 1827 год, Владимира Измайлова», ставший одним из тех изданий, в которых «напору торгашеского бесчестия литераторы бросили вызов, смыкаясь в круг либо единомышленников, либо друзей»⁴⁰. В нем приняли участие Е. А. Боратынский, П. А. Вяземский, Ф. Н. Глинка, В. А. Жуковский, Н. Д. Иванчин-Писарев, А. С. и В. Л. Пушкины, О. М. Сомов и другие литераторы. Значительная часть переписки Измайлова относится к договоренностям о сотрудничестве в альманахе. Даже авторы, первоначально отказавшиеся от предложения Измайлова, сославшись на отсутствие пригодных материалов, все же опубликовались в «Музее...» из уважения к «ветерану словесности» (как назвался в предисловии Измайлов)⁴¹. К такому относится и Дмитриев.

В «Музее...» опубликовано его стихотворение «В. В. И.», обращенное к Измайлову, а также ответ Измайлова «И. И. Д., в ответ на его стихи». Оба стихотворения обыгрывают одни и те же мотивы старости, смерти, славы и посмертного бытия. При этом центральной фигурой в них оказывается Карамзин. Дмитриев пишет о дружеском состязании с ним и ожидании загробной встречи, а Измайлов делает акцент на творческом бессмертии обоих, которых объединяет, таким образом, и прижизненная дружба, и посмертная слава:

Как виден и поэт, и друг в порыве жарком
Души, исполненной уныньем дум святых!
Согретый теплотою их,
Сам, кажется, твой друг парит к тебе из гроба;
И Слава говорит: «Они бессмертны оба!»⁴²

Эта стихотворная переписка, расположенная почти в самом конце альманаха, подводит итог целому ряду материалов, связанных с именами

³⁹ Степанов В. П. [Комментарии] // Русская басня XVIII–XIX вв. Л., 1977. С. 603.

⁴⁰ Коровин В. И. «Представители нашей словесности» // Русские альманахи : Страницы прозы / Сост., автор вступ. ст. и примеч. В. И. Коровин. М., 1989. С. 5.

⁴¹ Литературный музей на 1827 год, Владимира Измайлова. М., 1827. С. 2 (ненум.) (Ценз. разрешение выдано 28 декабря 1826 года).

⁴² Там же. С. 318–319.

Карамзина и Дмитриева. Их расположение призвано подчеркнуть первенствующую роль этих писателей на «русском Парнасе». Открывающая альманах программная статья Измайлова «Краткое обозрение 1826 года»⁴³ (ориентированная на традицию «Вестника Европы», то есть объединившая политические и литературные события, за что Измайлова будет критиковать М. П. Погодин⁴⁴) начинается литературный обзор с крайне сочувственного отзыва о дмитриевских «Апологах в четверостишиях», а заканчивает упоминанием о смерти Карамзина. Далее идут два «приношения» Иванчина-Писарева: в прозе Карамзину («Речь в память историографу Российской империи»⁴⁵) и в стихах Дмитриеву («При чтении книги под названием “Апологи в четверостишиях”»⁴⁶). В конце альманаха был помещен отрывок из письма Карамзина Дмитриеву⁴⁷ и упоминавшаяся стихотворная переписка⁴⁸. Нет сомнений в том, что альманах был задуман (и стал таковым) как посмертная дань уважения Карамзину со стороны части его окружения и как прижизненный памятник Дмитриеву⁴⁹.

В свою очередь для Дмитриева появление «Музеума...» было важно в связи с поисками им «своего» издания. Активно публиковавшийся у Карамзина, он увидел в альманахе Измайлова усвоенный тем карамзинский тип журналистики. Поддержка им «Музеума...» как начинания вполне вписывается в этот контекст⁵⁰.

В заключение нужно отметить, что, по-видимому, ни Измайлов для Дмитриева, ни Дмитриев для Измайлова не были ключевыми собеседниками даже во второй половине 1820-х годов, когда их сближали и возраст, и мироощущение. В перспективе интересно рассмотреть разнообразные свя-

⁴³ Литературный музей ... С. 3–46.

⁴⁴ Московский вестник. 1827. Ч. 3. № 11. С. 275.

⁴⁵ Литературный музей ... С. 61–148.

⁴⁶ Там же. С. 161. «Апологи...» вовсе не были единодушно приняты критикой. Измайлов же и ранее восторженно отзывался о Дмитриеве в печати, например в очерке «Московский бродяга», опубликованном в «Вестнике Европы» (1814. № 16 (август). С. 301–316).

⁴⁷ Литературный музей ... С. 312–316.

⁴⁸ На последнем ударном месте оказалась все же «Испанская песня» А. С. Пушкина с нотами для исполнения. Факт любопытен как угождением вкусам публики, так и почтением, с которым относился к Пушкину его первый издатель (См.: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. 2-е изд.. Л., 1988. С. 170–171).

⁴⁹ См. об этом также в статье А. С. Бодровой в настоящем сборнике.

⁵⁰ Дмитриев поддержал намерение Измайлова продолжать «Музеум...» на следующий год, однако распоряжение его начальства по цензурному ведомству наложило запрет на осуществление этих планов.

зи внутри московского карамзинского круга писателей, «вышедших в отставку» с началом новой эпохи в литературе. Однако исследование даже такого небольшого эпизода, как отношения Измайлова и Дмитриева, позволяет отметить, что они и на позднем этапе были не доживавшими свой век одиночками, а неким «литеральным собратством»⁵¹, внутри которого шла своя, небезынтересная для изучения, жизнь.



⁵¹ Путешествие в полуденную Россию. В письмах, изданных Владимиром Измайловым. Ч. 4. М., 1802. С. 198.

**И. И. ДМИТРИЕВ – ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИССИИ
ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ ИВАНА ДМИТРИЕВА
(1816–1819)**

А. А. Костин

В своем предисловии к 6-му изданию «Стихотворений» И. И. Дмитриева П. А. Вяземский замечал: «...биография чиновника не заключается иногда в одной сухой летописи о прохождении его из чина в чин, а биография поэта удовлетворяет любопытству не одних любителей поэзии, но и людей, требующих от стихотворца заслуг еще другого рода. Известие о жизни и сочинениях Ивана Ивановича Дмитриева может заслужить внимание читателей, к которому бы из упомянутых разрядов они ни принадлежали»¹. Эта характеристика Дмитриева – поэта и государственного деятеля – разделялась большинством современников и достаточно логично вырастала из жизненного пути писателя, бывшего и сенатором, и обер-прокурором, и министром юстиции. Если эта блестящая карьера и затмевается вполне объяснимо памятью о Дмитриеве как писателе, все же она не может игнорироваться исследователями, хотя бы по той причине, что служебные перипетии составляют немаловажную часть «Взгляда на мою жизнь», и серьезное научное издание этого замечательного автобиографического сочинения не может пройти мимо комментирования и верификации оставленных Дмитриевым свидетельств.

Собственно, как развернутый комментарий к одному фрагменту 10-й части «Взгляда...» я и рассматриваю настоящую статью. Речь пойдет о последней службе Дмитриева, доставившей ему чин действительного тайного советника и орден Святого Владимира 1-й степени, – месте председателя

¹ Вяземский П. А. Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского. СПб., 1878. Т. 1. С. 114.

комиссии, официально в своих протоколах именовавшейся «Комиссией для разбора прошений, поданных в Москве на Высочайшее имя»; между тем в официальной переписке и в печатных извещениях, исходивших от нее, фигурировавшей почти исключительно как «Комиссия под председательством тайного советника² и кавалера Дмитриева». Поскольку оба названия мало что дают для понимания сути ее деятельности, нелишним будет здесь отметить, что изначально рассматривавшиеся Комиссией прошения составились в период пребывания Александра I в Москве летом 1816 года и касались только просьб о пособиях в связи с бедностью, наступившей от разорения в войне 1812 года³. Эта служба, занявшая почти три года в период с сентября 1816 по май 1819 года, по сути не привлекала внимание исследователей в отличие от значительно более выдающихся и по имени, и по заслугам служб в должностях министра и обер-прокурора Сената. Не в малой степени причина такого невнимания заключается, по-видимому, в том, что во «Взгляде...» Дмитриев сам характеризует эту службу как «легкую». В результате, все исследователи, вынужденные обращаться к сообщению о Дмитриеве – председателе Комиссии, – ограничиваются ссылкой на «Взгляд...». Следует отметить, что до недавнего времени не вполне прояснен был и порядок обращения к делопроизводству Комиссии. Дело в том, что титульным фондообразователем ее материалов в РГИА стала не сама Комиссия, а благотворительное общество «Сословие попечителей призрения разоренных», с 1813 года также занимавшееся выдачей пособий. Когда в 1817 году деятельность общества была прекращена, документы его, по-видимому, поступили в Комиссию под председательством И. И. Дмитриева, поскольку могли помочь в вопросе о выдаче или невыдаче пособия⁴.

² С февраля 1818 г. – «действительного тайного советника».

³ Во время пребывания Александра I в Москве в октябре 1817 – феврале 1818 года сложился еще один корпус прошений на высочайшее имя, к разбору которых Комиссия приступила 15 января 1818 года, именуясь с этого времени в протоколах «Комиссией разбора вновь поступивших в Москве на высочайшее имя прошений»; до 15 февраля 1818 года параллельно велись протоколы обеих комиссий. В число рассмотренных Комиссией на этом втором этапе прошений вошли и те, которые поступили на имя императриц Елизаветы Алексеевны и Марии Федоровны.

⁴ В протоколах и переписке Комиссии Дмитриева документы о передаче материалов «Сословия...» отсутствуют. К сожалению, во время подготовки настоящей статьи мне не было доступно дело о закрытии «Сословия...», которое должно содержать сведения о передаче его материалов (РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. № 7). Алфавит получавших пособие от общества был передан Дмитриеву уже в первый месяц работы Комиссии А. П. Тормасовым (там же. № 553. Л. 12) и активно использовался при решении вопроса о выдаче пособия (см. отказы в пособиях подполковнице Анне Щербатовой, получившей от «Сословия...» 5 тыс. рублей: там же.

Однако, поскольку материалы «Сословия...» хронологически предшествовали материалам Комиссии, весь этот комплекс в нарушение исторической и архивной логики оказался описанным под общим заголовком именно «Сословия...», а не Комиссии, и даже в описании фонда значилось, что последняя была образована в 1817 году как правопреемница «Сословия...»⁵. В путеводитель по ЦГИАЛ, изданный в 1956 году⁶, описание этого фонда, как и фондов большинства других благотворительных организаций, не попало; как следствие, узнать о существовании документов Комиссии можно было лишь обратившись к описи «Сословия...». Ситуацию исправил только 3-й том нового путеводителя по РГИА, вышедший в 2006 году, где подробно описаны фонды общественных организаций⁷.

Сам Дмитриев рассказ о своей работе в Комиссии начинает так: «Протекали дни мои, незаметные, но спокойные до 1816 года. В половине оного Москва обрадована была прибытием императора <...> Мы скоро увидели в нем ангела-утешителя. Приказано было статс-секретарю Кикину принимать от всех на высочайшее имя прошения. Сверх того бедные и разоренные граждане среднего состояния, встречаясь с государем в ежедневных прогулках его по берегам Пресненских прудов и по другим частям города, обращались к нему сами с просьбами словесными и на бумаге, и ни один не отходил от него без утешения. Пред отъездом же Государя в Варшаву последовал на имя бывшего московского военного губернатора Торماسова высочайший рескрипт об учреждении Комиссии для пособия разоренным в Москве от пожара и неприятеля. Я имел счастье быть избран самим императором в председатели Комиссии»⁸.

Это место требует определенного уточнения. Называя комиссию учрежденной «для пособия разоренным в Москве от пожара и неприятеля», Дмитриев точно описывает суть ее работы, но невольно вносит некоторую историческую путаницу. Дело в том, что еще в 1813 году в пострадавших от нашествия французов губерниях были созданы комиссии для «вспоможения разоренным обывателям». В Москве такая комиссия действовала изначально под председательством Н. И. Головина, в 1816 году ею руково-

№ 184. Л. 102 и надворному советнику Николаю Булгакову, получившему от «Сословия...» 6 тыс. рублей: РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. № 185. Л. 69).

⁵ См. опись фонда 1309. Л. 2.

⁶ Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде. Л., 1956.

⁷ Российский государственный исторический архив : путеводитель : в 4 т. СПб., 2006. Т. 3 : Фонды общественных и частных учреждений и организаций. С. 190.

⁸ *Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь. Записки действительного тайного советника Ивана Ивановича Дмитриева. В трех частях. М., 1866. С. 241–242.

дил московский председатель дворянства В. Д. Арсеньев. Эти комиссии, рассматривая прошения разоренных, выдавали беспроцентные ссуды под залог или поручительство за счет средств государства. Следует отметить, что к 1816 году на эти цели казной были выделены огромные суммы: в 1818 году в специальной записке министр финансов Д. А. Гурьев отмечал, что только на прямые пособия разоренным в Московской, Калужской и Смоленской губерниях потрачено около 17 миллиона рублей⁹. При этом львиную долю этих расходов – 13,5 миллиона – составили как раз ссуды, выдававшиеся через московскую комиссию вспомоществования¹⁰. Я не располагаю сейчас точными данными, но из этих цифр следует заключить, что между ссудами, выдававшимися, с одной стороны, в Москве и, с другой, – в Калуге и Смоленске наблюдалась существенная диспропорция: примерно в 7-8 раз. И, судя по всему, дело было не только в числе подавших прошения, но и в том, какие суммы отпускались заявителям. Известно, что более половины ссуд, выдававшихся в Калуге, не превышали 200 рублей¹¹. Между тем минимальная ссуда в Москве составляла 500 рублей, ссуды в 3–5 тысяч были довольно обычны, а большие, в том числе и семизначные суммы, – неединичны. Когда в 1825 году в коронационном манифесте Николай I объявил о списании долгов по московским ссудам, не превышавшим 2000 рублей, то из общих 11 миллионов долга таких набралось только на один миллион¹². На мой взгляд, эти цифры имели решающее значение в вопросе о создании Комиссии под председательством Дмитриева и в характере ее работы.

Хорошо известно, что продолжительная масштабная война поставила финансы империи в угрожающее положение. В этой ситуации получение во время двухнедельного пребывания императора в Москве в 1816 году более 12 тысяч прошений (а в 1813-м, когда создавалась Комиссия вспомоществования, более чем за два месяца их было собрано немногим более 18 тысяч), в случае если бы порядок предоставления помощи остался прежним, это означало бы новые расходы, которые существенно отразились бы на бюджете страны. Характерно в связи с этим появление в

⁹ Соколов А. Р. Российская благотворительность : Исторические исследования. СПб, 2005. С. 60–61.

¹⁰ Болдина Е. Г. О деятельности Комиссии для рассмотрения прошений обывателей Московской столицы и губернии, потерпевших разорение от нашествия неприятельского // Москва в 1812 году : материалы научной конференции, посвященной 180-летию Отечественной войны 1812 г. М., 1997. С. 45–51.

¹¹ Соколов А. Р. Российская благотворительность ... С. 62.

¹² Болдина Е. Г. О деятельности Комиссии ... С. 50–51.

переписке Карамзина и Дмитриева имени министра финансов Д. А. Гурьева и обсуждения ими проблемы государственных финансов вскоре после назначения Дмитриева председателем Комиссии: «Не удивляюсь, что ваши списки лежат под спудом до времени: если утверждать их, то надобно выдать денег, а мы не крезы. Медленность происходит, кажется, единственно от затруднения в выдаче больших сумм <...> Уверяют, что наши финансы скоро процветут, и через 4 года рубль бумажный обратится в серебряный. Аминь – буди, буди! <...> Желая тебе, любезнейший, старой неоцененной бесценности столько же, сколько самому себе»¹³.

Стоит сказать также, что к моменту создания Комиссии под председательством Дмитриева упомянутая комиссия вспомоществования была не единственным опытом государственной помощи пострадавшим в Москве. Поскольку для выдачи ссуды требовалось предоставление залога или поручительства на немалую сумму (минимальный размер ссуды, напомним, составлял 500 рублей), многие просители не могли ее получить, поскольку не могли представить залога¹⁴. Для решения этой проблемы московскому военному генерал-губернатору А. П. Тормасову в начале 1816 года было разрешено распределить среди таких просителей 500 тысяч рублей безвозмездно¹⁵. Таким образом, работа аппарата Тормасова по распределению пособий повторяла суть работы комиссии Дмитриева, также распределявшей пособия безвозмездно. Это сходство функций произвело, кстати, среди современников определенное замешательство: в первом письме после получения известия о новом назначении Дмитриева Карамзин писал ему: «Кажется, что Государь Москвою и Москва Государем довольны. К нам пишут, что он избрал тебя в председатели Комиссии для раздачи полумил-

¹³ Карамзин Н. М. Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 207. Опасения Дмитриева о задержке выплат по назначенным пособиям были не напрасны: решение по пособиям, назначенным в октябре 1816 года, было дано императором только в конце апреля 1817 года (РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. № 187. Л. 88 об.); решение об утверждении представлявшихся ежемесячно списков пособий Комиссии за июль – декабрь 1817 года было получено Дмитриевым только 28 июня 1818 года (там же. № 194. Л. 41–41 об.).

¹⁴ К концу 1815 года по этой причине из выделенных ей 16 миллионов Комиссия смогла выдать ссуды только на сумму немногим большую 4 миллионов. В подавляющем большинстве получателями стали дворяне (для просителей по Москве – 444 из 695 ссуд на сумму 1 860 950 рублей из всего 3 419 800 рублей: *Martin A. Down and Out in 1812: The Impact of the Napoleonic Invasion on Moscow's Middling Strata // Eighteenth-Century Russia : Society, Culture, Economy. Papers From the VII International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia*, Wittenberg 2004. Münster; Berlin, 2007. P. 442).

¹⁵ Болдина Е. Г. О деятельности Комиссии ... С. 49.

лиона бедным»¹⁶. В такой ошибке Карамзин не был одинок: за осень 1816 года в Комиссию Дмитриева поступило несколько прошений, где просьба была о предоставлении пособия из тех самых тормасовских 500 тысяч¹⁷.

Таким образом, Комиссии Дмитриева следовало заниматься теми же вопросами, которые до того выполнял аппарат Торماسова. Чтобы объяснить, зачем же в таком случае потребовалось создавать специальную комиссию, следует учесть одно обстоятельство. При учреждении безвозмездной раздачи 500 тысяч рублей предполагалось, что таким порядком выдаваться будут пособия не более чем на 500 рублей, однако в реальности выплаты зачастую превышали эту сумму, а порою и значительно¹⁸. Это отступление от буквы закона было, по-видимому, для Торماسова принципиальным. Так, несмотря на то, что в высочайшем рескрипте на его имя от 30 августа 1816 года, ставшем основным учредительным документом Комиссии Дмитриева, говорилось вполне определенно: «...на пособие имеют право единственно те из разоренных, кои истинно бедны и не воспользовались донныне никакою от правительства помощью»¹⁹, сообщая этот рескрипт Дмитриеву, Тормасов предлагал ему: «...я не премину доставить к вашему превосходительству алфавитный список тем лицам, которым по представлению моему, во уважение разорения и бедности их, высочайше повелено выдать назначенные от Комиссии вспоможения разоренным пособия без возврату из ассигнованных особо 500 т. р. – на тот конец, дабы Комиссия, имея оный список в виду, могла назначить кому-либо из числа поименованных в нем лиц пособие вдвойне»²⁰.

Полагаю, в вопросе о создании Комиссии под председательством Дмитриева сыграл ключевую роль именно этот финансовый и административный фактор. Александру I требовалось, чтобы новое заведение не стало

¹⁶ Карамзин Н. М. Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву ... С. 195.

¹⁷ См. прошения «живущей в городе Можайске вдовы дьяконницы Прасковьи Грузовой» (РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. № 184. Л. 73–73 об.) и написанные по единой форме прошения родовитых тихвинских дворян: «майорши Надежды Васильевны Раевской» и «подполковника князя Василия Павловича Щербатова» (там же. № 553. Л. 21–24). Последние просили о «вспоможении», значительно превосходящем пособия, выдававшиеся Комиссией: Раевская – о 26 501 рубле; Щербатов – о 49 171 рубле.

¹⁸ Как показывает А. Мартин, из этих денег пособия дворянам выделялись на суммы от 100 до 5000 рублей (в среднем – 1000 рублей), просителям других сословий – от 100 до 1000 рублей (в среднем – 500 рублей: *Martin A. Down and Out in 1812 ... P. 443*).

¹⁹ РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. № 553. Л. 36.

²⁰ Там же. Л. 1а. Алфавит этот был сообщен Комиссии 2 сентября 1816 года (там же. Л. 4). Впоследствии Комиссия отказывала в выдаче пособий всем лицам, получавшим вспомоществование из тормасовских 500 тысяч.

способом бесконтрольной раздачи и без того состоятельным людям значительных сумм, а служило своей основной цели: поддержать действительно впавших в бедность. Для строгого исполнения этого положения требовался человек, который смог бы и благосклонно относиться к терпящим нужду, и безоговорочно отказывать не подходящим под жесткие правила выдачи пособий²¹, наконец человек, отказ которого воспринимался бы просителями как непререкаемое решение. Таким человеком с полным основанием был избран Дмитриев.

Не буду останавливаться специально на той части воспоминаний о работе в Комиссии, которая касается выбора ее состава: во-первых, сам Дмитриев достаточно красноречив в изложении своего разговора с А. А. Аракчеевым, во-вторых, доступные мне документы пока что не позволяют верифицировать обстоятельство этого разговора. Сам состав комиссии и обстоятельства исключения из ее состава С. С. Кушников изложены Дмитриевым совершенно верно. Стоит только отметить одно обстоятельство: во «Взгляде...» Дмитриев специально замечает, что ему было предложено самостоятельно избрать правителя канцелярии Комиссии. Место это занял бывший в то время чиновником особых поручений при Тормасове Н. И. Ильин²², известный драматург начала века, что свидетельствует об определенных личных отношениях Дмитриева и Ильина, до сих пор, кажется, не отмеченных.

Значительно более важным мне представляется описание Дмитриевым непосредственной работы Комиссии. Приведу его в сокращении: «В рескрипте <...> предписывалось Комиссии помогать только тем разоренным,

²¹ Известно, что с просьбами о благосклонном рассмотрении просьб своих родственников и знакомых к Дмитриеву обращались по меньшей мере двое человек, с которыми он состоял в приятельских отношениях: Н. М. Карамзин просил за «бедную старушку <...> секретаршу Аграфену Алексеевну Шарапову» (*Карамзин Н. М. Письма* Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву ... С. 197), а В. В. Измайлов – за родственницу, имя которой остается неизвестным. Ответ, данный Дмитриевым Измайлову, показателен: «Я всюю душою рад быть орудием монарших благодеяний, а потому и покровительствуемая вами может надеяться получить в них участие, если по состоянию своему будет подходить под правила, которые даны в руководство комиссии. В противном же случае мне останется только сожалеть, что и дружба и сострадание подчинены законам» (*Дмитриев И. И. [Письма]* / Публ. В. Э. Вацура // *Письма русских писателей XVIII века*. Л., 1980. С. 418). Сквозной просмотр протоколов Комиссии показывает, что и дело А. А. Шараповой не рассматривалось особым порядком.

²² О Н. И. Ильине см.: *Рогов К. Ю. Ильин Н. И. // Русские писатели. 1800–1917 : биографический словарь*. М., 1992. Т. 2. С. 413–414. Ильин приступил к работе в Комиссии 6 сентября 1816 года (РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. № 184. Л. 1в об.) и покинул ее, судя по всему, после составления отчета о первом этапе ее работы: 25 февраля 1818 года Дмитриев предписал его заместителю (впоследствии – «исправляющему должность правителя канцелярии») Звереву принять у Ильина дела; передача дел завершилась в мае (там же. № 193. Л. 47 об. – 50 об.).

которые не получают жалованья и нуждаются в пропитании себя и семейства. Вследствие сего Комиссия поставила себе в обязанность и неперменное правило наведываться о просителе чрез полицию и назначать в единовременное пособие, соответственно званию и состоянию каждого, не свыше осьми сот и не менее двадцати пяти рублей»²³.

При всей краткости свидетельство это удивительно точно описывает суть работы Комиссии и, что важнее, отмечает основное ее отличие от других учреждений, выдававших пособия пострадавшим в Москве. Основным пунктом в рескрипте Александра I Тормасову был следующий: «...имея в виду, что на пособие имеют право единственно те из разоренных, кои истинно бедны и не воспользовались донныне никакою от Правительства помощью, Комиссия отказывает всем тем, кто получил уже пособие из комиссии вспоможения разоренным, или кому оно назначается из известных вам пятисот тысяч рублей, равно и тем, кои хотя потерпели при общем нещастии и не получили пособия, но имеют состояние для поддержания себя и семейств своих»²⁴. Таким образом, для выдачи пособия Комиссия должна была удостовериться в том, что проситель: а) действительно потерпел разорение; б) не имел достаточных средств для поддержания себя и своего семейства; в) не получал другого пособия. Уже два последних пункта заметно отличали работу Комиссии Дмитриева от работы Комиссии вспомоществования, созданной в 1813 году. Следует сказать, что степень обеспеченности просителя мало беспокоила последнюю – более того, как было сказано выше, для получения пособия требовалось представить немалый залог. Что же касается запрашивавшихся ею свидетельств о полученном разорении, то в отношении движимого имущества она из-за невозможности проверки безоговорочно доверяла просителям; в отношении же недвижимого имущества требовала справку самого общего характера от высших властей того места, где проживал проситель: в Москве – от обер-полицмейстера, в Московской губернии – от уездного предводителя дворянства; в других местах – от городничих²⁵. Дмитриев поставил работу своей комиссии совсем иначе. Для принятия прошения к рассмотрению Комиссия должна была получить свидетельство от полицейского низшего звена, частного пристава, непосредственно знакомого с местом, где проживал проситель. Помимо этого, такое свидетельство должны были подтвердить приходской священник, хозяин дома, где проживал проситель, а также

²³ Дмитриев И. И. Взгляд ... С. 242.

²⁴ РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. № 553. Л. 3б.

²⁵ Болдина Е. Г. О деятельности Комиссии ... С. 46–47.

для дворян – два свидетеля-чиновника; для купцов, цеховых, мещан и разnochинцев – «сверх того головы от их общества, смотря по званию просителя»²⁶. Несмотря на кажущуюся сложность подобной формы, она оказалась малообременительной для просителей: с одной стороны, обязанность за составление свидетельства возлагалась целиком на полицейских²⁷, с другой стороны, в случае неполучения тех или иных подписей или других формальных нарушений Комиссия никогда не отказывалась принять прошение к рассмотрению, но неоднократно заставляла полицейское ведомство исправлять недочеты²⁸. Такая форма запроса свидетельств оказалась достаточно действенной: уже на этой стадии многие просители отказывались от помощи, ссылаясь на то, что состояние их переменялось; многие же, по видимому, просто отказывались представлять свидетельства: из 12 тысяч прошений, поступивших в августе 1816 года, комиссия не получила свидетельств на полторы тысячи; почти столько же отказников оказалось и в случае со второй партией из 9 тысяч прошений, поступивших в конце 1817 года, то есть здесь их процент оказался еще выше. Именно переписка о получении свидетельств составила основной документооборот Комиссии. Такой тщательностью их подготовки объясняется и продолжительность работы Комиссии Дмитриева. Если в 1813 году московская Комиссия вспомоществования рассмотрела 18 тысяч прошений чуть больше чем за два месяца²⁹, то Комиссии Дмитриева потребовалось на это два с половиной года (следует, впрочем, сказать, что в 1813 году Комиссия вспомоществования заседала ежедневно с 9 утра до 8 вечера, за исключением табельных дней; комиссия же Дмитриева даже в самые напряженные этапы работы заседала не более четырех дней в неделю и только по несколько

²⁶ См. предложенный Дмитриевым 11 сентября 1816 года проект положения о подобном запросе: РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. № 184. Л. 10 об. – 11 об.

²⁷ О масштабе работы по сбору свидетельств в Москве говорит письмо Тормасова Дмитриеву от 25 июня 1817 года, написанное в связи с необходимостью получения более двух тысяч свидетельств: «Я предписал объявить от полиции особыми печатными объявлениями по всем домам, дабы просители, не представившие о себе по сие время надлежащих свидетельств, поспешили представлять оные в те части города, в которых кто из них жительство имеет, и что если за сим объявлением до 15 августа кто свидетельства не представит, то почтен будет за нежелающего получить от щедрот Монарших испрашиваемого прежде пособия, или за не имущего уже нужды в оном. Сей способ объявления я предпочел припечатанию в газетах; ибо газеты, вероятно, немногие из просителей Комиссии читают» (там же. № 553. Л. 131–131 об.).

²⁸ Единственной формальной причиной, неизменно приводившей к отказу в пособии, служило обращение просителя не к монаршей особе, а непосредственно к И. И. Дмитриеву.

²⁹ Болдина Е. Г. О деятельности Комиссии ... С. 46.

часов – именно это обстоятельство, по-видимому, имел в виду Дмитриев, характеризуя эту службу как «легкую»).

Что касается непосредственного рассмотрения прошений, то здесь в полной мере сказались финансовые соображения, о которых я говорил выше. Несмотря на то, что Дмитриев указывает максимальную сумму пособия 800 рублей, сквозной просмотр протоколов за первые полгода работы комиссии, когда было рассмотрено более 4 тысяч прошений³⁰, а также сохранившихся алфавитов (они доходят только до литеры «Г») подобных пособий выявить не позволил; встретившиеся мне максимальные суммы составляли 600 рублей, из более чем 4 тысяч прошений их было всего три, и все они были назначены вдовам чиновников 7–8 классов³¹. Размеры пособия, в полном соответствии с указанием Дмитриева, носили сословный характер. Так, если взглянуть на отчет Комиссии за второй этап ее работы³², когда размеры пособий несколько снизились (представленный в феврале 1818 года первый отчет, касавшийся рассмотрения прошений, поданных Александру I в августе 1816 года, к сожалению, не сохранился), можно увидеть, что средний размер выплат чиновникам составлял 136 рублей (77 245 рублей 568 лицам), купцам – 67 рублей (3410 рублей 51 лицу), духовным лицам – 61 рубль (11 385 рублей по 185 прошениям³³), мещанам и

³⁰ Протокольные ведомости о пособиях велись не в виде таблицы, а записью в строку; в протоколах первых шести месяцев присуждавшиеся суммы выделялись подчеркиванием, позже подобное выделение пропадает, что делает выявление индивидуальных сумм пособий при сквозном просмотре крайне трудным.

³¹ Впоследствии сумма в 600 рублей осознавалась, по-видимому, комиссией как верхняя планка пособия. Так, 30 октября 1817 года было принято решение по особому делу княгини Екатерины Голицыной, инициированному Тормасовым. В прошении сообщалось, что «княгиня Екатерина Голицына, при 70летней старости лишась зрения и будучи на смертном одре, оставленная родными находится без всякого пособия» (РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. № 544. Л. 2–2 об.; письмо П. А. Кикина от 5 октября 1817 года). Решением Комиссии Голицыной было назначено 600 рублей (там же. № 190. Л. 34 об.). На том же заседании было рассмотрено еще 3 особые прошения, но всем другим пособия были назначены меньшие: 100, 200 и 300 рублей.

³² Там же. № 192. Л. 33 об. – 35.

³³ Незначительное число просителей из духовенства объясняется тем, что многим священникам, материально пострадавшим в войне 1812 года, помощь оказывала непосредственно церковная администрация. Так, когда в октябре 1816 года Дмитриев запросил у архиепископа Дмитровского Августина алфавит духовных лиц, получивших после войны пособие от духовного начальства, тот отвечал, что «требуемого списка доставить невозможно, потому что количество духовных, получивших пособие, очень значительно, и в переписке оных ведомостей последует продолжительная медленность. Как я предполагаю, что не многие из духовных подали прошения на Высочайшее имя, то посему не угодно ли будет Вашему высокопревос-

цевым – 50 рублей (108 100 рублей по 2146 прошениям; эта же сумма составила средний размер пособий в целом), разночинцам – 33 рубля (84 090 рублей 2558 лицам)³⁴. Крепостным крестьянам Комиссия отказывала в рассмотрении прошений как «не подходящим к назначению пособия от монарших щедрот». В целом, можно сказать, что размер назначаемого пособия примерно соответствовал годовому доходу или жалованию соответственно с сословным положением просителя; в случае особой бедности или большой семьи просителя (эта причина для назначения увеличенного пособия называется чаще всего) сумма могла быть увеличена. Что касается нижней границы пособия, то на протяжении долгого времени она составляла 30 рублей (такое пособие назначалось чаще всего солдатам), ближе к концу работы Комиссии эта сумма снизилась до 15 рублей, причем иногда назначались пособия и в 10, и даже в 5 рублей³⁵.

Все эти сведения устанавливаются только при сквозном просмотре протоколов и алфавитов; в протоколах, несмотря на указание Дмитриева, никаких сведений о том, что Комиссия «поставила себе в правило» назначать пособия в каких-то пределах, нет. Единственная подобная норма носила сословный характер и оказалась связана с эпизодом, который Дмитриев в воспоминаниях описывает так: «...укоренившийся между нами обычай втираться к случайным и для услуги своим знакомцам располагать царскою казною гораздо чивее³⁶, нежели собственным добром, заводил иногда между мною и членами споры и легкие друг на друга неудовольствия. Не знаю, от них ли это вышло или от другой причины, но граф Аракчеев стал ко мне приметным образом холоднее; даже и в обращении со мною Государя видел я несколько дней большую перемену»³⁷. Прояснить этот фрагмент из

ходительству для скорейшего разрешения и удовлетворения доставить ко мне именной реестр тех духовных, которые подали прошения» (РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. № 553. Л. 34–34 об.).

³⁴ Всего же за все время работы Комиссии после рассмотрения 19 643 прошений из 20 959 поступивших ею было назначено 15 335 пособий на общую сумму 1 391 280 рублей (там же. № 192. Л. 35). Во «Взгляде...» Дмитриев ошибочно указывает число выданных пособий как 15 330.

³⁵ Обращает внимание значительное различие в сословном характере пособий, выделявшихся Комиссией вспоможения 1813 года и Комиссией Дмитриева: если более 80 % пособий последней предназначались мещанам, цеховым и разночинцам, то более половины пособий первой были получены купцами; на втором месте шли дворяне; на третьем, со значительным отрывом (менее 20 %), – мещане и разночинцы (*Martin A. Down and Out in 1812 ... P. 444*).

³⁶ Так в автографе Дмитриева (ИРЛИ. 14 871 (5). Л. 71), писарской копии (ИРЛИ. 14 781 (4). Л. 38) и издании 1866 года. «Чивый» у В. И. Даля – «щедрый, тороватый». В издании: *Дмитриев И. И. Сочинения. М., 1986, – ошибочно «живее» (с. 365).*

³⁷ *Дмитриев И. И. Взгляд ... С. 243.*

«Взгляда...» можно, сопоставив письмо Карамзина Дмитриеву от 25 декабря 1816 года и протоколы Комиссии. Карамзин писал: «Я уверен, что ни Капитан, ни Архимандрит (то есть назначенные Аракчеевым члены Комиссии А. И. Бахметев и архимандрит Симонова монастыря Герасим. – А. К.) не могут повредить тебе в мыслях Государя. Он знает, что ты принял на себя эту должность единственно в угодность Ему; знает и уважает тебя <...> Ставя себя на твоём месте, я поступил бы так: следовал бы точно данным Комитету правилам, совести, рассудку, не уважая ничего более; а если бы встретилось мне какое существенное неудовольствие, то написал бы прямо к Государю или к графу Аракчееву, взял бы свое и откланялся Комитету. Ты умел быть всегда твердым и гордым от душевного благородства»³⁸. Мотив неудовольствия Аракчеева и Государя и проявляемой Дмитриевым твердости явно соотносятся с приведенным отрывком из «Взгляда...» – таким образом, мы получаем указание на примерное время конфликта: некое решение, принятое в Комиссии, видимо, дошло до Петербурга, где о нем составилось определенное мнение, оно вернулось в Москву, после чего Дмитриев написал о своих волнениях Карамзину. Это заставляет искать объяснение конфликта в протоколах Комиссии начала декабря 1816 года. Действительно, в ноябре 1816 года в Комиссию от Аракчеева, П. А. Кикина и А. П. Тормасова поступило три прошения с просьбой рассмотреть их особым порядком «по воле Его Императорского величества». Просили коллежская асессорша Лихарева³⁹, титулярный советник Федор Соловьев⁴⁰ и генерал-майорша, жена начальника московского Арсенала, Пичугина⁴¹. И если пришедшее от Кикина прошение Лихаревой в полной мере соответствовало положениям Комиссии (пособие ей было назначено 7 декабря)⁴², то поступившее от Аракчеева прошение Пичугиной явно из принципов ее работы выбивалось: 28 ноября по нему было принято такое решение: «Что ж касается до прошения г<оспо>жи генерал-майорши Пичугиной, коей муж получает жалование 900 р. и коей назначено от Комиссии вспоможения 4 т. р., то хотя <...> предположила отказывать получающим жалованье или пансион свыше 350 р., но приняв во уважение большое семейство ея, состоящее в 15 особах, и что прошение ее поступило в Комиссию по особенной воле Его императорского величества, то предоставить

³⁸ Карамзин Н. М. Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву ... С. 201–202.

³⁹ РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. № 185. Л. 33.

⁴⁰ Там же. Л. 55.

⁴¹ Там же. Л. 33.

⁴² Там же. Л. 68.

его превосходительству г. председателю Комиссии сделать о ней особенное представление Государю императору с изъяснением положения ея»⁴³. В такой же формулировке 7 декабря было принято решение и относительно Федора Соловьева (ему не было ранее назначено пособие, но он получал жалование в 350 рублей и имел «обширное семейство»)⁴⁴. Следует сказать, что до того никаких указаний на то, что 350 рублей были минимальной суммой для отказа в прошении, нет; в записи о Пичугиной сумма «350» вписана вместо зачеркнутых «300». Норма эта, по-видимому, была выдумана на ходу, чтобы оправдать отказ в прямом назначении пособия Пичугиной и направить просьбу назад Аракчееву. Между тем ситуация эта привела к тому, что 9 ноября Комиссией было решено пересмотреть просьбы всех чиновников, получавших жалование менее 350 рублей, чтобы назначить им пособие⁴⁵. Полагаю, что решение о частичном удовлетворении просьб Соловьева и особенно Пичугиной в обход существовавших правил было принято по настоянию Бахметева и Герасима; решение о применении соответствующей нормы ко всем прочим просителям могло стать в таком случае ответом Дмитриева. Судя по всему, результатом этого обсуждения стало письмо Аракчееву Бахметева и Герасима, сообщавших, что «в обсуждении высочайшего повеления» о рассмотрении прошения Дмитриев осмелился ослушаться и придерживаться утвержденных норм. О том, как Дмитриеву удалось оправдаться перед императором, сказать сложно: встреча их произошла только между 6 и 15 октября 1817 года во время очередного приезда Александра I в Москву. До тех пор (более 10 месяцев!) решение по делам и Пичугиной, и Соловьева принято не было. 6 октября Дмитриев заседал в Комиссии единолично (несмотря на разосланные повестки, ни один из членов не явился)⁴⁶ и в этот день принял решение отобрать несколько прошений от лиц, находившихся в явной бедности, но не

⁴³ РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. № 185. Л. 54 об. – 55.

⁴⁴ Там же. Л. 68–68 об.

⁴⁵ Там же. Л. 74 об. Насколько можно судить по материалам Комиссии, подобной границей годового дохода, превышение которой влекло отказ в выдаче пособия, служила для нечиновных просителей сумма в 100–120 рублей; с июля 1817 года Комиссия начала отказывать чиновникам 9 класса и ниже, получавшим в год более 200 рублей (и в редких случаях чиновникам 8 класса, получавшим более 300 рублей); для нечиновных просителей сумма при этом понизилась, судя по всему, до 60 рублей; в августе 1817 года комиссия начала отказывать унтер-офицерам и солдатам, мужья которых получали более 36 и 12 рублей в год соответственно (там же. № 185. Л. 92 об.; № 186. Л. 63, 66, 71, 74 об., 78, 90, 106; № 187. Л. 25 об., 44 об., 62 об.; № 189. Л. 3 об., 8 об., 13, 33, 36 об., 46, 52, 63 об., 79; № 190. Л. 5, 17).

⁴⁶ Там же. № 190. Л. 25 об.

потерпевших разорения во время войны⁴⁷. Как свидетельствует протокол следующего заседания (15 октября), вопрос именно о них стал ключевым в состоявшемся за эти девять дней разговоре Дмитриева с императором. Дмитриеву было разрешено назначать от Комиссии пособия не только разоренным, но и просто бедным, хотя и в меньшем размере, «не смешивая их с прежде вступившими»⁴⁸. Наконец, 3 ноября Дмитриев получил от Тормасова письмо, где сообщалось, что на пособие Пичугиной Тормасову выделено 4 тысячи рублей, а для Соловьева пособие в 500 рублей передается Дмитриеву⁴⁹. Именно этот эпизод с десятимесячной задержкой в принятии решения имеет, по-видимому, в виду Дмитриев, говоря во «Взгляде...», что «в обращении со мною государя видел я несколько дней большую перемену».

После этой встречи отношение Александра I к Дмитриеву явно меняется. Из комиссии о разоренных во время войны комиссия Дмитриева становится по сути комиссией о бедных людях в Москве. В 1818 году ей была поручена оценка «меры убытка, понесенного обывателями Рагожской части от бывшего в оной пожара бго числа июня»⁵⁰. П. А. Вяземский, получив в

⁴⁷ «Под № 3. Отставному вахмистру Осипа Новицкого, 11. Мещ. Натальи Ериной, 16. Доч. кол. регистр. Александры Бaeвой, 66. вд. подпорутч. Екатерины Осининой и под № 100м умершей после подачи прошения жены Синодального певчего Дарьи Комаровой, после коей остался муж с двумя малолетними дочерьми, внести вновь в доклад» (там же. Л. 21). Напротив этой записи в журнале помета рукой Дмитриева: «в первом присутствии». Как показывает дальнейшее рассмотрение дел указанных просителей, все они находились в бедности, не потерпев при этом разорения во время войны (там же. Л. 28–28 об., 32). Всем им было назначено пособие, причем «что же касается до состоящей под № 53 вдовы подпоручицы Осининой, не потерпевшей разорения от неприятеля, то в уважение ея бедности по особенной воле Его императорского величества назначается ей сто руб. и имя ее внести в особенный список того же роду просителей» (там же. Л. 25 об. – 26).

⁴⁸ Там же. № 190. Л. 22–22 об.

⁴⁹ Там же. Л. 36–36 об. Тот факт, что деньги для пособия Пичугиной были переданы не Дмитриеву, а Тормасову, свидетельствует, по-видимому, о том, что это пособие было выделено помимо воли председателя Комиссии.

⁵⁰ На пути в Петербург 6 июня 1818 года Александр I стал свидетелем пожара в Рогожской заставе, причем от местных ямщиков ему было подано прошение о возмещении ущерба. Как оказалось, почти все пострадавшие ямщики ранее уже получали пособие от Комиссии вспоможения на общую сумму в 26 400 рублей, причем на строительство сгоревших домов, сдававшихся в наем, от «наемщиков» был также получен задаток на сумму 13 697 рублей «с тем условием, что в случае пожара наемщики не вправе обратно их требовать, хотя бы и не зажили». Именно «наемщики» потеряли наибольший убыток, поскольку, помимо жилья у них сгорело имущество по меньшей мере на 33 397 рублей. Поэтому комиссией было решено, что «достаточным для них (ямщиков. – А. К.) пособием будет, если Его императорскому величеству благоугодно будет всемилоостивейшее распространить срок уплаты выданной им из Комиссии вспоможения суммы еще на три года» (там же. № 194. Л. 68–69 об.) и вместе с тем обра-

1819 году известие о даровании Дмитриеву ордена, характеризовал его как «la grande aumônière de Moscou»⁵¹ – «большим кошельком Москвы». Дмитриев неоднократно делает императору доклады об особо нуждающихся и каждый раз получает благосклонное согласие, что и отразилось во «Взгляде...»: «В случаях <...> требовавших отступления от <...> правила, как то по уважению многочисленного семейства просителя или крайней бедности <...> вносил чрез графа Аракчеева записку с назначением большего пособия на высочайшее рассмотрение, и тогда государь изволил присылать <...> испрашиваемую сумму, часто же и превышаемую, на счет собственных своих расходов, для отдачи просителю»⁵². Три таких прошения особо отмечены в окончательном отчете Комиссии от 19 мая 1819 года⁵³.

5 февраля 1818 года⁵⁴ Комиссия утвердила отчет о первом этапе своей работы (по разбору прошений, поступивших на имя Александра I в августе 1816 года). Говоря во «Взгляде...» о том, что Комиссия «представила 8 февраля подробный отчет», Дмитриев имеет в виду, по-видимому, свой личный визит к Аракчееву, когда «в то же время подано было от меня императору чрез камердинера его письмо, в котором <...> я просил его <...>

тить особое внимание на потери «наемщиков». Такое решение действительно было утверждено Александром I в сентябре 1818 года, причем на раздачу «наемщикам» выделена четверть от суммы оценки ущерба – 8349 рублей 25 копеек (РГИА. Ф. 1309. Оп. I. № 195. Л. 51–54 об.).

⁵¹ Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. I. С. 262.

⁵² Дмитриев И. И. Взгляд ... С. 242–243.

⁵³ «По особому представлению удостоились получить прямо от Государя императора две тысячи восемьсот рублей, присланные к г<осподи>ну председателю Комиссии чрез гг. генерала от артиллерии графа Аракчеева и министра финансов по трем прошениям, а именно: поручица Швабен 500 р., генерал-майорша Свечина (вдова М. М. Свечина. – А. К.) 2000 р. и чиновник 12го класса Фольц 300 р.» (РГИА. Ф. 1309. Оп. I. № 192. Л. 34 об. – 35). Показателен случай со служившим в Комиссии о строениях Ф. Фольцем, о котором 5 мая 1817 года Комиссией было решено: «...что же касается до прошения под № 94 чиновника 12го класса Федора Фольца, получающего 750 руб. жалованья, то хотя на основании Высочайшего указа от 30го августа прошлого 1816 года, чтоб имеющим состояние для поддержания себя и семейств своих, комиссия и предположила тем, кои получают жалованье или пансион свыше трехсот пятидесяти рублей, отказывать, но приняв во уважение большое семейство сего Фольца, состоящее из 13ти малолетних детей, [и притом с недавнего времени вступил онный в службу. – на полях рукой Дмитриева (А. К.)], сделать о нем особенное представление Его императорскому величеству чрез московского господина военного генерал-губернатора, что и представить его превосходительству г<осподи>ну председателю Комиссии» (там же. № 188. Л. 16–16 об.); в июне 1817 года в этом обращении Дмитриеву было отказано (там же. Л. 55 об.). Однако 28 сентября 1818 года Комиссия поручила Дмитриеву, на этот раз без объяснения причин, вновь обратиться к императору с особой запиской о назначении Фольцу 300 рублей (там же. № 195. Л. 51–51 об.). Это прошение и было удовлетворено в феврале 1819 года (там же. № 192. Л. 12 об.).

⁵⁴ Там же. № 191. Л. 23 об. – 25.

об увольнении меня от разбора вновь поступивших прошений»⁵⁵. О том, что прошение действительно было подано, можно судить по тому, что на следующем после этого заседании, 15 февраля, накануне утверждения отчета и присуждения чина действительного тайного советника единственный раз за все три года работы Комиссии Дмитриев не явился на заседание⁵⁶. Столь благосклонная оценка явно польстила ему, и он решил закончить работу.

Подводя итог, следует сказать, что почести, оказанные Дмитриеву как председателю Комиссии, не были случайны. Он действительно исполнил эту должность как подлинно государственную задачу большого общественного значения: с одной стороны, стал, по меткому выражению Вяземского, «орудием высочайшей милости», с другой, – принципиальностью своей работы завершил по сути период бездумного расходования средств на оказание прямой материальной помощи пострадавшим в войне 1812 года: выдававшихся Комиссией средств хватало на поддержание семьи в течение полугода-года, но далее проситель должен был стараться самостоятельно устроить свою жизнь⁵⁷. Не зря самым частотным поводом для отказа в пособии служил молодой возраст просителя и, следовательно, способность вступить в службу, если это был юноша, либо в брак, если это была девушка или молодая вдова. Думается, что во многом именно опыт работы комиссии Дмитриева мог повлиять на упомянутую составленную в 1818 году записку министра финансов Гурьева о необходимости отказаться от системы предоставления ссуд пострадавшим в войне.

Закончить статью мне хочется литературным выходом описанной истории. В «Известии о жизни и стихотворениях Дмитриева» Вяземского наблюдается любопытная параллель: если рассказ о жизни государственного деятеля заканчивается указанием на то, что Дмитриев «удостоился быть избран орудием Высочайшей милости, оказанной пострадавшим жителям столицы от разорения в 1812 году»⁵⁸, то рассуждение о поэте и вся статья завершается следующим пассажем: «...писатель всегда бывает благотворителем сограждан, вожатым мнения общественного и союзником бескорыстным мудрого правителя»⁵⁹. Любопытно отметить, что этот мотив под-

⁵⁵ Дмитриев И. И. Взгляд ... С. 243–244.

⁵⁶ РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. № 191. Л. 29.

⁵⁷ Такая позиция вполне соотносится с взглядами Дмитриева на благотворительность и оплату труда низших слоев населения, отраженными в воспоминаниях А. А. Иовского (см. в настоящем сборнике публикацию С. И. Панова, с. 191–193).

⁵⁸ Вяземский П. А. Полное собрание сочинений ... С. 118–119.

⁵⁹ Там же. С. 153.

линого благодеяния был определяющим для писем Вяземского Дмитриеву периода работы последнего в Комиссии: «Не подавайте нищему, а пишите изредка ко мне. Ваше письмо было для меня истинным благодеянием»⁶⁰. Истинная благотворительность, благотворительность от души к душе, оказываемая писателем (здесь – молодому писателю) в противовес благотворительности мирской, определяет и отзыв Вяземского в письме А. И. Тургеневу, когда он узнал о последнем награждении Дмитриева: «Мне скорее хотелось бы, чтобы дали ему Владимира за басню, чем за то, что он сидит с Малиновским над Ильиным»⁶¹. Думается поэтому, что слова об истинной благотворительности в конце «Известия о Дмитриеве» не случайны: многие темы из поднятых в статье, в том числе важнейшие для ее содержания, – и духовное ученичество Дмитриева у Ф. И. Козлятева, и предпочтение в паре чиновник/поэт поэта, – оказались, по-видимому, продуманы Вяземским еще в то время, когда редким счастьем для него было, находясь в Варшаве, вести переписку со своим старшим другом.



⁶⁰ Русский архив. 1866. № 11–12. Ст. 1691.

⁶¹ Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 1. С. 262.

ЗАМЕТКИ О ФРАНЦУЗСКИХ ИСТОЧНИКАХ И ПОСРЕДНИКАХ ДМИТРИЕВА (СТАНСЫ И ПОДРАЖАНИЕ ПЕТРАРКУ)

А. А. Добрицын

Вопрос об изданиях французской поэзии, которыми пользовался Дмитриев, не относится к числу первостепенных, но все же представляет некоторый историко-литературный интерес: во-первых, полезно знать, какие книги, журналы и альманахи ходили в том или ином литературском кругу, во-вторых, информация о конкретных изданиях позволяет порою уточнить датировку некоторых переводов.

Вот пример. Дмитриев перевел ряд мелких стихотворений Ж.-Ф. Гишара (басен и эпиграмм), причем первые переложения были сделаны довольно оперативно (двухтомник Гишара «Басни и другие сочинения» вышел в свет в 1802 году, а переводы Дмитриева – в 1803-м). Таким образом, в дополнение к уже имеющемуся ограничению *ante quem* мы получаем и *terminus post quem* и можем датировать стихотворения с точностью до одного года.

Разумеется, многие опыты Гишара печатались в альманахах и антологиях и до издания его двухтомника, но сличение некоторых разночтений заставляет думать, что Дмитриев пользовался именно последним. Возьмем, например, диалогическое стихотворение Дмитриева «Амур и Дружба», опубликованное в 1803 году в «Вестнике Европы» (часть VIII):

«Сестрица, душенька!» – «Здорово, братец мой!»
– «Летал, летал!» – «А я до устали шаталась!»
– «Где взять любовников? все сгибли, как чумой!»
– «Где други? ни с одним еще не повстречалась!..»
– «Какой стал свет!» – «Давно уж это говорят».
– «Все клятвы на песке!» – «Услуги в обещанье!»

Под именем моим *Корысть* боготворят».

– «А под моим – *Желанье*»¹.

Оригиналом является пьеса Гишара «L'Amour et l'Amitié. Dialogue»:

– Eh! c'est ma sœur! – Eh! c'est mon frère!

– J'ai voyagé beaucoup. – J'ai vu bien du pays.

– Où sont donc les amants? – Où sont donc les amis?..

Les serments sont légers. – Les feux ne durent guère.

– Ah! quel monde! Ici-bas, l'Amitié se déplaît.

– L'Amour de même: l'homme en vain me défie,

Au DESIR sous mon nom le traître sacrifie.

– Et sous le mien à l'INTÉRÊT².

В ранней публикации «Альманаха муз» пятая строка выглядела иначе, чем в позднейшей версии: вместо *Ah! quel monde!* – *Aх, что за мир!* стояло *C'en est trop!* – *Это уж слишком!* Поскольку в подражании Дмитриева это место в точности соответствует более поздней редакции французской эпиграммы и с учетом того, что он перевел еще целый ряд опытов Гишара, можно полагать, что русский поэт имел перед глазами именно издание гишаровских «Басен...» 1802 года. В таком случае диалог «Амур и Дружба» создан не ранее этой даты.

Кроме того, если мы уверены, что поэт был знаком с определенной книгой, мы можем с большей надежностью определять источники в случаях, когда переложение сильно отходит от оригинала. В том же 1803 году в части IX «Вестника Европы» была напечатана басня Дмитриева «Башмак, мерка равенства»³. У Гишара есть эпиграмма со сходным пуантом, но с иным зачином и с другой идеей. Учитывая, что русский поэт внимательно читал двухтомник Гишара, можно предположить, что дмитриевская басня обязана своим появлением именно гишаровской эпиграмме, хотя и ощути-мо от нее отличается⁴.

¹ Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст., подготовка текста и примеч. Г. П. Макогоненко. Л., 1967. С. 145–146.

² Guichard J.-F. Fables et autres Poésies suivies de quelques morceaux de Prose. Paris, 1802. Т. 1. Р. 259; Almanach des Muses. Paris, 1786. Р. 128.

³ Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений ... С. 380.

⁴ Guichard J.-F. Fables et autres Poésies ... Р. 259; подробности см.: Добрицын А. А. Вечный жанр: Западноевропейские истоки русской эпиграммы XVIII – начала XIX века. Верн, etc., 2008. С. 176–177.

Некоторые издания представляют интерес не в качестве предполагаемого источника, а как свидетельство того, что вкусы Дмитриева соответствовали вкусу просвещенной французской публики: он зачастую выбирал для своих переложений те же стихотворения, которые чуть позже были отобраны и французскими составителями антологий (например выходившей в 1804–1805 годах «Petite encyclopédie poétique»). Ниже будет приведен еще один пример того, насколько чутко русский поэт угадывал веяния французской литературной моды.

Важным источником знакомства Дмитриева с французской поэзией были альманахи, в частности «Альманах Муз». Так, басня «Надежда и Страх», опубликованная в 1791 году в «Московском журнале», была, вероятно, написана по мотивам басни Дробека (Drobecq) «Удовольствие и Скука» («Le Plaisir et l'Ennui»), которую Дмитриев прочитал, скорее всего, в «Almanach des Muses» (1771. Р. 143–144)⁵.

Басня «Горлица и мальчик» (опубликованная в «Музе» (1795. Ч. 2) с подзаголовком «Подражание французскому»)⁶ является довольно верным переложением одноименной притчи маркиза А.-Ф.-Ж. де Пезе (De Pezay) «La Colombe et l'Enfant»⁷.

Басня «Слон и Обезьяна» («Муза»; 1796. Ч. 4)⁸ является переводом одноименной басни мадам Ж.-А. де Ла Феррандьер (de La Ferrandière, Férandière) «L'Éléphant et le singe»⁹.

Диалогическая эпиграмма из второй части «Сочинений и переводов» (1803), озаглавленная «Близнецы»¹⁰, восходит к старинной фацеции; анекдоты с таким сюжетом встречаются в различных сборниках¹¹. Непосредственным же источником «Близнецов» является эпиграмма П.-А. Гобе (Gobet) «Два близнеца, или Полное сходство» («Les Deux jumeaux ou la Parfaite

⁵ Или в кн.: Le Fablier François, ou Élite des meilleures Fables depuis La Fontaine. Paris, 1771. Р. 423–424.

⁶ Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений ... С. 317.

⁷ Almanach des Muses. Paris, 1773. Р. 124, затем без подписи было напечатано еще раз в Almanach des Muses, 1787. Р. 42.

⁸ Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений ... С. 320–321.

⁹ Almanach des Muses. Paris, 1792. Р. 174.

¹⁰ Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений ... С. 344.

¹¹ Например, в кн.: Elite des Bons mots et de Pensées choisies, Histoires singulières & autres petites Pièces tant en prose qu'en vers recueillies des meilleures auteurs & particulièrement des livres en Ana. Amsterdam, 1745. Vol. I. Р. 282; также в кн.: Nouvelle Bibliothèque de société, Contenant des Faits intéressants, de Mélanges de Littérature et de Morale, des Variétés Historiques, un choix de bons Mots, des Poésies fugitives, de Contes en Vers et en Prose, et quelques jolis Proverbes, etc. Londres, Paris, 1782. Т. III. Р. 51–52.

ressemblance)), опубликованная в «Альманахе Муз» всего за год до выхода дмитриевского перевода¹².

Восьмистишие «История любви», опубликованное в «Вестнике Европы» в 1803 году¹³, – переложение стихотворения Л.-Ж.-Б. Виге (Vigée, 1768–1820) «Любовь в ее течении» («L'Amour comme il va»)¹⁴. По тому же альманаху Дмитриев мог познакомиться и с басней А.-Ф. Ле Байи (Le Bailly) «Школьник, Слепец и его Собака» («L'Écolier, l'Aveugle et son Chien»)¹⁵, а также с басней Л.-Ж. Мансини-Нивернэ (Mancini-Nivernois) «Молитвы» («Les Prières»)¹⁶.

Г. П. Макогоненко относит стихотворение «В воскресенье я влюбился...», найденное в бумагах Дмитриева и сходное с упомянутым выше восьмистишием «История любви», к концу 1780-х годов и считает авторство Дмитриева правдоподобным¹⁷. Оригинал этой эпиграммы «Dimanche, Amour vint me surprendre...» принадлежит Майе (Mayet)¹⁸.

Именно в «Альманахе Муз» появился и оригинал стихотворения «Стансы», о котором пойдет речь ниже:

Я счастлив был во дни невинности беспечной,
Когда мне бог любви и в мысль не приходил;
О возраст детских лет! почто ты бы <л> не вечной?
Я счастлив был.

Я счастлив был во дни волшебств, очарований,
Когда любовью свет и красен лишь и мил;
Дождуся ли опять толь сладостных мечтаний?
Я счастлив был.

¹² Almanach des Muses. Paris, 1802. P. 190.

¹³ Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений ... С. 347–348.

¹⁴ Almanach des Muses. Paris, 1785. P. 222.

¹⁵ Басня отсутствует в сборнике Ле Байи 1811 года. Напечатанная в 1812 году в «Almanach des Muses» (P. 131–132), она, по-видимому, была создана на рубеже 1811–1812 годов. Перевод Дмитриева «Слепец, Собака его и Школьник» был опубликован в «Полярной звезде» в 1825 году (Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений ... С. 385).

¹⁶ Mancini-Nivernois L. J. Fables. Paris, 1796. T. I. P. 142–143; Almanach des Muses. Paris, 1798. P. 11–12; опубликована в 1803 году в составе «Сочинений и переводов»: Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений ... С. 381–382.

¹⁷ Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений ... С. 391–392.

¹⁸ Almanach des Muses. Paris, 1778. P. 60.

Я счастлив был во дни надежды, уверенья,
Когда Кларисы взгляд меня животворил;
Одни желания уж были наслажденья!
Я счастлив был.

Я счастлив был во дни восторгов непрерывных
И сердцу милых бурь! Как я тогда любил!
Увы! тогда не пел я в песнях заунывных:
Я счастлив был¹⁹.

«Стансы» были напечатаны в «Вестнике Европы» в 1805 году со следующим примечанием: «Эта безделка уже давно мною переведена и известна была моим приятелям; ныне же я решился напечатать ее для того, чтобы не смешали моего перевода с другим, который напечатан от неизвестного под именем песенки в четвертой книжке (апрель) ”Друга Просвещения“ на 1805-й год»²⁰.

Оригиналом дмитриевской «безделки» оказались одноименные «Stances» поэта Буше (Boucher):

J'étais heureux à ce temps d'innocence,
Où de l'amour on ne craint pas les feux;
Je vous regrette, ô jours de mon enfance,
J'étais heureux!

J'étais heureux à ce temps de féeries,
Où l'on ne fait que songes amoureux;
Reviendrez-vous, ô douces rêveries,
J'étais heureux!

J'étais heureux à ce temps d'espérance,
Où ma Zulmé souriait à mes vœux.
Simple desirs déjà sont jouissance!
J'étais heureux!

¹⁹ Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений ... С. 352.

²⁰ Там же. С. 459. Имеется в виду стихотворение: [Хвостов Д. И.]. Песенка. Подражание французской («Я счастлив был, когда в невинности приятной...») // Друг просвещения. 1805. Ч. 2. № 4. С. 29. См. о ней: Вацуро В. Э. И. И. Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века // XVIII век : сб. 16 : Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1989. С. 152.

J'étais heureux à ce temps de délire,
 Toujours charmant quoique bien orageux,
 Où tant aimé! je n'avais pas à dire,
 J'étais heureux!²¹

Произведение Буше написано в строфической форме, которая впоследствии получила довольно широкое распространение (особенно в жанре романа): последняя укороченная строка повторяет первое полустилише первой строки (можно назвать это неполной антэпифорой, или антэперифорой²²). Такая строфика была известна издавна (Jean de La Taille 1540–1608, «C'est trop pleuré...»²³) и идет, очевидно, от рондо, но, кажется, крайне редко встречается до начала 1800-х годов; зато в 1810-х годах она становится весьма частотной. В связи с Пушкиным о ней довольно подробно пишет Б. В. Томашевский²⁴. Исследователь упоминает «популярный в свое время романс Купины "Il est trop tard" (1799)»²⁵. Статья в «Biographie universelle» утверждала, что «Купины первый приспособил к романсу ту форму рондо, которой впоследствии несколько злоупотребляли»²⁶.

²¹ Almanach des Muses. Paris, 1800. P. 39.

²² В риторике соединение анафоры и эпифоры называется complexio (Lausberg H. Handbuch der literarischen Rhetorik. München, 1973. Bd. 1. S. 321, § 633). Название «эпистрофа» у А. П. Квятковского неточно: собственно эпистрофой именуется равенство последних строк каждой строфы (Квятковский А. П. Поэтический словарь. М., 1966. С. 357–358).

²³ У Ж. де Ла Тая антэпифора есть только в первой строфе из 8-ми: De La Taille J. Œuvres de Jean de La Taille, Seigneur de Bondaroy, Publiées d'après des documents inédits par R. de Maulde. Paris, 1879. [Т. 2]. P. CLX–CLXII.

²⁴ Томашевский Б. В. Строфика Пушкина // Пушкин : Исследования и материалы. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 49–184. (С. 66, примеч. 18).

²⁵ André-François de Coupigny (1766–1835) был известен прежде всего своими романами; об их популярности свидетельствуют многие авторы, в частности Анри де Латуш (de Latouche H. Fragoletta: Naples et Paris en 1799. Bruxelles, 1829. P. 85). Граф де Сегюр вспоминал, что ему случалось слышать романс «Il est trop tard» даже в Сибири (Scudo P. Critique et littérature musicale. Paris, 1850. P. 360).

²⁶ Biographie universelle, ancienne et moderne : supplément, ou Suite de l'histoire, par ordre alphabétique, de la vie publique et privée de tous les hommes qui se sont fait remarquer par leur écrits, leurs actions, leurs talents, leurs vertus ou leurs crimes. Paris, 1836. Vol. 61. P. 468–469. Как видим, происхождение антэпифорической строфики от рондо было ясно современникам (см. также: Séché L. La Jeunesse dorée sous Louis-Philippe <...> : documents inédits. Paris, 1910. P. 76–81). Из первых опубликованных рондообразных романсов Купины укажем «Могила Каролины» («Le Tombeau de Caroline» // Almanach des Muses. Paris, 1804. P. 19–20; в том же году она была напечатана и в Petite encyclopédie poétique. Paris, 1804. Vol. VIII. P. 76–77 вместе с романсом д'Анже (d'Angé) «L'Attente»: ibid., P. 43). Еще два аналогичных романа (один

В самом деле, в одном только выпуске «Le Chansonnier des Grâces» за 1814 год мы находим 6 произведений, написанных в этой форме²⁷. Среди них имеется стихотворение Ш. Симона (Charles Simon) «J'étais heureux! Romance dédiée à M.^{me} Louise Le S., née Anastasie de La T...», в точности повторяющее рефрен «Стансов» Буше:

J'étais heureux lorsque l'indifférence,
Laissait mon cœur respirer librement;
Je te regrette, âge de l'innocence;
Lors ne coulaient mes jours amèrement,
J'étais heureux!

Premier amour, las! trouble notre vie,
Premiers soupirs souvent coûtent des pleurs;
En ai versé pour l'ingrate Délie;
Mais pleurs d'amour sont peines et douceurs:
J'étais heureux!

Chers souvenirs d'une brûlante ivresse,
Seuls me restez pour soutenir mon cœur;
Charmez encore une tendre faiblesse,
Oui, trompez-moi!.. Lorsque vivais d'erreur,
J'étais heureux!..²⁸

подписан Купины, второй не подписан, но, вероятно, того же автора) имеются в сборнике «Le Bosquet des Amour, ou les Etrennes de Vénus» (Paris, 1806. P. 18–19, 31–32).

²⁷ В «Le Chansonnier des Grâces» сотрудничала Марселина Деборд-Вальмор, часто прибегавшая к интересующей нас романсной форме. В ее сборнике 1830 года в разделе «Романсы» есть 6 романсов с неполной антэпифорой. Два из них были опубликованы в «Le Chansonnier des Grâces» в 1813 и 1825 годах (и еще одно стихотворение той же формы в 1830 году не перепечатывалось). Ее романсу «S'il l'avait su» подражала Е. П. Ростопчина («Когда б он знал...» с подзаголовком «Подражание г-же Деборд-Вальмор», 1830).

²⁸ Le Chansonnier des Grâces. Paris, 1814. P. 194. Перепечатано в 1820 году в кн.: Almanach dédié aux Dames. Paris, 1820. P. 82 с изменением *lentement* вместо *librement* в первой строфе. Рефрен «Я счастлив был» – не единственная сквозная тема, варьируемая в «антэпифорических» романсах. Например, в «Chansonnier des Grâces» <sic> за 1810 год есть романс Како (Caquot) «Besoin d'aimer» («Потребность любить»; рефрен совпадает с заголовком), одноименный романс Буйи (Bouilly) с тем же рефреном имеется в трехтомнике Castel L. Nouvelle Anthologie ou Choix de chansons anciennes et modernes. Paris, 1828. P. 147. Оба стихотворения содержат по три строфы и одинаковый рефрен, но различаются по строфической и метрической форме. Однако рефрен «J'étais heureux!» встречается чаще прочих: в 1833 году был напечатан за подписью Полена (Paulin) еще один антэпифорический вариант романса «J'étais heureux»: *J'étais heureux, quand sa bouche charmante / Daignait sourire à mes tendres aveux; /*

Форма слегка варьирована: романс написан не катренами, а пятистишиями, причем рефрен остается без рифмы. Антэпифора употреблена только в первой строфе. Язык простейшими средствами стилизован под старину (опущены некоторые местоимения и артикли); вообще, некоторыми французскими авторами эта строфическая форма явно воспринималась как архаическая²⁹. При том, что основная тема совпадает с Буше (а в третьем стихе первой строфы у обоих поэтов даже имеются лексико фразеологические совпадения), у Симона уже намечается мотив разочарования. Этот мотив становится доминирующим в юношеском «Романсе» Лермонтова (1829):

Невинный нежною душою,
Не зная в юности страстей прилив,
Ты можешь, друг, сказать с какой-то простотою:
Я был счастлив!..

Кто, слишком рано насладившись,
Живет, в душе негодование скрыв,
Тот может, друг, еще сказать забывшись:
Я был счастлив!..

Но я, в сей жизни скоротечной
Так испытал отчаянья порыв,
Что не могу сказать чистосердечно:
Я был счастлив!³⁰

Любопытно, что в первой строфе поэт сохраняет тот же мотив невинности, который имеется и в первых строфах романсов Буше и Симона. Метрику Лермонтов усложняет, постепенно удлиняя строку перед переходом к короткому рефрену (Я4, Я5, Я5, Я2, соответственное число слогов: 9, 10, 11, 4).

Лермонтов был не первым, кто пытался влить русское романтическое вино в форму, обнаруженную Дмитриевым у продолжателей французского рококо. В русской традиции пришедшая из Франции «антэпифорическая»

Quand je lisais son amour dans ses yeux, / Et quand ma main pressait sa main tremblante, / J'étais heureux! и т. д. (Almanach des Muses. Paris, 1833. P. 57).

²⁹ Андре-Франсуа Купиньи, инициатор моды на антэпифорические романсы, писал и стилизации под древнюю поэзию, например «Romance, En langage du treizième siècle» (Almanach des Muses. Paris, 1802. P. 138).

³⁰ Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений : в 4 т. М.; Л., 1958. Т. I : Стихотворения 1828–1841. С. 37

романсная форма была, может, и не так популярна, как у себя на родине, но все-таки встречалась. Достаточно вспомнить пушкинского «Певца» («Слышали ль вы за рошей глас ночной...», 1816; см. цитированную выше статью Б. В. Томашевского), «Присутствие милой» А. И. Мещевского (между 1815 и 1818), «Тебя забыть! – и ты сказала...» Н. Д. Иванчина-Писарева (не позже 1819), «Песню» Н. М. Языкова («Я жду тебя, когда вечерней мглою...», 1829)³¹, «Скажите мне, зачем пылают розы...» А. А. Бестужева Марлинского (не позже 1830, из повести «Испытание»), «Когда б он знал!» (1830; см. сн. 27) и «Вы вспомните меня» (1839) Е. П. Ростопчиной и др.³². Пример Ростопчиной показывает, что французская модель около 1830 года еще оставалась актуальной; не исключено, впрочем, что антэпифорическая форма некоторых романсов более позднего периода возникла под вторичным влиянием популярных русских стихотворений; сатирическое стихотворение Аполлона Григорьева «Скажите мне!» (не позже 1863) пародирует упомянутый выше романс Бестужева.

Рассмотренная романсная строфическая форма сочеталась, как правило, с любовной тематикой слезно-чувствительного характера; отметим в этой связи замену имени собственного в русском переводе: условно ориентальная Жюльме превратилась у Дмитриева в Клариссу, получив имя героини известнейшего сентименталистского романа Ричардсона³³.

А. Мавер Ло Гатто первой, вероятно, заметила (в 1978 году), что «за основу для своего "Подражания Петрарку", которое было впервые напечатано во второй книжке "Аонид" (1797), Дмитриев принял 4-ю строфу из канцоны "Di pensier in pensier..."»³⁴. И. А. Пильщиков, справедливо полагая, что Дмитриев читал какой-то французский перевод Петрарки, подробно проанализировал различия между русским переложением и итальянским оригиналом³⁵.

³¹ У Языкова – видоизмененная антэпифора с удлинением в последней строке: *Я жду тебя, когда вечерней мглою <...> Я жду тебя, Зефир!*

³² Рассматриваемая форма употреблялась не только в песенном жанре, ср. стихотворение Вяземского «Как трудно жить» (1817; Полное собрание сочинений ... Т. 3. С. 138–139). Чуть более усложненная строфическая форма в «Непостоянстве» Полежаева («Он удалился, лицемерный...», не позже 1825). В более поздней французской поэзии она встречается, например, у Верлена («*Магсо*» из цикла «*Poèmes saturniens*»).

³³ Автор благодарит Леонида Геллера за это наблюдение.

³⁴ Пильщиков И. А. Петрарка в России : Очерк истории восприятия // Петрарка в русской литературе / Сост. В. Т. Данченко. М., 2006. Кн. I. С. 15–40, 21–22.

³⁵ Там же. С. 15–40, 21–22. Автор сердечно признателен И. А. Пильщикову за ценные суждения и подробные разъяснения.

Кажется, мы можем указать, на какой французский текст-посредник опирался Дмитриев. Речь идет об «Избранных стихотворениях Петрарки, переведенных г. Левеком»³⁶. Прежде всего, в обоих изданиях Левека 4-я строфа канцоны «*Di pensier in pensier...*» напечатана (с прозаическим переводом *en regard*) как отдельное произведение³⁷. Кроме того, у Дмитриева имеются некоторые детали, присутствующие и у Левека, но отсутствующие в итальянской канцоне.

Вот первые строки всех трех текстов:

Поверит ли кто мне? – Всегда, во всех местах
Я слышу милую и вижу пред собою;
Она глядит из вод, она лежит в цветах,
Она мне говорит и дуба под корою,
Она и облачко поутру золотит <...>³⁸

«*Qui pourra me croire jamais? Souvent j'ai vu Laure dans l'onde claire, sur l'herbe fleurie, dans le tronc d'un chêne, dans un nuage brillant <...>*»

I' l'ho più volte (or chi fia che mel creda?)
Nell'acqua chiara, e sopra l'erba verde
Veduta viva, e nel troncon d'un faggio,
E' n bianca nube si fatta <...>

Вопросительная конструкция начинает стих как в русской версии, так и во французской; из французского перевода заимствован и мотив цветов, отсутствующий в оригинале. У Левека облако блистает, у Дмитриева золотится, у Петрарки оно просто белое.

Далее в «Подражании...» идет стих: «*Она в природе все и красит и живит*». Он не находит соответствия ни в оригинале, ни у Левека, но глагол «красить» в значении «украшать» у последнего имеется: «<...> elle étoit **ornée** de tant de charmes <...>». Наконец, и в финальных строках Дмитриев оказывается ближе к французскому тексту. Предпоследний стих Петрарки не вполне ясен и требует экзегезы:

³⁶ Choix des Poésies de Pétrarque, Traduites de l'Italien Par M. P. C. Levesque, Professeur de Belles-Lettres Françaises à l'Ecole des Cadets à Pétersbourg. Venise, 1774. Дополненное издание: Choix des Poésies de Pétrarque, Traduites de l'Italien Par M. Levesque, nouvelle édition corrigée et augmentée. Venise. 1787, T. I-II.

³⁷ Там же. 1774. P. 198–199; 1787. P. 166–169.

³⁸ Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений ... С. 328.

<...> pur li medesmo assido
Me freddo, pietra morta, in pietra viva;
In guisa d'uom che pensi, e pianga, e scriva.

Левек вынужден интерпретировать его в своем переводе: «<...> je m'assieds sur un rocher; plus froid, plus immobile que le rocher lui-même <...>». Русский поэт следует, кажется, за своим французским предшественником:

И страждущий Петрарк на камень упадает
Без памяти, без чувств, так холоден, как он,
Лишь эхо отдаёт глухой и темный стон.

Некоторые из очерченных И. А. Пильщиковым проблем остаются, впрочем, неразрешенными: переход к третьему лицу, образ эха и некоторые другие особенности русского переложения могут быть плодом творчества Дмитриева, но могут быть вызваны и влиянием некоего третьего текста. На роль такового может претендовать, например, романс Ж.-Ф. Мармонталя, в первой же строфе которого упоминается эхо и происходит переход от третьего лица к первому:

En s'éloignant de sa muse,
L'amant de Laure, en ces mots,
Du rivage de Vaucluse,
Fit retentir les échos:
Adieu, témoins de ma flamme,
Lieux charmants, heureux séjour,
Bords enchantés, où mon ame
Ne respire que l'amour³⁹.

Романс Мармонталя неоднократно печатался в разных редакциях⁴⁰ и вполне мог быть известен Дмитриеву⁴¹.

³⁹ Chansons choisies, Avec les airs notés. Londres, 1784. Т. V. P. 105.

⁴⁰ Например, в цитированном выше шеститомнике «Chansons choisies» он фигурирует дважды: под названием «Pétrarque» (Chansons choisies ... Т. I. P. 209–211, семь строф) и как «Romance de Laure» (ibid. Т. V. P. 105–108, девять строф в ином порядке, существенные отличия в тексте).

⁴¹ Как установлено Н. Д. Кочетковой, одна из известных песен Дмитриева «Видел славный я дворец...» представляет собой вольное переложение стихотворения Мармонталя «Chanson à Mademoiselle С***» (1748): Кочеткова Н. Д. И. И. Дмитриев и Ж.-Ф. Мармонтель // Мотивы и сюжеты русской литературы. От Жуковского до Чехова : к 50-летию научно-педагогической деятельности Ф. З. Кануновой. Томск, 1997. С. 34–39.

КАРЛ ФРИДРИХ ФОН ДЕР БОРГ – ПЕРЕВОДЧИК ИВАНА ДМИТРИЕВА

М. Шиппан*

Карл Фридрих фон дер Борг (1794–1848), писатель и чиновник, проживавший преимущественно в Эстляндии, в 1823 году издал в типографии книготорговца Гартмана второй том своей антологии «Поэтические опыты русских» (*«Poetische Erzeugnisse der Russen»*)¹. Это собрание, в котором были представлены образцы сочинений 32 поэтов стало первой представительной антологией русской литературы на немецком языке². По несколько сочинений было отобрано из трудов девятнадцати авторов, у тринадцати же было переведено только по одному тексту³. Примерно в то же время в

* За помощь в подготовке статьи благодарю Наталью Клобертанц (Шенинген); А. А. Костиным при переводе и редактировании статьи был сделан ряд ценных замечаний; благодарю также Н. Ю. Алексееву за перевод текста доклада, прочитанного мною на конференции, материалы которой составили настоящий сборник.

¹ *Borg K. F. v. d. Poetische Erzeugnisse der Russen. Ein Versuch.* Dorpat, 1820. Bd. 1; Riga; Dorpat, 1823. Bd. 2.

² *Десницкий В.* Избранные статьи по русской литературе XVIII–XIX вв. М.; Л. 1958. С. 198.

³ В антологии представлены следующие авторы (в порядке общего числа переводов): И. И. Дмитриев (21), К. Н. Батюшков (13), В. А. Жуковский (11), И. А. Крылов (10), Н. М. Карамзин (9), Г. Р. Державин (8), А. Ф. Воейков (6), М. В. Ломоносов (4), П. А. Вяземский (4), П. П. Сумароков (3), В. Л. Пушкин (3), А. Ф. Мерзляков (3), В. В. Капнист (3), Ю. А. Нелединский-Мелецкий (3), И. Ф. Богданович (2), Д. В. Давыдов (2), М. Н. Муравьев (2), А. П. Сумароков (2), А. С. Пушкин (2); по одному произведению отобрано из сочинений В. П. Петрова, И. М. Долгорукова, Х. А. Востокова, Г. А. Хованского, Ф. Н. Глинки, Я. Б. Княжнина, Д. И. Фонвизина, В. А. Озерова, А. Д. Илличевского, Н. М. Шатрова, А. С. Шишкова, Н. П. Николева, М. В. Милонова. Помимо этого в антологию вошли 14 народных песен. См. подробнее: *Reissner E.* Deutschland und die russische Literatur

Англии вышла «Российская антология» («Specimens of the Russian Poets») ⁴ Дж. Бауринга (John Bowring, 1792–1872), а во Франции – «Русская антология» («Anthologie russe») ⁵ Э. Дюпре де Сен-Мора (Emile Dupré de Saint-Maure; 1772–1854) ⁶. Таким образом, немецко-, англо- и франкоязычным читателям оказались доступны сочинения важнейших русских писателей второй половины XVIII – первых десятилетий XIX века. Антология фон дер Борга заложила основу рецепции поэтических сочинений И. И. Дмитриева в немецкоязычном пространстве. В XVIII веке этот поэт не был еще известен в Германии; только в 1803 году лейпцигский переводчик Карамзина И. Рихтер (Johann Richter; 1763–1829) ⁷ поместил в издававшемся им журнале «Российская смесь» (Russische Miszellen) перевод известнейшей песни Дмитриева «Стонет сизый голубочек...» ⁸.

Составитель антологии К.-Ф. фон дер Борг родился 15 февраля 1794 года ⁹ в семье адвоката, оберфорстмейстера (надворного советника) Готт-

1800–1848. Berlin, 1970. (Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Veröffentlichungen des Instituts für Slawistik. Nr. 50). S. 266.

⁴ Российская антология = Specimens of the Russian Poets. With preliminary remarks and biographical notices / Trans. by John Bowring. London, 1821–1823. 2 v. См. о ней подробнее: Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи (XVIII – первая половина XIX века). М., 1982. С. 187–246. (Литературное наследство. Т. 91).

⁵ Anthologie russe, suivie de poésies originales / Par P. J. Emile Dupré de Saint-Maure. Paris, 1823.

⁶ Jekutsch U. 1) Die «Russlandschwelle». Zur Rezeption russischer Poesie in Deutschland, England und Frankreich in den zwanziger Jahren des 19. Jahrhunderts // Weltliteratur in deutschen Versanthologien des 19. Jahrhunderts. Berlin, 1996. (Göttinger Beiträge zur Internationalen Übersetzungsforschung. Bd. 11). S. 151–180; 2) Die übersetzerische Entdeckung europäischer Kulturen: Russlandschwelle // Übersetzung = Translation = Traduction. Ein internationales Handbuch zur Übersetzungsforschung = An International Encyclopedia of Translation Studies = Encyclopédie internationale de la recherche sur la traduction. Berlin, 2007. Teilbd. 2. S. 1615–1624.

⁷ См. о нем: Hexelschneider E. Kulturelle Begegnungen zwischen Sachsen und Russland 1790–1848. Köln, Weimar, Wien, 2000 (Geschichte und Politik in Sachsen. Bd. 13). S. 40–48.

⁸ Der Turteltauber. Nach dem Russischen des Herrn Dmitriew // Russische Miszellen 1 (1803). S. 84–86. В 1817 году появился также немецкий перевод «Ермака» Дмитриева: Jermak. Sibiriens Eroberung (Aus den Russischen Originalschriften des Senators Dmitriew) // Morgenblatt für gebildete Stände. 1817. № 258 (28 Okt.). S. 1029–1030. На русском языке отдельные стихотворения Дмитриева с построчным переводом входили в качестве образцов в немецкие грамматики русского языка: Russische Lesebuch oder Auswahl auserlesener prosaischer und poetischer Aufsätze aus den besten Russischen Schriftstellern. Riga, 1805; Praktische Grammatik der Russischen Sprache in Tabellen und Regeln, nebst Übungsstücken zur grammatischen Analyse, einer Einleitung über Geschichte der Russischen Sprache und die Anordnung ihrer Grammatik, und Berichtigungen der Heymischen Sprachlehre / von Johann Severin Vater. Leipzig, 1808.

⁹ Источником сведений о биографии К. Ф. фон дер Борга является главным образом составленный И.-Ф. фон дер Рекке и К.-Э. Напирски словарь писателей балтийских провинций Российской империи: Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexikon der Provinzen Livland,

хильфа Натанаеля фон дер Борга (ум. 1804). С января 1812 по декабрь 1816 года он обучался на юридическом факультете Дерптского университета¹⁰. В это время кафедрой римского права в университете занимал (с 1803 по 1816) К.-Ф. Мейер (Meyer, 1757–1817); эстляндского и финского права – К.-Д. Розенмюллер (Rosenmüller, 1762–1823); с 1803 по 1816 год курляндское право читал Ф.-К. Клейненберг (Kleinenberg, 1754–1813), а положительное государственное и народное право, политику, историю прав и юридическую словесность с 1811 по 1813 год – И.-Г.-И. (И. Е.) Нейман (Neumann, 1780–1855), один из лучших специалистов по современному русскому законодательству, в 1809–1810 и 1814–1817 годах – профессор Казанского университета¹¹. В 1803 году в Дерптском университете была создана кафедра русского языка и словесности, которую в разное время занимали Г. А. Глинка (1803–1809), А. С. Кайсаров (1810–1813) и А. Ф. Воейков (1814–1820)¹².

По окончании учебы фон дер Борг занялся имением своей матери, находившимся недалеко от Дерпта, что предоставило ему достаточные материальные средства и, соответственно, досуг для занятий поэзией. Переведенное Боргом (по-видимому, сразу после получения известия о нем)¹³ описание собрания Казанского общества любителей отечественной словесности, посвященного смерти Г. Р. Державина¹⁴, показывает, что уже в это время он проявлял интерес к русской литературе. В 1818 году в остзейском журнале «Ливонский венок» («Livona's Blumenkranz») был опубликован

Ehstland (!) und Kurland / Bearbeitet von J. F. v. d. Recke, K. E. Napiersky. Mitau 1827. Bd. 1. S. 224; Nachträge und Fortsetzungen... Mitau, 1859. Bd. 1. Nachträge A – K. S. 70-71. См. также: Gottzmann C. L., Hörner P. Lexikon der deutschsprachigen Literatur des Baltikums und St. Petersburgs. Vom Mittelalter bis zur Gegenwart. Berlin; New York, 2007. Bd. 1. S. 265–266.

¹⁰ Внесен в матрикулы под № 700: Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat / Bearb. von A. Hasselblatt, G. Otto. Dorpat, 1889. S. 48.

¹¹ Donnert E. Die Universität Dorpat – Jur'ev 1802–1918. Ein Beitrag zur Geschichte des Hochschulwesens in den Ostseeprovinzen des Russischen Reiches. Frankfurt am Main u. a., 2007. S. 98.

¹² Ibid. S. 133.

¹³ Gedächtnissfeier des verewigten Derschawin in Kasan // Morgensterns Dörptsche Beiträge. 1816. S. 257–263.

¹⁴ Описание собрания Казанского общества любителей отечественной словесности по случаю смерти почетного члена онаго Гавриила Романовича Державина. [Казань, 1816]. Печатный экземпляр описания рассылался, скорее всего, обществом в российские университеты; он сохранился, в частности, в делах Министерства народного просвещения в связи с запросом о разрешении печатать имя покойного поэта среди членов общества в адрес-календарях: РГИА. Ф. 733. Оп. 18. № 32. Л. 56–60 (за сообщение этих сведений благодарю Т. В. Костину). Возможно также, что в Дерпт оно было сообщено находившимся в это время в Казани И.-Г. Нейманом.

выполненный фон дер Боргом перевод стихотворения Дмитриева «Ермак»¹⁵.

Известно, что Борг был знаком с Н. М. Языковым, также обучавшимся в Дерпте. 5 ноября 1822 года он останавливался по рекомендации А. Ф. Воейкова в доме Борга в Дерпте, а 13 ноября в письме брату, А. М. Языкову, проживавшему в Петербурге, просил прислать для подарка Боргу «Кавказского пленника» и «Руслана и Людмилу» Пушкина¹⁶. В Дерпте фон дер Борг мог познакомиться и с В. А. Жуковским.

В 1827 году, заняв должности синдика и управляющего канцелярией Дерптского университета, фон дер Борг получил также чин коллежского асессора. К этому времени он владел поместьем Тёдвенсхоф (Toedwenshof) под Дерптом; в 1833 году к нему добавилось имение Лилиенгейм (Lilienheim).

Для европейской ориенталистики большое значение имели переведенные Боргом¹⁷ «Записки о Монголии» (СПб., 1828. Т. 2.) Н. Я. Бичурина (в монашестве Иакинф)¹⁸. Помимо русского Борг переводил и с других языков. Так, в 1824 году он опубликовал перевод драмы Дж. Байрона «Манфред»¹⁹, по свидетельству И.-Ф. Рекке и К.-Э. Напирски, многократно перепечатывавшийся. Свои сочинения фон дер Борг публиковал в местных литературных журналах, многие из которых представляют сейчас библиографическую редкость²⁰, а также принял участие в редактировании двух из них²¹. Умер К.-Ф. фон дер Борг 5 августа 1848 года.

¹⁵ Jermak. Nach dem Russischen des geheimen Rath's Dmitrijew // Livona's Blumenkranz. 1818. S. 119–127.

¹⁶ Языковский Архив. СПб., 1913. Т. I. С. 446–447; Lauer R. Geschichte der russischen Literatur. Von 1700 bis zur Gegenwart. München, 2000; Сукайло В. А., Беспалова Е. К. Симбиряне в жизни и творчестве А. С. Пушкина : Хроника. Ульяновск, 2001. С. 120, 214.

¹⁷ Bičurin I. Des Mönch Hyakinth's Denkwürdigkeiten über die Mongolei. Aus dem Russischen übersetzt. Berlin, 1832.

¹⁸ Bičurin I. Russischer Mönch und Sinologe. Eine Biobibliographie / Hrsg. von H. Walravens. Berlin, 1988.

¹⁹ Byron J. Manfred. Aus dem Englischen des Lord Byron von Karl Friedrich v. d. Borg // Neues Museum der deutschen Provinzen Russlands. Dorpat, 1825. Bd. I. H. 3. S. 67–140.

²⁰ «Dörptsche Beiträge» (1813–1821), «Neujahrsangebinde für Damen» (1818), «Inländisches Museum» (1820–1821), «Neues Museum» (1824–1825), «Inländischer Dichtergarten» (1828–1830), «Unterhaltungsbibliothek» (1829–1830), «Caritas» (1825–1831).

²¹ Dorpater Jahrbücher für Litteratur, Statistik und Kunst, besonders Russlands / Hrsg. Prof. Dr. K. L. Blum, Univ.-Syndicus. Borg, Prof. Dr. F. G. Bunge, Prof. Dr. E. Friedlaender, Prof. Dr. Goebel, Prof. Dr. Kruse, Prof. Dr. Neue, Prof. Dr. Rathke, Prof. Dr. W. Struve, Prof. Dr. J. Walter. Riga; Dorpat, 1833–1836; Der Refraktor. Ein Centralblatt Deutschen Lebens in Russland.

Первый том составленной им антологии вышел в 1820 году в дерптской университетской типографии; вторая часть была напечатана в 1823 году в Лейпциге, причем местом издания были обозначены Рига и Дерпт. Уже в ноябре 1819 года Борг посвятил свое издание великой княжне Александре Федоровне (1798–1860), урожденной прусской принцессе Софии Шарлотте, в 1818 году вышедшей замуж за великого князя (впоследствии – императора) Николая Павловича. Александра Федоровна училась русскому языку у В. А. Жуковского, состояла в переписке с Н. М. Карамзиным. В посвящении фон дер Борга она предстает покровительницей литературы в России.

В «Предисловии» к своей антологии фон дер Борг сообщает, что изначально переводы с русского он делал только в часы досуга для собственного удовольствия и перед тем, как решиться на публикацию, читал их друзьям. Он называет себя «новичком в лесах словесности» («Neuling in dem Dichterhain»), хотя в действительности в это время ему было уже 25 лет. Борг подчеркивает также, что в переводах он стремился точно передать стихотворные размеры подлинника, и только для отрывка из «Дмитрия Донского» В. А. Озерова выбрал вместо принятого в России александрийского стиха «обычный у нас (то есть в немецкой литературе. – М. Ш.) безрифменный пятистопный ямб»²².

Список подписчиков, помещенный только во втором томе антологии, позволяет полагать, что фон дер Борг рассчитывал прежде всего на немецкоязычного читателя, хотя среди подписчиков были и русскоязычные жители как Ливонии и Эстляндии, так и Петербурга. Среди подписчиков преобладают представители остзейских дворянских родов, ученые и студенты из развивавшегося слоя интеллигенции, в источниках того времени именовавшиеся «литераторами». Очевидно, автор вряд ли рассчитывал или даже предполагал, что антология будет распространяться в самой Германии. В определенном отношении это может быть связано с общей провинциализацией книжного рынка остзейских земель первой четверти XIX века²³ (не стоит забывать, что еще в XVIII веке рижское издательство

Unterhaltungen über Gegenstände aus dem Gebiete des Lebens, der Wissenschaft, Literatur und Kunst / Unter Mitwirkung der Herren M. Asmuss und C. v. Borg; red. von Dr. H. Schmalz. Dorpat, 1836–1837.

²² Borg K. F. v. d. Vorrede // Poetische Erzeugnisse der Russen. Dorpat, 1820. Bd 1. Unpaginiert.

²³ Это обстоятельство, также как и потери культурных ценностей во Второй мировой войне, стало причиной того, что антология фон дер Борга чрезвычайно редка в немецких библиотеках. Для настоящего исследования был использован полный экземпляр, хранящийся в Биб-

И.-Ф. Гарткноха-отца и сыновей числило среди своих авторов И. Канта, И.-Г. Гердера, И.-Г. Гамана и, имея представительства в Лейпциге и Франкфурте-на-Майне, влияло на книжный рынок существовавшей до 1806 года Священной Римской империи).

Список подписчиков содержит всего 44 записи, среди которых как частные лица, так и организации. На 10 экземпляров подписалось «неизвестное лицо в России». Столько же приобрел «господин коллежский советник <А. Ф.> Воейков в Петербурге». Среди известных подписчиков можно особо отметить историка Густава Эверса (1779–1830), который, как и Н. М. Карамзин, занимался ранней историей Российского государства, связывая ее с развитием Хазарии²⁴. Также среди них был видный лифляндский протестантский священник, генерал-суперинтендант Карл Готтлоб Зоннтаг (1765–1827)²⁵. Для тех читателей, которые не были знакомы с реалиями российской жизни, географией России и творчеством русских писателей, Борг привел в конце каждого тома самые сжатые примечания. «Стансы к Карамзину» побудили комментатора указать, что Дмитриев и Карамзин «оба родились в волжских краях»²⁶. В примечании к дмитриевскому «Посланию к Карамзину» отмечены «послания Карамзина женщинам»²⁷. Упоминаемая в «Причуднице» Дмитриева Марына Роща поясняется – «Лес для прогулок вблизи Москвы»²⁸; о «Лионе» из «Чужого толка» говорится, что это «Вольный антрепренер, устроитель маскарадов в Петербурге»²⁹. О «ковре-самолете» («*Teppich Selberflug*») сообщается, что он часто встречается в древнерусских стихотворениях³⁰. Во втором томе антологии фон дер Борг привел на 27 страницах «Биографические и историко-литературные известия об авторах переведенных в этом труде стихотворений», которые начинает с древнерусской литературы от «Слова о полку Игореве» (указывая, однако, что его подлинность оспаривает М. Т. Каченовский); после сведений о М. В. Ломоносове следуют краткие биографии 26 писателей.

лиотеке Анны Амалии в Веймаре (шифры Dd 3: 522e; 522f). В сентябре 2004 года библиотека значительно пострадала при пожаре, однако антология фон дер Борга уцелела.

²⁴ *Салунере М. Г., Ленник Л. М. Г.* Эверс и Н. М. Карамзин // Новое литературное обозрение. 1997. № 27. С. 82–105.

²⁵ *Donnert E.* Agrarfrage und Aufklärung in Lettland und Estland. Livland, Estland und Kurland im 18. und beginnenden 19. Jahrhundert. Frankfurt am Main u. a., 2008. S. 178–187.

²⁶ *Poetische Erzeugnisse der Russen ...* Bd. 1. S. 352.

²⁷ *Ibid.* Bd. 2. S. 379.

²⁸ *Ibid.* S. 377.

²⁹ *Ibid.* S. 383.

³⁰ *Ibid.* S. 378.

Два тома собрания Фон дер Борга включают в общей сложности 21 сочинение Дмитриева, благодаря чему он занимает в антологии первое место среди русских поэтов, в том числе К. Н. Батюшкова, В. А. Жуковского, И. А. Крылова, Н. М. Карамзина и Г. Р. Державина³¹. Очевидное предпочтение фон дер Борг отдает сочинениям двух первых десятилетий XIX века. Из сочинений А. С. Пушкина в антологию включен только фрагмент из введения к «Руслану и Людмиле». Поэтические сочинения сгруппированы в антологии по жанрам – от «высоких» к «низким». Между тем Борг, по-видимому, старался избежать строгого следования устаревшей жанровой иерархии. В первом томе за «Одами и нравоучительными стихотворениями» (28 текстов) следуют песни и романсы (32), «Народные песни» (14), «Баллады» (4) и «Разные стихотворения» (7); завершается том стихотворениями, относящимися к высоким жанрам: двумя образцами религиозно-философской поэзии: «Одой, выбранной из Иова» Ломоносова³² и «Богом» Г. Р. Державина, а также «Освобождением Москвы» Дмитриева.

В своей антологии фон дер Борг поместил поэтические сочинения Дмитриева преимущественно 1790-х годов – пять из них впервые были опубликованы Карамзиным в «Московском журнале»³³; семь вошли в первое собрание стихотворений Дмитриева «И мои безделки» (1795)³⁴. По-видимому, составитель сознательно отбирал стихотворения, которые он считал собственными сочинениями Дмитриева, а не переводами. Так, фон дер Борг не включил в антологию единственный известный перевод Дмитриева из немецкой поэзии³⁵ – стихотворение «Размышление по случаю

³¹ Перечень помещенных фон дер Боргом в свою антологию стихотворений Дмитриева см. в приложении к статье У. Екуч в настоящем сборнике.

³² До фон дер Борга это стихотворение переводил веймарский друг Гете К.-Ф. фон Кнебель (K.-F. von Knebel; 1744–1834); см.: *Kirchner P.* Lomonosovs «Ode nach Hiob» in Deutschland in der 1. Hälfte des 19. Jahrhunderts // Lomonosov – Schlözer – Pallas. Deutsch-russische Wissenschaftsbeziehungen im 18. Jahrhundert / Hrsg. in Zusammenarbeit mit C. Grau, P. Hoffmann und H. Lemke von E. Winter. Berlin, 1962. (Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas. Bd. XII). S. 71–82.

³³ «Ах, когда б я прежде знала...»; «Наслаждение»; «Стонет сизый голубочек...»; «Всех цветочков боле...»; «Модная жена».

³⁴ «К Волге»; «Стансы к Карамзину»; «Ермак»; «Куда мне, сердце страстно...»; «Причудница»; «Дуб и Трость»; «Жаворонок с детьми».

³⁵ Автором басен «Орел и Змея» и «Горесть и скука», опубликованных Дмитриевым с примечанием «подражание французскому», несмотря на немецкую фамилию (М. Н. Лонгиновым указано как «Гофман»: Русский архив. 1863 (год первый). 2-е изд. Стлб. 908), был французский поэт Ф.-Б. Офман (Hoffman, 1760–1828). Стихотворение написано Офманом не позже 1785 года (*Hoffman F.-B.* Poésies diverses de M. Hoffman. Nanci, 1785. P. 153); Дмитриевым перевод выполнен, видимо, по изданию: *Petite encyclopédie poétique; ou, Choix de poésies dans*

грома» (до 1795), – первый русский поэтический перевод из И.-В. Гете (стихотворения «Grenzen der Menschheit», подсказанного, по-видимому, Дмитриеву Карамзиным)³⁶. Показательно, что, готовя в то же время свою английскую антологию русской поэзии, Дж. Бауринг отобрал для нее это стихотворение Дмитриева, что послужило на долгое время основанием для различных рассуждений о проявившейся в нем «русской душе»³⁷.

Между тем, являя собой представительную выборку поэтического наследия И. И. Дмитриева, антология фон дер Борга показывает также, что в своем творчестве поэт ориентировался в первую очередь на французскую литературу. Так, большинство басен, включенных Боргом в антологию, были переведены или переложены Дмитриевым с французского; с уверенностью нельзя сказать, был ли Борг знаком с оригиналами, например, с «La Béguenule» Вольтера, отсылку к которому Дмитриев в поздних публикациях своей «Причудницы» снял, сделав свою сказку, таким образом, явлением русской поэзии³⁸. Единственным свидетельством знакомства Дмитриева с современной немецкой литературой в антологии может служить стих в начинающей «Чужой толк» речи старика:

Ужели выдал Феб свой именной указ,
 Чтоб не дерзал никто надеяться из нас
 Быть Флакку, Рамлеру и их собратья равным
 И столько ж, как они, во песнопеньи славным?³⁹

Здесь на одну ступень с Горацием поставлен Карл Вильгельм Рамлер (1725–1798), берлинский поэт и переводчик, с творчеством которого Дмит-

tous les genres. Paris, 1804. Т. 6 : Fables. P. 83 (*Добрицын А. А.* Вечный жанр : Западноевропейские истоки русской эпиграммы XVIII – начала XIX века. Bern, etc., 2008. С. 263).

³⁶ *Лагутина И. Н.* «Grenzen der Menschheit» И. В. Гете и «Размышление на случай грома» И. И. Дмитриева // Россия и Германия на перекрестке культур. Культурный трансфер в системе русско-немецких литературных взаимодействий конца XVIII – первой трети XX века. М., 2008. С. 83.

³⁷ *Donat S.* «Stille Post» oder wie Goethe vor dem Ersaufen gerettet wurde. Deutsche, russische und englische «Grenzen der Menschheit» // Arcadia. 2003. Bd. 38. S. 179–192; *Lauer R.* Die russische Seele. Göttingen, 1997.

³⁸ История русской переводной художественной литературы : Древняя Русь. XVIII век. СПб., 1996. Т. 2 : Драматургия. Поэзия. С. 172–173.

³⁹ *Дмитриев И. И.* Полное собрание стихотворений. Л., 1967. С. 113.

риева познакомил, по-видимому, Карамзин, встречавшийся с Рамлером в Берлине в июле 1789 года⁴⁰.

Особое значение для немецкого читателя антологии фон дер Борга должны были иметь «высокие» поэтические опыты Дмитриева, содержавшие упоминания о событиях русской истории, актуализировавшиеся в культурной и политической ситуации Европы начала 1820-х годов. Написанное в 1794–1795 годах, во время кровавого подавления восстания Т. Костюшко и третьего раздела Польши, стихотворение «Освобождение Москвы» не могло не вызывать у западного читателя 1820-х годов удивления тем, насколько болезненно два века спустя воспринималась русскими давняя оккупация Москвы польскими войсками. Образ сибирского шамана, которым открывается стихотворение Дмитриева «Ермак», был известен до того времени немецкому читателю разве что по изданному Ф. Николаи немецкому переводу антимасонской комедии Екатерины II «Сибирский шаман» и несколькими другим кратким упоминаниям. Знакомство с многочисленными описаниями покорения испанскими конкистадорами империй ацтеков и инков позволяло также соотнести с ними самого Ермака, которого Карамзин называл «русским Писарро»⁴¹.

Антология фон дер Борга была хорошо воспринята критикой как в Германии, так и в Австрии⁴². По замечанию Э. Рейснера, «благодаря этому собранию в середине двадцатых годов <XIX века> был представлен репрезентативный срез русской литературы»⁴³. Однако вскоре эта антология выпала из культурного сознания Германии, а вместе с ней и первые немецкие переводы И. И. Дмитриева. Большинство из помещенных здесь текстов никогда больше не переводились. Попыток осуществить отдельное издание сочинений Дмитриева, как и его биографии на немецком языке, до сих пор никем предпринято не было.

⁴⁰ *Panofsky G. S.* Nikolai Mikhailovich Karamzin in Germany : Fiction as Facts. Wiesbaden, 2010. S. 28.

⁴¹ *Dahlmann D.* Sibirien. Vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart. Paderborn; München; Wien; Zürich, 2009. S. 48.

⁴² *Marinelli-Kunig G.* Rußland in den Wiener Zeitschriften und Almanachen des Vormärz (1805–1848). Ein Beitrag zur Geschichte der österreichisch-russischen Kultur- und Literaturbeziehungen. Wien, 1990. (Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse. Sitzungsberichte. Bd. 552. Veröffentlichungen der Kommission für Literaturwissenschaft. Nr. 10).

⁴³ *Reisner E.* Deutschland und die russische Literatur. S. 56.

ДМИТРИЕВ В ГЕРМАНИИ. К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ И ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОЙ РЕЦЕПЦИИ

У. Екуч

Полноценное восприятие русской литературы в Германии началось в середине XVIII века¹. Ему способствовали прежде всего или балтийские, или временно работавшие в России немцы, такие как Я. Штелин, Г.-Л.-Х. Бакмейстер или А.-Л. Шлецер, которые старались познакомить немецких читателей с развитием русской литературы. Они же выступали и как переводчики. В научных и популярных немецких журналах то и дело появлялись статьи об общем состоянии русской литературы или об отдельных ее авторах. Важную роль играли издававшиеся в Российской империи немецкоязычные журналы, такие как «Санктпетербургский журнал» (Sanktpetersburgsches Journal; 1776–1780) или «Журнал о России» (Journal von Rußland; SPb., 1793–1796) И.-Г. Буссе. Особенно влиятельна была «Русская библиотека» Г.-Л.-Х. Бакмейстера, выходившая в Риге в 11 томах с 1772 по 1789 год. Она подробно сообщала о новых изданиях научной, страноведческой и художественной литературы на русском языке; публиковала отрывки из беллетристических и поэтических текстов в немецком переводе. Информацию о состоянии русской литературы немцы могли получать также на страницах путеводителей по русским городам, например из «Образа Санкт-Петербурга» (Das Gemählde von St. Petersburg; Riga, 1793–1794) Г. Шторха или «Москвы» (Moskwa. Eine Skizze; Leipzig, 1799) И.-Г. Рихтера. Появляющиеся в немецких странах газеты и журналы тоже печатали статьи о русской литературе, например, в 1800–1802 годах «Бер-

¹ Rammelmeyer A. Die Aufnahme der russischen Literatur in Deutschland // Reallexikon der deutschen Literatur. Berlin; New York, 1984. T. 4. S. 2.

линский ученый листок» (Berliner Intelligenzblatt) опубликовал ряд статей под заглавием «Обозрение русской литературы прошлых четырех десятилетий, особенно при Екатерине II». Несмотря на названные труды, распространение сведений о русской литературе и русских поэтах в Германии не привело к сохранению этих сведений в памяти читателей. Такое положение вещей изменилось только в начале XIX века; первым автором, обратившим на себя общее внимание в Германии, стал Н. М. Карамзин².

В отличие от Карамзина и Державина, имя И. И. Дмитриева не стало известным в германоязычных странах, он отсутствует на немецкой карте русской литературы³. Немногие его стихотворения переводились на немецкий язык, но отдельного немецкого издания сочинений Дмитриева не существует до сих пор. Насколько мы могли установить, переведенные на немецкий язык стихотворения Дмитриева появлялись исключительно в немецких антологиях русской поэзии. Развивающийся в XIX веке жанр антологии основывается на принципе представления репрезентативного выбора из поэзии собственного или иного народа; он обыкновенно ориентирован на общепризнанный канон литературы. Когда антология представляет творчество чужого народа, выбор ориентирован прежде всего на признанный в исходной стране канон. Что касается исторического развития жанра антологии в Германии, то исследования установили, что в XIX веке были наиболее популярны так называемые антологии мировой литературы⁴, между тем как в XX веке доминировали антологии поэзии отдельного народа или антологии по определенной тематике⁵. Если же посмотреть на немецкие антологии мировой литературы, данные которых собраны и проанализированы геттингенским Специальным исследовательским отделением «Литературный перевод»⁶, выясняется, что тут имя Дмитриева совсем отсутствует. Не часто появляется его имя и в немецких анто-

² Rammelmeyer A. Die Aufnahme der russischen Literatur ... S. 7.

³ Reissner E. Deutschland und die russische Literatur 1800–1848. Berlin, 1970. S. 51.

⁴ Eßmann H. Einleitung // Weltliteratur in deutschen Versanthologien des 19. Jahrhunderts. Berlin, 1996. S. XIII.

⁵ Bädeker B. Einleitung // Weltliteratur in deutschen Versanthologien des 20. Jahrhunderts. Berlin, 1997. S. 2f.

⁶ Специальное исследовательское отделение 309 «Литературный перевод», интердисциплинарный филологический проект при Геттингенском университете, изучало в 1991–1996 годах вопросы литературного перевода с литературоведческой позиции. Одной из его целей было исследование традиции немецких антологий иностранной поэзии; см. Eßmann H. Einleitung ... S. XII–XIV.

логиях, посвященных русской поэзии⁷. Здесь оно представлено обыкновенно одним, двумя или тремя короткими текстами. В настоящей статье мы хотим охарактеризовать рецепцию Дмитриева в Германии, следуя антологиям с его стихотворениями в хронологическом порядке и осмысляя их в контексте общей концепции соответствующих собраний текстов.

Иван Иванович Дмитриев был поэтом эпохи перехода от классицизма к романтизму. Близкий друг Карамзина, с которым он сотрудничал при создании и издании альманахов и журналов, Дмитриев считался в момент наивысшей своей славы – приблизительно с 1793 по 1815 год – виднейшим поэтом сентиментализма⁸. Начав регулярно и с успехом печатать отдельные стихотворения и сборники только в начале 90-х годов, Дмитриев уже в 1803–1805 годах составил и выпустил свое трехтомное издание «Сочинения и переводы», которое в следующие годы выдержало четыре издания⁹. В это время (1797–1814) он также сделал блестящую карьеру в гражданской службе. После выхода в отставку в 1814 году он написал очень немного новых стихотворений и в основном ограничился переизданием собрания своих сочинений. В 1823 году вышло переработанное автором и заметно сокращенное двухтомное издание собрания сочинений, из которого он изъясил все, что посчитал устарелым или незначительным. Молодые авторы 20-х годов – среди них были и будущие декабристы – ценили его высоко: например, А. А. Бестужев описал Дмитриева как равного Державину поэта¹⁰; В. К. Кюхельбекер, называя его одним из тех русских поэтов со времен Ломоносова, «которыми Россия могла гордиться», «имя которых было в прибыль потомкам»¹¹, характеризует, между тем, Дмитриева как поэта прошедшей эпохи. В том же 1823 году П. А. Вяземский написал пространное хвалебное жизнеописание поэта, послужившее предисловием к шестому – сокращенному – изданию «Собрания стихотворений». В 1824-м

⁷ Übersetzte Literatur in deutschsprachigen Anthologien: eine Bibliographie. Stuttgart, 1998. Teilbd. 2. Anthologien mit russischen Dichtungen / Unter Mitarb. von Christiane Hauschild ... hrsg. von Ulrike Jekutsch.

⁸ Макогоненко Г. П.: 1) «Рядовой на Пинде воин» : Поэзия Ивана Дмитриева // *Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений*. Л., 1967. С. 19–23; электронная версия: www.rvb.ru/18vek/dmitriev/; 2) Дмитриев И. И. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Л., 1988. Вып. 1. С. 270–71.

⁹ В 1794 году вышли его первые пейзажные лирические стихотворения, в которых рефлексии о пейзаже носят патриотический оттенок («Ермак», «Глас патриота на взятие Варшавы», «К Волге»). Известность Дмитриева упрочилась публикацией «Басен и сказок» (1798).

¹⁰ Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым / Подгот. текста В. А. Архипова, В. Г. Базанова, Я. Л. Левковича. М.; Л., 1960. С. 17.

¹¹ Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 453.

А. Ф. Воейков напечатал обширную рецензию на это издание, включавшую хвалебные стихотворения в честь Дмитриева¹².

Период активного творчества поэта (1790–1814) был ознаменован сосуществованием и конкуренцией в русской литературе двух течений: достигшего в то время своего апогея сентиментализма и приобретшего вследствие наполеоновских войн новое значение классицизма. Дмитриев принадлежал к числу старших сентименталистов, нашедших твердую почву в рационализме Просвещения. В его поэзии смешиваются элементы, помимо названных, и иных течений в разнообразных формах: его сочинения то выказывают частичную связь с поэтикой классицизма, то целиком обязаны поэтике сентиментализма или даже раннего романтизма¹³. Параллельное сосуществование этих тенденций Г. П. Макогоненко объяснял некоторой мягкостью и нерешительностью характера поэта, которыми тот отличался от своих друзей, Державина и Карамзина¹⁴. Но все-таки исследователь поставил Дмитриева в один с ними ряд, таким образом оценив его как третьего поэта этой эпохи.

Дмитриев играл ведущую роль в русской литературной жизни на протяжении пятнадцати лет и был признан своими современниками главой сентиментальной поэзии. Он славился как создатель сентиментальных и сатирических стихотворных сказок, лирических песен и сатирико-дидактических басен, но прежде всего как автор легкой поэзии. Его отход от литературной деятельности после 1814 года произошел лишь за несколько лет до появления романтизма и совпал со сменой культурных парадигм, а именно с переходом от сентиментализма к романтизму. Это привело к тому, что Дмитриев несколько лет спустя потерял свою прежнюю репутацию и был воспринят как один из последователей и подражателей Карамзина.

¹² Макогоненко Г. П. «Рядовой на Пинде воин» ... С. 66.

¹³ Н. Д. Кочеткова резюмирует разные мнения исследователей Дмитриева о его принадлежности к этим течениям замечанием В. Г. Белинского, который назвал Дмитриева чистым романтиком в связи с его стихотворением «Ермак» (Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма : Эстетические и художественные искания. СПб., 1994. С. 9–10).

¹⁴ Макогоненко Г. П. «Рядовой на Пинде воин» ... С. 67.

1. Восприятие Дмитриева в немецкоязычных странах

Первый составитель немецкой антологии русской поэзии Фридрих фон дер Борг был еще и единственным переводчиком, сделавшим подборку наиболее показательных текстов Дмитриева с примерами стихотворных сказок, песен, басен, патриотической и пейзажной лирики. «Поэтические произведения русских» (*Poetische Erzeugnisse der Russen*) фон дер Борга вышли в двух томах в 1820 и 1823 годах. Оба тома представляют отчасти одних и тех же авторов, причем во втором томе можно отметить стремление переводчика и издателя дополнить представленную в первом томе картину русской поэзии начиная с Ломоносова. Во втором томе появляются впервые не только Александр Сергеевич Пушкин, но и его дядя Василий Львович, а также А. П. Сумароков, Д. И. Фонвизин, Я. Б. Княжнин, В. А. Озеров, И. А. Крылов, Ф. Н. Глинка и А. Д. Илличевский. В обоих томах были представлены – кроме Дмитриева – К. Н. Батюшков, И. Ф. Богданович, Д. В. Давыдов, М. В. Ломоносов, П. А. Вяземский, А. Ф. Воейков и В. А. Жуковский¹⁵. Вошедшие в антологию стихотворения расположены не по авторам, а по жанрам, в соответствии с их иерархией, так что в первом томе напечатаны оды, послания, письма, песни и т. д., а во втором – стихотворные сказки, басни, сатирические стихотворения и эпиграммы. Всего Дмитриев представлен двадцатью одним текстом (десять в первом и одиннадцать во втором томе); в этом количественном отношении он явно опережает всех остальных авторов антологии¹⁶; можно сказать, что он лидирует с отрывом¹⁷. За ним следуют Жуковский с одиннадцатью, Батюшков с десятью, Карамзин и Крылов с девятью и Державин с восемью стихотворениями. Наши наблюдения над числом приведенных фон дер Боргом стихотворений отдельных авторов показывают, что составитель явно ориентировался на канон русской литературы первых двух десятилетий XIX века. Дмитриев представлен как ключевая фигура русской сентиментальной поэзии. При чтении антологии это не бросается в глаза, потому что, во-первых, разделы озаглавлены по жанровым признакам, а во-вторых, имена авторов даются не перед, а после текста. Все это приводит к тому, что сти-

¹⁵ Список стихотворений Дмитриева, переведенных фон дер Боргом и другими переводчиками, приведен в приложении к настоящей статье.

¹⁶ *Reissner E.* Deutschland und die russische Literatur ... S. 51.

¹⁷ *Jekutsch U.* Die „Rußlandschwelle“. Zur Rezeption russischer Poesie in Deutschland, England und Frankreich in den zwanziger Jahren des 19. Jahrhunderts // *Weltliteratur in deutschen Versanthologien des 19. Jahrhunderts* / Hrsg. H. Eßmann, U. Schöning. Berlin, 1996. S. 161–164.

хотворения воспринимаются читателем не как собственно авторские, а в качестве реализации того или иного жанра.

Фон дер Борг представляет Дмитриева как автора и серьезных лирических жанров, и легкой поэзии, как выдающегося поэта будто бы еще процветающего сентиментализма своего времени. Такая оценка творчества поэта вскоре после появления второго тома антологии устарела, поскольку в эти годы в России совершался переход к романтизму. В Германии антология фон дер Борга была воспринята критикой с вниманием, но без энтузиазма. Немецкая поэзия и критика тех лет уже вполне отвечали духу романтизма, для них сентиментальная поэзия давно вышла из моды. Таким образом, антология фон дер Борга рассматривалась как доказательство отсталости русской литературы¹⁸ и не вызвала интереса немецких читателей.

В следующие десятилетия, когда в полный голос заявили о себе Пушкин, Лермонтов и другие, слава Дмитриева в России потускнела. Неудивительно поэтому, что и новые немецкие переводчики также не занимались Дмитриевым – ведь переводится преимущественно актуальная современная литература, а не авторы прошлого. В течение всего XIX века только писатель и поэт Фридрих Боденштедт, главный переводчик Лермонтова и, может быть, самый заметный немецкий переводчик русской литературы в этом столетии, перевел не более трех маленьких стихотворений Дмитриева – лирическую песнь «Прохожий и горлица», представляющую диалог названных в заглавии лиц, «Эпитафию эпитафиям» и эпиграмму. Таким образом, в переводческой деятельности Боденштедта Дмитриев уже не первостепенный русский поэт, но один из третьестепенных. Переводы были опубликованы не только в изданном в 1866 году 12-томном «Собрании сочинений» Боденштедта, четыре тома которого составляют его переводы с русского языка¹⁹. Два тома целиком посвящены Пушкину, один том – Лермонтову, один том соединяет стихотворения разных авторов, среди них три коротких стихотворения Дмитриева, из которых «Прохожий и горлица» наиболее длинное. В отличие от него, Державин представлен в том же томе только одним текстом – это ода «Бог», восхваляющая Творца,

¹⁸ «Обширная работа фон дер Борга заслужила в критике внимание только с информационной и историко-литературной точки зрения; по большей части подчеркивалось, что русская литература еще не достигла оригинальности». («Der verdienstvollen Arbeit von der Borgs billigte die Kritik im wesentlichen nur informativen und literaturhistorischen Wert zu. Sonst fühlte sie sich in der Ansicht bestärkt, daß es der russischen Literatur noch an Originalität mangle»: *Rammelmeyer A. Die Aufnahme der russischen Literatur ... S. 10.*)

¹⁹ *Bodenstedt F. Gesammelte Schriften. Gesamt-Ausgabe in 12 Bänden.* Berlin, 1858–1869. Переводы стихотворений Дмитриева напечатаны в седьмом томе (1866; S. 157f).

и она гораздо более объемна, чем все стихи Дмитриева, взятые вместе. Сравнение того, как предстают Дмитриев и Державин у Боденштедта, показывает, что не только количество переведенных текстов, но и жанр и объем отдельного текста говорят о ранге автора в контексте антологии.

Диалог «Прохожий и горлица» был напечатан девятью годами ранее в антологии Хермана Харриса «Песни с чужбины» (*Lieder aus der Fremde*, 1867), которая представляет собой обзор всего разнообразия немецких переводчиков середины XIX века и одновременно демонстрацию транснациональности поэтического творчества²⁰. Предпосланный собранию эпиграф из стихотворения представителя немецкого позднего романтизма графа Августа фон Платен подчеркивает концепцию антологии:

С востока и севера, и юга летят
Ко мне слова чужеземных муз:
Я собираю их в моей груди
И возвращаю их к жизни.²¹

Подразделенная на главы с текстами конкретного переводчика, антология дает карту поэтических сетей между европейскими литературами, сплетенных из переводов. Антология открывается «Фридрихом Боденштедтом в Мюнхене» и оканчивается «Германом Харрисом в Ганновере». Боденштедт представлен переводами из сочинений тринадцати хронологически расположенных русских поэтов – одно, два, максимум три стихотворения. Дмитриев, как самый старший из этих поэтов, представлен одним стихотворением: созданным в 1791 году и уже упоминавшимся выше диалогом «Прохожий и горлица». В приложении в конце тома даются краткие биографии всех переведенных авторов. Дмитриев характеризуется как друг Карамзина и Державина, один из издателей «Московского журнала» и переводчик, описание заканчивается словами: «Многие из песен его молодости стали достоянием народа»²². Представляя Дмитриева исключительно

²⁰ О различии образов мировой литературы, развивавшихся Гердером и Гете, и их восприятии в немецких антологиях заграничной поэзии см.: *Boedeker B. Konzepte von Weltliteratur in deutschsprachigen Versdichtungsanthologien des 19. und frühen 20. Jahrhunderts // Weltliteratur in deutschen Versanthologien des 19. Jahrhunderts / Hrsg. H. Eßmann, U. Schöning. Berlin, 1996. S. 183–204.*

²¹ «Aus Ost und Nord und Süden schweben / Um mich die Sprüche fremder Musen: / Ich sammle sie in meinem Busen / Und gebe sie zurück dem Leben» (*Lieder aus der Fremde. Hannover, 1857. Vorsatzblatt*).

²² *Lieder aus der Fremde ... S. 352.*

как автора песен, антология редуцирует как объем, так и разнообразие его творчества, а указание в цитируемой нами характеристике на песни, созданные им в молодости, помещает нашего автора в конец XVIII века, между тем как признание его песен достоянием народа стилизует его как предшественника романтизма.

Противоречивые оценки, даваемые ему Боденшtedтом и Харрисом, характеризуют и восприятие Дмитриева в XX веке. В этом столетии подборку переводов Боденшtedта опубликовал Пауль Фридрих в антологии «Русская лирика. Народные песни и стихотворения классического века»²³, которая была задумана в честь Боденшtedта – первого переводчика русской литературы. В предисловии Роберта Радецкого подчеркивается значение Боденшtedта как «первого немецкого глашатая» русской поэзии, как «пионера и строителя моста к ее пониманию в Германии»; завершается оно цитатой из предисловия Боденшtedта к издававшимся им «Русским фрагментам» (*Russische Fragmente. Beiträge zur Kenntniß des Staats- und Volkslebens in seiner historischen Entwicklung*; 1862): «До сих пор общественные отношения в России не способствовали рождению поэтов и мыслителей первостепенных, подобных Шекспиру, Данте, Канту или Гете, ибо такие гении появляются только тогда, когда приходит время. Но они появятся тогда, когда все знаки будут указывать на это, когда разум, сердце и вся сила воображения в полной мере станут присущи русскому народу. Мы не можем допустить, что Бог, дав этому народу язык, соединяющий романское благозвучие с германской силой и пластичностью, не дал этому сосуду ценное содержание. Поэтому я говорю: время придет...»²⁴.

Политически-исторический контекст времени появления антологии дает основание читать эти слова Боденшtedта намеком на то, что предсказанное им время пришло с советской эпохой²⁵. Однако в предисловии Радецкий избегает прямых высказываний.

²³ *Russische Lyrik. Volkslieder und Gedichte des klassischen Zeitalters*. Berlin, 1948.

²⁴ «Bisher waren die Verhältnisse in Rußland nicht dazu angetan, Dichter und Denker ersten Ranges hervorzubringen, etwa einem Shakespeare, Dante, Kant oder Goethe gleich, denn solche Genien erscheinen erst, wenn die Zeit erfüllt ist. Aber sie werden erscheinen, wo alle Zeichen darauf hinweisen, wo Verstand, Herz und alle einbildsamen Kräfte in reichem Maße unter dem russischen Volk vorhanden sind. Es ist nicht anzunehmen, daß Gott diesem Volke eine Sprache gegeben habe, welche romanischen Wohlklang mit germanischer Kraft und Bildsamkeit vereinigt, ohne in dieses Gefäß auch einen köstlichen Inhalt zu geben. Darum sage ich: die Zeit wird kommen» (*von Radetzky R. Vorwort // Russische Lyrik. Volkslieder und Gedichte des klassischen Zeitalters*. Berlin, 1948, S. 9).

²⁵ Основанное в 1872 году в Берлине Издательство А. Вейхерт (Verlag August Weichert) после Второй мировой войны оказалось в советской зоне города. Потомки Августа Вейхерта

В начале XX века, в 1905 году, была опубликована антология русской поэзии XIX века, посвященная традиции «чистой» поэзии. Переводчик и издатель Вильгельм Флит открывает свою галерею поэтов, охватывающую Пушкина, Тютчева, Фета, А. К. Толстого, Аполлона Григорьева, Апухтина и Бальмонта, стихотворением Дмитриева «Ночь» и таким образом делает его предшественником традиции, ведущей вплоть до символизма²⁶. Его антология, опубликованная машинописью, не вызвала интереса.

Во второй половине XX века, в течение трех десятилетий – с 1960-х по 1980-е годы – появились две антологии, которые включают и стихи Дмитриева. В 1963 году Ханс Бауманн представил его одной басней в антологии «Русская поэзия 1185–1963», изданной в Федеративной Республике по поручению Научного книжного общества²⁷. В антологии, задуманной как обзор развития русской литературы с момента возникновения до современности, древняя поэзия представлена «Словом о полку Игореве», отрывками из некоторых былин и народных песен, а новая, до Пушкина, – отрывками стихотворений Державина, Радищева и Дмитриева (по одному для каждого поэта). Избранная для антологии дмитриевская короткая басня «Муха», состоящая из десяти строк, тут становится еще более короткой: она лишена последних четырех строк, то есть морали. Это не только говорит о склонности Бауманна к приведению отрывков – тут мы можем предположить стремление автора антологии адаптировать басни к поэтической моде XX века, который не любил открытых поучений. В 1984 году слависты Аннелис и Хельмут Грассхофы составили в Демократической Республике антологию русской литературы XVIII века «Хор ко превратному свету»²⁸, которая представляет творчество Дмитриева двумя баснями: также «Мухой» и «Петухом, Котом и Мышонком». Таким образом, в обеих частях Германии Дмитриев рассматривается в эти годы прежде всего как автор басен, предшественник Крылова.

В 1989 и 1990 годах издатель Брауне-Стейнингер с переводчиком Йозефом Мюллером опубликовали две антологии, которые включали большее число стихов Дмитриева. Обе антологии мы можем назвать тематическими, потому что они подчинены определенной теме. Первая антология под

руководили издательством до экспроприации в 1950 году; в дальнейшем издательство продолжало работу в Западной Германии до 2002 года. См.: «A. Weichert Verlag: Verlagsgeschichte und Beginn der Jules-Verne-Adaptionen» (www.j-verne.de/verne_edit4_1.html).

²⁶ *Vlieth W.* Nachbildungen russischer Originale. Als Manuskript gedruckt. Berlin, 1905.

²⁷ *Russische Lyrik 1185–1963* / Hrsg. H. Baumann. Gütersloh, 1963.

²⁸ *Chorus an die verkehrte Welt. Russische Dichtung des 18. Jahrhunderts* / Hrsg. A. u. H. Grasshof. Leipzig, 1983.

«тютчевским» заглавием «В Россию можно только верить»²⁹ представляет подборку из русской поэзии XIX и XX веков. Дмитриев появляется с четырьмя стихотворениями, опять с «Прохожим и горлицей», одним посланием, надписью «Эпитафия эпитафиям» и эпиграммой «Супружная молитва». Вместе они раскрывают жанровое разнообразие творчества Дмитриева, одновременно предстающего и поэтом камерной, интимной жизни. Вторая антология, «Русские эпиграммы»³⁰, собрала надписи, эпиграммы, шуточные и сатирические сочинения второй половины XVIII и первой трети XIX века. Тут были напечатаны девять шуточных стихотворений Дмитриева, почти все очень короткие, не более четырех строк.

Обзор немецких антологий, которые представляли переводы стихов Дмитриева, позволяет нам сделать следующие выводы. Очень немногие составители антологий XIX и XX веков заинтересовались творчеством поэта – восемь из всех ста восьмидесяти шести немецких антологий, указанных в вышедшей в 1998 году библиографии «Антологии с русскими стихотворениями» (1998). Только в одной из них, первой, нарисована адекватная картина творчества Дмитриева, где он представлен самым знаменитым поэтом русского сентиментализма, устаревшего уже спустя несколько лет течения. В Германии антология фон дер Борга натолкнулась на критиков и читателей, которым сентиментализм казался совсем отсталым, так что антология не оказала никакого влияния на восприятие русской литературы. Этому способствовали и главный адресат и язык его переводов: антология издавалась в России, ее адресовали прежде всего читателю, знающему русский язык и умеющему сравнивать исходные и переведенные стихи³¹. Об этом свидетельствует и даваемая читателю скупая информация о представленных поэтах. Балтийский немец очень хорошо владел русским языком и был способен создать очень близкие к исходным текстам переводы³², но и это не могло привлечь внимание немецких читателей. Единственный в XIX веке переводчик, занимавшийся Дмитриевым после фон дер Борга, Боденштедт, оценивает его как второ- или третьестепенного поэта позднего периода XVIII века, который представляет интерес только благо-

²⁹ An Russland kann man ja nur glauben. Russische Verse aus dem 18. und 19. Jahrhundert / Hrsg. W. Braune-Steininger. Fernwald, 1989.

³⁰ Russische Epigramme. Scherz-, Spott-, Widmungs- und andere Kurzverse, auch etliche Fabeln aus der zweiten Hälfte des 18. und dem ersten Drittel des 19. Jahrhunderts / Hrsg. W. Braune-Steininger. Fernwald, 1999.

³¹ О принципах композиции антологии фон дер Борга см.: *Jekutsch U.* Die „Rußlandschwelle“ ... S. 172f.

³² *Reissner E.* Deutschland und die russische Literatur ... S. 56.

даря некоторым своим текстам, вошедшим в состав народных песен. В контексте зарождающегося реализма эта оценка не могла вызвать особенного интереса к Дмитриеву. В антологии Флита Дмитриев выступил предшественником модернистской поэзии, но это собрание в контексте других антологий своего времени, представляющих русский символизм, не воспринималось немецкой читающей публикой. Антологии второй половины XX века показывают его автором басен и преимущественно легкой поэзии XVIII века.

Есть две возможные причины, почему поэт вопреки приведенным выше фактам восприятия остался почти неизвестным в Германии. Во-первых, это могло быть обусловлено разнообразием творчества Дмитриева, сложным слиянием на пороге XIX века архаических и новаторских тенденций. Можно предполагать, что именно это разнообразие препятствовало созданию постоянного облика автора. Во-вторых, антологии ясно показывают, что почти все его тексты были переведены на немецкий язык только один раз. Лишь три из них переводились дважды; два из них, переведенные Боденштедтом, были перепечатаны в XX веке. Но факт их второй публикации был связан с новым вниманием не к текстам или их автору, но к переводчику. Таким образом, описанные нами единичные случаи перевода не привели к прочному знакомству немецких читателей с Дмитриевым, он известен только славистам-литературоведам, занимающимся XVIII веком.

2. Сравнительный анализ дважды переведенных стихов Дмитриева

Хотя почти все стихотворения Дмитриева переводились всего один раз, три из них были переведены на немецкий язык дважды. Это «Прохожий и горлица», «Эпитафия эпитафиям» и басня «Муха». Переводы двух первых названных текстов принадлежат Фридриху Боденштедту и Йогану Мюллеру, переводы басни – Гансу Бауманну и Уве Грюнингу. Если обратить внимание на количество публикаций отдельных переводов, оказывается, что стихотворение «Прохожий и горлицы» появлялось в печати чаще других: перевод Боденштедта, впервые изданный в антологии Гарриса (1857), был также опубликован в «Собрании сочинений» автора (1866) и в антологии Пауля Фридриха 1948 года. Фридрих переиздал также в переводе Боденштедта «Эпитафию эпитафиям», но интересовался при этом не Дмитриевым, а прежде всего Боденштедтом – знаменитым в XIX веке переводчиком русской поэзии.

Таким образом, эти два стихотворения были представлены прежде всего как доказательство искусства переводчика, тогда как двойной перевод басни «Муха» во второй половине XX века можно объяснить политической обстановкой: Ганс Бауманн издал антологию русской поэзии в Западной Германии, Уве Грюнинг переводил русских поэтов в ГДР.

Написанное в 1791 году стихотворение Дмитриева «Прохожий и горлица» построено как поэтический диалог, состоящий из шести строк, чередующих шести- и четырехстопные ямбы. Каждая строка представляет собой завершенную фразу; чередуются три вопроса и три ответа. Прохожий начинает диалог вопросом о том, почему горлица «воркует так печально на кусточках», горлица говорит, что «тоскует по [...] дружочке». На второй вопрос прохожего, изменил ли ей друг, горлица отвечает, что он убит стрелком. прохожий говорит, что и ей надо остерегаться руки стрелка, но горлица опять его поправляет: «Что нужды! Ведь умру ж с тоски»³³. Горлице оставлено последнее слово, она противопоставляет разумному выводу прохожего тоску по умершему любимому и этим опровергает дидактически задуманный совет, думая о любви после смерти. Так как ее безусловная любовь переступает границы разумных, умеренных чувств, воспеваемых сентиментализмом, стихотворение приближается к романтическому культу всепоглощающей любви.

Перевод Боденштедта сохраняет структуру стихотворения, чередование в нем однострочных вопросов и ответов, ямбический размер и количество слогов в строке. В первых трех строках он дополняет высказывания обоих участников разговора: первая начинается требованием «*sprich*» (говори), во второй строке «дружочек» передается как «*Tauber*» (голубь-самец) с добавлением эпитета «*lieb*» (милый), что можно расценить как попытку переводчика избежать встречающийся в немецком языке гораздо реже, чем в русском, диминутив; в третьей строке (вопрос прохожего о причине тоски горлицы) вопросу придается оттенок сочувствия, указывая на бедное положение адресата, который «*jetzt so in Not*» («сейчас в такой нужде»). К тому же появляются семантические изменения: горлица Дмитриева «воркует печально на кусточках», горлица Боденштедта «*sitzt so traurig auf dem Ast*» (сидит печально на ветви). Первый ответ горлицы «тоскую» превращается в «*traur'ich*» (оплакиваю), таким образом теряет семантическую открытость и уже указывает на смерть. Одновременно немецкое «*traur'ich*» варьирует предыдущее слово «*Tauber*» и фонетически повторяет

³³ Стихотворения Дмитриева цитируются по изданию: *Дмитриев И. И.* Полное собрание стихотворений / Сост., вступ. ст. и коммент. Г. П. Макогоненко. Л., 1967. (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.); электронная версия: www.rvb.ru/18vek/dmitriev

наречие «traurig» в первой строке; таким образом, Боденштедт вводит в текст фигуру этимологическую, маркированную принадлежностью народному творчеству. В четвертой строке Боденштедт переводит нейтральный глагол «убить» как фразеологический оборот «schoß ihn tot» (застрелил его намертво) и превращает стрелка в «Jäger» (охотника). В пятой строке прохожий Дмитриева остерегает от «его (стрелка. – У. Е.) руки», Боденштедт повторяет слово «охотник». В целом он уменьшает риторическое разнообразие исходного текста в пользу фонетических и риторических повторов и сближает его таким образом с народным творчеством; одновременно текст Дмитриева обретает в переводе Боденштедта более романтическую окраску.

Второй перевод этого стихотворения осуществил в конце XX века Йозеф Мюллер. Как и Боденштедт, Мюллер сохраняет диалогическую структуру, размер и количество слогов в строке (за одним исключением: шестая строка – последняя реплика горлицы – короче на один слог, что формально усиливает пуант стихотворения). При этом Мюллер актуализирует текст, ослабляя в нем сентиментально-романтический оттенок. Это открывается уже в первой строке, ибо передача наречия «печально» немецким наречием «kläglich» (плачевно или жалобно) и прибавление «was ist denn, kleine» (что с тобой, маленькая) придают горлице детские черты, а прохожему черты старшего друга. «Дружочек» изменяется сначала на «сердечное сокровище» (Herzensschatz), а потом на «лучший друг» («bester Freund»). Стрелок атрибутирован своим оружием – ассоциирующейся с ходовой топикой эротической поэзии «стрелой» (Pfeil) – и, следовательно, утрачивает коннотацию смертельной опасности. К горлице прохожий обращается не «несчастливая», но «Armes» (бедная[!]); она предсказывает собственную смерть не «с тоски», но «an gebrochenem Herzen» (от разбитого сердца). Инфантилизируя горлицу и изменяя пуант стихотворения (благодаря клишированной метафоре условной любовной лирики), перевод Мюллера лишает его внутренней убедительности и истины чувства.

Оба переводчика, Боденштедт и Мюллер, переводили также «Эпитафию эпитафиям». Сравнительный анализ переводов приводит к сходным выводам. В то время как Боденштедт, переводя место действия на кладбище, вписывает текст в сентиментальный контекст, Мюллер смягчает тему смертности человека эвфемизмами: слово «смерть» передается как «Heimgang» (буквально «возвращение домой» и только в переносном значении «смерть»), «скончались мы» – как «Zeit zu gehen» (пора уходить).

Басня «Муха» появилась в немецком переводе Ганса Бауманна в антологии «Russische Lyrik 1185–1963» в качестве единственного текста, представляющего творчество Дмитриева. Басня состоит из десяти стихов, первые шесть строк рассказывают историю мухи, сидящей на роге быка, возвращающегося после тяжелого труда домой, которая на вопрос, откуда она, отвечает: «Мы пахали». Следующие четыре строки открываются указанием на то, что сопоставление поэзии с действительностью – основной прием басни, и наконец появляется мораль: подобное поведение – присвоение чужих заслуг – встречается и среди людей. Уже и в оригинале короткая басня сокращается Бауманном до шести строк, так как он не переводит мораль. Вольный ямб заменяется шестистопным ямбом. Разговор между Мухой, сидящей на роге быка, и встречной мухой происходит не по дороге домой, а на поле в разгар труда. Муха встречается не с одной только мухой, но с целым роем. Поэтому вопрос встречной мухи не передает русское предложение «Куда ты, сестра?», но изменяется на «Was treibst du, Schwester?» (Что подделываешь, сестра?) и дополняется следующим: «Zu sitzen, ist dir dies genug?» (Сидеть – тебе этого хватает?). Эти изменения преследуют стратегию передачи более однозначной порицательной оценки Мухи рассказчиком. Бауманн уточняет текст басни в следующих местах: у Дмитриева не разъясняется, сидела ли Муха на роге во время пахоты или она села на него во время возвращения домой. У Бауманна Муха сопровождает быка в трудовое время на поле, ее бездействие обнаруживается вопросом рассказчика. Элиминируя мораль, Бауманн вычеркнул и метапоэтический концепт, обнажающий поэтический прием басни.

Двадцать один год спустя Уве Грюнинг перевел всю басню, сохраняя и размер, и парную рифму, и прошедшее время повествования. Он создал очень близкий к исходному тексту перевод, но заметны и некоторые изменения, которые встречались уже у Бауманна: Муха сидит на роге быка во время пахоты, так что усиливаются бездействие и непричастность Мухи к выполнению работы. Но бык с Мухой уже на пути домой, когда им встречается – опять – несколько других мух. Грюнинг не разворачивает вопрос к сидящей на роге Мухе, но вместо этого подчеркивает отношение отвечающей мухи, приписывая ей намерение высказать порицание: «Als wollte sie die Fragen rügen, / hat naserrümpfend sie gesagt: / Woher? *Wir* waren pflügen!» (Как бы желая осудить вопрос, / Она, поморщив нос, сказала: / Откуда? *Мы* пахали!) Выделяя местоимение первого лица множественного числа курсивом не только в морали, как у Дмитриева, но уже в ответе Мухи, Грюнинг сообщает басне более однозначную установку и предупреждает мораль.

Кроме того, он усиливает мораль, заменяя «подчас» Дмитриева на «oft» (часто).

Рассмотрение дважды переведенных текстов Дмитриева показывает, во-первых, что это исключительно короткие стихи, которые не представляют никакой трудности для читателя. Они принадлежат к разным жанрам: жанрово неопределенное «Прохожий и горлица»³⁴ и устаревшие в XX веке эпитафия и басня. Два из них представляют хорошо известные образованному читателю топосы: горлица как символ верной любви до гроба, смертность человека. Переводчики усиливают конвенциональные черты текстов. Таким образом, в этих переводах Дмитриев является – возможно, за исключением «Прохожего и горлицы» – автором конвенциональной дидактической и сентиментальной поэзии.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ И. И. ДМИТРИЕВА В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ АНТОЛОГИЯХ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

I. Переводчик: Karl Friedrich von der Borg

(Poetische Erzeugnisse der Russen / Сост. К. F. v. der Borg. 1820)

- 1) «Ах, когда б я прежде знала». – „Wär es früher mir vertrauet“.
- 2) «Видел славный я дворец». – „Neulich sah ich den Palast“.
- 3) Ермак. – Jermak.
- 4) К Волге. – An die Wolga.
- 5) К Хлое. – An Chloe.
- 6) «Куда мне, сердце страстно». – „Wohin mit dir mich kehren“.
- 7) Наслаждение. – Genuß.
- 8) Освобождение Москвы. – Die Befreiung von Moskwa.
- 9) Стансы к Карамзину. – Stenzen an Karamzin.
- 10) «Стонет сизый голубочек». – „Traurig seufzt ein graues Täubchen“.

II. Переводчик: Karl Friedrich von der Borg (Poetische Erzeugnisse der Russen / Сост. К. F. v. der Borg. 1823)

- 1) Дуб и Трость. – Die Eiche und das Rohr.
- 2) Жаворонок с детьми. – Die Lerche mit ihren Jungen und der Landmann.

³⁴ Издание «Библиотеки поэта» помещает «Прохожего и горлицу» в раздел «Разные стихотворения».

3) «Завидна, – я сказал, – Терситова судьбина». – „Tersites Schicksal ist zu neiden, – sagt ich neulich“.

4) К графу Н. П. Румянцову. – An den Grafen N. P. Rumanzow.

5) К друзьям моим. – An meine Freunde, als ich sie nach meinem Abschiede zum ersten Male wieder sah.

6) Модная жена. – Die Frau nach der Mode.

7) Послание к Н. М. Карамзину 1796. – An Karamzin.

8) Причудница. – Die Launenhafte.

9) Чужой толк. – Fremde Urtheile.

10) – . – „Bucephal der Magnat in seinem Erdewallen“³⁵.

11) «Я разорился от воров». – „Mich haben Diebe ruiniert!..“

III. Переводчик: Friedrich Bodenstedt

(*Bodenstedt F. Gesammelte Schriften*. Berlin, 1866. Т. 7)

1) Прохожий и горлица. – Die Turteltaube und der Wanderer [то же в: Harrys. 1857; Friedrich. 1948].

2) Эпитафия эпитафиям. – „Du kommst den Friedhof zu durchwandern“. [то же в: Friedrich 1948 под заглавием „Vier Zeilen“].

3) – . – „Les' ich im Liede deine Liebesthränen“³⁶.

IV. Переводчик: Wilhelm Vlieth

(*Vlieth W. Nachbildungen russischer Originale*. 1905)

1) Ночь («В черной мантии волнистой...»). – Die Nacht („Still ist die Nacht. In den träumenden Wogen...“).

V. Переводчик: Hans Baumann

(*Russische Lyrik 1185–1963* / Hrsg. H. Baumann. 1963)

1) Муха. – Die Fliege.

VI. Переводчик: Uwe Grüning

(*Chorus an die verkehrte Welt* / Hrsg. H. Grasshoff. 1983)

1) Муха. – Die Fliege.

2) Петух, Кот и Мышонок. – Hahn, Kater und Mäuslein.

³⁵ Источник перевода не установлен.

³⁶ Источник перевода не установлен.

VII. Переводчик: Johann Müller

(An Russland kann man ja nur glauben. Russische Verse aus dem 18. und 19. Jahrhundert / Hrsg. Braune-Steininger. 1989)

- 1) А. Г. Севериной в день ее рождения. – A. G. Severina zum Geburtstag.
- 2) На кончину Веневитинову. – Zum Tode Wenewitinows.
- 3) Прохожий и горлица. – Der Wanderer und das Turteltaubchen.
- 4) Супружняя молитва. – Gattengebet.

VIII. Переводчик: Johann Müller

(Russische Epigramme. Scherz-, Spott-, Widmungs- und anderen Kurzverse, auch etliche Fabeln aus der 2. Hälfte des 18. und dem ersten Drittels des 19. Jahrhunderts / Hrsg. Braune-Steininger. 1989)

- 1) Воробей и зяблица. – Der Spatz und der Fink.
- 2) И. Ф. Богдановичу, автору «Душеньки». – Für I. P. Bogdanowitsch, dem Autor des *Seelchen*.
- 3) К Амуру. – An Amor.
- 4) К портрету М. М. Хераскова. – M. M. Cheraskov.
- 5) Подснежник. – Das Schneeglöckchen.
- 6) Полевой цветок. – Das Wiesenblümchen.
- 7) Репейник и фиалка. – Das Veilchen.
- 8) Эпиграмма («Мне лекарь говорил: „Нет, ни один больной...“») – „Bis jetzt hat kein Patient“, hat jüngst ein Arzt gesagt“.
- 9) Эпитафия эпитафиям. – Epitaph auf alle Epitaphe.



ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА В СТИХАХ И ПИСЬМАХ ДМИТРИЕВА

Е. В. Карпова

В комментариях к сочинениям И. И. Дмитриева, как прижизненным, так и относящимся ко второй половине XX века, никогда не предпринимались попытки связать те или иные стихотворения поэта с произведениями живописи и скульптуры. Между тем такие параллели могут быть весьма интересны. Как не вспомнить, например, при чтении надписи «К альбому кн<ягини> Н. И. К<уракиной>» ее знаменитый портрет работы В. Л. Боровиковского, исполненный в 1795 году и хранящийся ныне в Русском музее¹, или выполненную по нему миниатюру из коллекции Третьяковской галереи². Наталья Ивановна Куракина, урожденная Головина (1768–1831), супруга князя Алексея Борисовича Куракина, в то время обер-прокурора Сената и действительного камергера, была известна своим музыкальным дарованием, играла на арфе, сочиняла и пела романсы, обладая красивым голосом.

Что пред соперницей Эраты наше пенье!
Она лишь голосом находит путь к сердцам,
Я лиру положу К<уракиной> к ногам
И буду сам внимать в безмолвном восхищенье³.

¹ Воспроизведение см. в кн.: Государственный Русский музей. Живопись. XVIII век : каталог. СПб., 1998. С. 62. № 76; «...Красоту ее Боровиковский спас». Государственная Третьяковская галерея : [Каталог выставки]. М., 2008. С. 34. № 27.

² Государственная Третьяковская галерея : Каталог собрания. Портретная миниатюра XVIII – начала XX века. М., 1997. С. 41. № 46.

³ *Дмитриев И. И.* Полное собрание стихотворений. Л., 1967. С. 361.



Илл. 1. *В. Л. Боровиковский.*
ПОРТРЕТ И. И. ДМИТРИЕВА. 1807. Х., м.
Национальная портретная галерея Армении

С Владимиром Лукичем Боровиковским (1757–1825) поэт мог познакомиться уже в начале 1790-х годов, ибо по приезде в Петербург художник через В. В. Капниста попал в дом Н. А. Львова и оказался в близком окружении Г. Р. Державина, куда входил в то время и Дмитриев. Его более поздний живописный портрет с подписью и датой (*Писаль Боровиковский 1807*) находится в настоящее время в собрании Национальной картинной галереи Армении (илл. 1). Он практически забыт и обычно не упоминается в ряду живописных и графических портретов поэта, которых, в целом, было сделано довольно много.

Трудно со всей определенностью сказать, с каким из них могло быть связано ироническое двустилие Дмитриева «К моему лицеподобию», которое было включено в тетрадь поэта, озаглавленную «Именинный подарок любезному брату Платону Петровичу Бекетову. Москва, 1807, ноября 18 дня»:

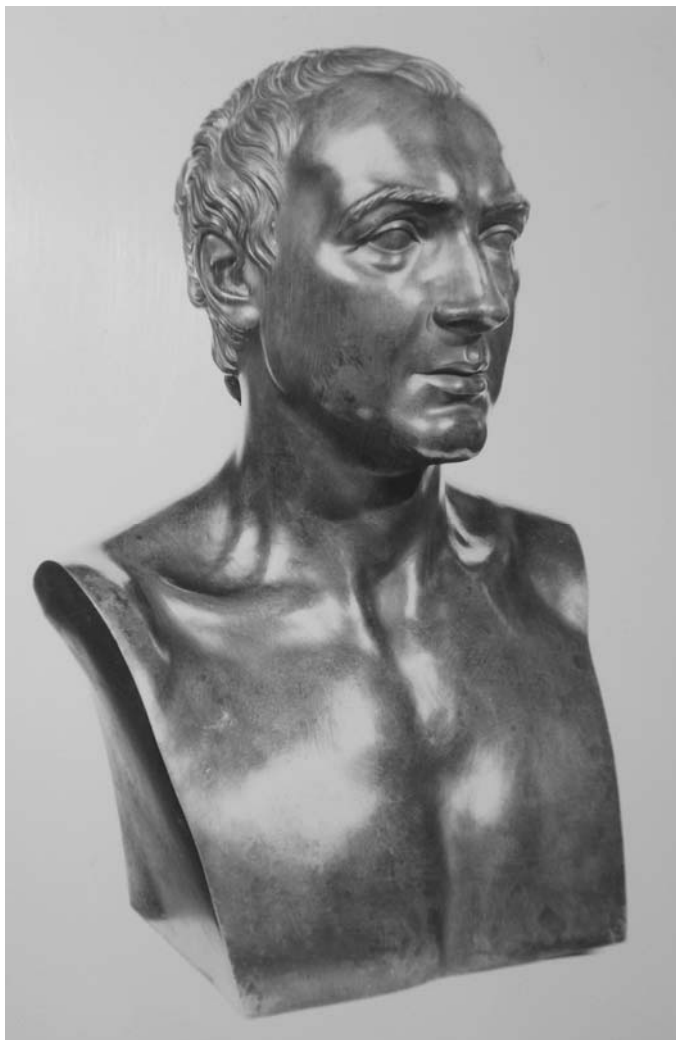
Ему плетет венец терновый Каллиопа
А родина давно признала в нем Эзопа⁴.

Если же предположить, что под лицеподобием подразумевалось скульптурное изображение, то у нас появляется повод вспомнить уникальный и сравнительно недавно введенный в научный оборот бронзовый бюст И. И. Дмитриева, находящийся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (илл. 2). Изучение этого портрета было начато Б. А. Градовой, которая вернула ему забытое имя, обнаружив архивный документ, относящийся к марту 1838 года, – записку А. Н. Оленина казначею библиотеки С. В. Васильевскому, в которой речь идет о плате по счету бронзового фабриканта Гереня «за сделанный им по заказу моему для Императорской Публичной библиотеки бронзовый бюст знаменитого поэта Ив. Ив. Дмитриева, доставленный уже в библиотеку»⁵. Приложенный к этой записке счет самого литейщика датирован 12 ноября 1837 года, что позволяет предполагать, что толчком к появлению бронзового отлива (и, возможно, не одного) стала недавняя кончина поэта⁶.

⁴ Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений. Л., 1967. С. 357.

⁵ Цит. по: Карнова Е. В. Ранее неизвестный скульптурный портрет И. И. Дмитриева // Памятники культуры. Новые открытия : Ежегодник 1992. М., 1993. С. 260.

⁶ В «Остафьевском архиве князей Вяземских» опубликована записка Д. Муромцева, поверенного князя П. А. Вяземского, датированная 13 октября 1837 года: «Завтра я еду в Остафьево, привезу портрет Дмитриева с бюстом бронзовым, уложу хорошенько доставлю вам в целости» (СПб., 1899. Т. 2. С. 243).



Илл. 2. *И. П. Мартос.*
ПОРТРЕТ И. И. ДМИТРИЕВА.
Бронзовый отлив 1838 г. по модели 1800-х гг.
Отдел рукописей РНБ

Попытка установить имя создателя оригинальной модели бюста привела нас к знаменитому скульптору Ивану Петровичу Мартосу (1754–1835), зять которого, конференц-секретарь Академии художеств В. И. Григорович, унаследовал 11 уникальных терракот скульптора. В составленном им перечне фигурирует «бюст поэта И. И. Дмитриева, в средних его летах»⁷. В свое время нам уже приходилось отмечать, что этот скульптурный портрет появился не позднее 1818 года, когда в журнале «Благонамеренный» было опубликовано четверостишие М. В. Милонова «К бюсту И. И. Дмитриева». Однако приведенное выше упоминание об изображении поэта «в средних его летах» позволяет предполагать, что терракотовый вариант мог появиться гораздо раньше, уже в 1800-х годах. Его местонахождение в настоящее время неизвестно, может быть, он утрачен, и выполненный для Публичной библиотеки бронзовый отлив является единственным сохранившимся «лицеподобием» поэта, созданным в характерной для творчества Мартоса классицистической манере.

Далее мы будем цитировать одно из писем Дмитриева, в котором он, в частности, утверждал: «... я не люблю бюстов с обтесанными плечами, в виде термов». Не исключено, что ему не очень нравилась и работа Мартоса. Во всяком случае П. А. Вяземский, принимая самое деятельное участие в шестом издании сочинений Дмитриева (1823), «исправленном и уменьшенном», писал А. И. Тургеневу по поводу изображения поэта: «...все еще вожусь с Тончи, которого уговариваю писать портрет Ивана Ивановича, а о портрете с бюста Дмитриев и слышать не хочет»⁸.

Самым значимым откликом поэта на современное художественное произведение, безусловно, является относящаяся к 1795 году надпись «К бронзовой статуе фельдмаршала Румянцева-Задунайского, поставленной графом Завадовским в его деревне»⁹. Забегая вперед, заметим, что в наши дни мы знаем вдохновивший Дмитриева памятник лишь по двум уменьшенным авторским повторениям, одно из которых, мраморное, некогда находилось в собрании графа А. С. Строганова (с 1930 года – в ГРМ; илл. 3), другое, бронзовое, принадлежало сыновьям фельдмаршала (ныне –

⁷ РГИА. Ф. 789. Оп. 2. Д. 112. 1859. Л. 7 об. См.: Карпова Е. В. Ранее неизвестный скульптурный портрет И. И. Дмитриева ... С. 265.

⁸ Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1820–1823 // Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 2. С. 243.

⁹ Впервые эта надпись публиковалась в 1795 году под названием «Стихи к бронзовой статуе Фельдмаршала Графа Румянцева-Задунайского, воздвигнутой графом Завадовским на его даче» (Дмитриев И. И. И мои безделки. М., 1795. С. 7–8).



Илл. 3. Ж.-Д. Рашиетт.
ПАМЯТНИК П. А. РУМЯНЦЕВУ-ЗАДУНАЙСКОМУ.
1793. Мрамор. ГРМ

в частном собрании). Сама же статуя, утраченная во время Великой Отечественной войны, имела почти полуторавековую историю бытования¹⁰.

Для литературоведов, наверное, прежде всего интересен тот факт, что замысел этого произведения рождался в львовско-державинском кружке, куда был вхож и создатель статуи скульптор Жак-Доминик Рашетт (1744–1809). Француз по происхождению, обучавшийся в копенгагенской Королевской академии живописи, скульптуры и архитектуры, затем работавший в Дании, Франции и Германии, он был приглашен в Петербург в 1779 году на должность модельмейстера Императорского фарфорового завода. Уже в год своего приезда скульптор познакомился с Г. Р. Державиным, в то время исполнявшим обязанности экзекутора 1-го департамента Сената, и под его руководством работал над скульптурным убранством зала заседаний. Программа этих произведений, отраженная Державиным в «Изъяснении аллегорических барельефов, бывших в зале общего собрания Правительствующего Сената» (1780), была составлена Н. А. Львовым, рисунки – профессором живописи Г. И. Козловым. Именно тогда началось творческое сотрудничество Державина, Львова и Рашетта, продолжавшееся более двух десятилетий, вплоть до начала XIX века, времени создания многофигурного надгробия светлейшего князя А. А. Безбородко, поставленного в Благовещенской усыпальнице Александро-Невской лавры. Памятник был выполнен Рашеттом по проекту Львова. «Стихи на смерть князя Александра Андреевича Безбородки» и «На гроб его же», являвшиеся по сути дела эпитафиями, сочинял, как известно, Державин.

Не имея сейчас возможности говорить подробнее на эту тему¹¹, укажем лишь, что приезжий скульптор оказался в этом содружестве не случайно, как не случайно и то, что именно ему довелось делать мраморные бюсты Гаврилы Романовича и первой его супруги Екатерины Яковлевны, по поводу которых было написано известное державинское стихотворение «Мой истукан» (1794). Появлению Рашетта в России предшествовала пятилетняя работа в Вандсбеке, поместье Шиммельманов близ Гамбурга, где скульптор жил в окружении немецкой творческой элиты и портретировал,

¹⁰ См.: Карпова Е. В. Памятник П. А. Румянцеву-Задунайскому (материалы к изучению творчества Ж.-Д. Рашетта) // Памятники культуры. Новые открытия : Ежегодник 1984. Л., 1986. С. 310–319; Карпова Е. В. Бронзовая модель памятника П. А. Румянцеву-Задунайскому // Пинакотека. 2002. № 13–14. С. 268–269.

¹¹ Подробнее об этом см.: Карпова Е. В. 1) Жак-Доминик Рашетт в России // Жак-Доминик Рашетт. 1744–1809 : каталог выставки / ГРМ. СПб., 1999. С. 3–18; 2) Произведения скульптора Ж.-Д. Рашетта в контексте творчества Г. Р. Державина // Е. В. Карпова. Русская и западно-европейская скульптура XVIII – начала XX века : Новые материалы. Находки. Атрибуции. СПб., 2009. С. 515–533.

в частности, творца «Мессиады» Ф.-Г. Клопштока и переводчика Гомера И.-Г. Фосса. Эти знакомства, вероятно, сделали Рашетта весьма интересным собеседником и желанным гостем в доме Державина.

Нет ничего удивительного в том, что, получив заказ на монументальную статую генерал-фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского, Рашетт снова прибегнул к помощи Львова, который, как предполагали авторы монографии об архитекторе, соорудил и «Храм благодарности»¹², для которого предназначалась антикизированная фигура полководца, окруженная множеством аллегорических атрибутов. Здесь нельзя не вспомнить письмо П. В. Завадовского, датированное 12 апреля 1793 года и посланное из Петербурга в Лондон графу С. Р. Воронцову, с которым они когда-то были рядом в турецких походах, а затем составляли проект Кючук-Кайнарджийского мира: «Похвалюсь тебе, мой друг, добрым делом. Лет несколько работали и отливали по моему заказу бронзовую большую статую фельдмаршала Румянцева. Производил оную здесь находящийся художник Рашет. Вышла прекрасно в отделке и образ его довольно похож. Я не хотел выставить оную здесь на показ всем, чтоб не протолковали укоризною, а отправил в мою малороссийскую деревню, чтобы воздвигнуть памятник благодарности моей к благодетелю»¹³.

Интересно, что имя Н. А. Львова как автора проекта статуи было указано в надписи на стволе дерева у ног героя, наряду с именами скульптора Рашетта и литейщика Гастклу. Это засвидетельствовал историк архитектуры Ф. Ф. Горностаев, рассказывая о былом великолепии черниговского имения Завадовского Ляличи, о дворце, построенном по проекту Кваренги, и о той ужасающей разрухе, которую он застал в начале XX века: «Все грязно, все валится и гниет <...> в нижнем этаже пасется стадо, укрываясь от непогоды»¹⁴. К тому времени статую уже увезли из Лялич, в 1866 году ее приобрел у тогдашних владельцев князь С. П. Голицын, чтобы поставить памятник в городе Глухове, бывшей резиденции Румянцева-Задунайского как первого генерал-губернатора Малороссии. А опустевший храм-ротонда остался стоять в огромном парке.

«Храм благодарности» в его первозданном виде описывал в своем «Путешествии в Малороссию» князь П. И. Шаликов: «Прежде всего встре-

¹² Будылина М. В., Брайцева О. И., Харламова А. М. Архитектор Н. А. Львов. М., 1961. С. 110.

¹³ Архив князя Воронцова. М., 1877. Т. XII. С. 84.

¹⁴ Горностаев Ф. Ф. Ляличи. Дворец гр. П. В. Завадовского // Дворцы и церкви Юга. М., 1914. С. 61, 75. Автор застал статую Румянцева-Задунайского уже стоящей на пьедестале на площади г. Глухова.

чается глазам вашим белый величественный павильон, осененный с трех сторон высокими густыми деревьями; приближаетесь к нему и видите в центре колоннады его Задунайского Ахиллеса бронзовую во весь рост статую на диком мраморном пьедестале <...> Он изображен, по обыкновению в римской одежде, с открытою головою...»¹⁵ Прерывая это описание (тем более что в деталях память Шаликова подводила, и в последующих строках он допустил некоторые неточности), вспомним другой, близкий по характеру, замысел Львова – неосуществленный проект под названием «Каким образом должно бы было расположить сад князя Безбородки в Москве» (1797). Некоторые из выраженных в нем «идей» необычайно близки тому, что уже было осуществлено в Ляличах: «...гуляющий видит в архитектуре <...> с зеленью перемешанной, нечто новое и великолепное, а рассматривая статуи и надписи, найдет он нечаянно в саду частного человека, как в Пантеоне патриотическом, историю века в памятниках, сынам отечества воздвигнутых»¹⁶. То же сочетание героического и идиллического мы находим и в стихотворении Дмитриева, обращенном к ляличскому монументу:

Почтенный лик! Когда б ты был изображен
С перуном пламенным на берегах Кагула,
Где гордый мусульман растерзан, низложен
И где земля в крови несчастных жертв тонула;
Тогда бы, на тебя взирая, каждый рек:
«Румянцев, славный вождь!» — и мимо бы протек.
Но здесь, здесь всяк тебя прохожий лобызает:
Здесь не герой в тебе блистает,
Прославивший себя единою войной,
Обрызган кровию врагов среди сражений,
Но друг, но ближний мой
И благотворный гений!¹⁷

С другим скульптурным изображением генерал-фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского (1725–1796) связано датированное 1798 годом стихотворение Дмитриева «К графу Н. П. Румянцеву», которое начинается словами:

¹⁵ Шаликов П. Путешествие в Малороссию. М., 1803. С. 207.

¹⁶ Гримм Г. Г. Проект парка Безбородко в Москве. Материалы к изучению творчества Н. А. Львова // Сообщения Института истории искусств. М., 1954. Вып. 4–5. С. 115–116; Львов Н. А. Избранные сочинения. Кельн–Веймар–Вена–Белау–СПб., 1994. С. 319.

¹⁷ Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений ... С. 309.

Что может более порадовать певца,
Как в лестный дар принять от сына
Почтенный лик его бессмертного отца!¹⁸

Судя по всему, речь идет об одном из тех мраморных бюстов, которые были заказаны после смерти фельдмаршала его сыновьями для раздачи в качестве памятного дара. Интересно, что именно такой бюст П. А. Румянцева-Задунайского оказался запечатленным на живописном портрете Николая Петровича, который экспонировался в 1905 году на знаменитой портретной выставке в Таврическом дворце, однако его последующая судьба остается неизвестной (илл. 4).

Мы не знаем, сколько всего таких бюстов было сделано, но сохранились по меньшей мере два аналогичных портрета, которые попали в собрания Русского музея и Третьяковской галереи¹⁹. До недавнего времени они считались работой того же Ж.-Д. Рашетта, учитывая определенное сходство с мраморным повторением только что рассмотренной статуи. Не останавливаясь на подробностях «переатрибуции» этих бюстов, назовем имя того, кто, по нашему мнению, был их исполнителем, – Петер-Густав Мунстер, или Мюнстер (1752–1838). В 1770-х годах он обучался в Императорской Академии художеств у Н.-Ф. Жилле, с 1796 года являлся помощником Рашетта на фарфоровом заводе, а в справочных изданиях рубежа XVIII–XIX веков значился мастером особого «мраморного отделения». Это обстоятельство объясняет как факт заказа именно ему сразу нескольких одинаковых бюстов, так и явное влияние рашеттовского прототипа на работы Мунстера. П. И. Майков, первый биограф и знаток архивов семьи Румянцевых, очевидно, опирался на некие документы, когда писал в биографии С. П. Румянцева, что он «был преисполнен сыновней любви и привязанности» к отцу и заботился «об увековечении и распространении громкой его известности», заказывая в 1799 году «бюст отца скульптору Мунстеру»²⁰.

Поэта и министра связывали с Николаем Петровичем Румянцевым (1754–1826) многолетние дружеские отношения. Известно, что после отставки 1814 года и переезда в Москву Дмитриев некоторое время жил у Румянцева, пока не был отстроен его собственный дом, сгоревший в пожа-

¹⁸ Дмитриев И. И. Полное собрание сочинений ... С. 120.

¹⁹ Государственная Третьяковская галерея : Каталог собрания. Скульптура XVIII–XX веков. М., 2000. С. 235. № 299. С. 236 (воспр.). См. также: *Карпова Е. В.* Русская и западноевропейская скульптура XVIII – начала XX века ... С. 59–61.

²⁰ *Майков П.* Румянцев Сергей Петрович // Русский биографический словарь. Пг., 1918. С. 591.



Илл. 4. П.-Г. Мюнстер.
ПОРТРЕТ П. А. РУМЯНЦЕВА-ЗАДУНАЙСКОГО.
1799. Мрамор. ГРМ

ре 1812 года. В письме, датированном 9 октября 1814 года, поэт не только благодарил графа за гостеприимство, но и упоминал о скульптурных портретах отца и сына Румянцевых: «Надеюсь, однако ж, что и мой домик скоро поспеет. Уже я в мыслях располагаю, где в кабинете моем поставить почтенные бюсты победителя при Кагуле и фридрихсгамского миротворца. Это будут почетные места в моем жилище»²¹. Между тем известно, что первый из названных бюстов еще до войны стоял в московском доме Дмитриева; это засвидетельствовал, в частности, С. П. Жихарев в своей дневниковой записи от 29 декабря 1806 года, где говорится о встрече с Н. П. Румянцевым: «...если судить по бюсту отца его, который я видел у И. И. Дмитриева, то он должен быть очень похож лицом на героя кагульского»²². Что касается упоминаемого поэтом скульптурного портрета «фридрихсгамского миротворца», то это мог быть либо отлив с небольшой гермы, тиражировавшейся в бронзе и бисквите²³, либо выполненный в натуральную величину бюст в мундире работы Л.-М. Гишара, аналогичный экспонату Русского музея²⁴.

В апреле 1834 года в доме Дмитриева появился гипсовый бюст В. А. Жуковского (илл. 5), который еще в феврале месяце писал Ивану Ивановичу: «У меня давно лежит для вас гостинец, привезенный мною вам из Италии и из Берлина. Из Италии на память о Риме Микельанджеловы Пророки и Сивиллы, гравированные Вольпатою; из Берлина простая табакерка с Рафаэлевою поэзиею – каждому свое». Здесь необходимо сделать небольшое отступление, отметив, что написание слова «поэзия» со строчной буквы, неизменно повторяемое при публикациях этого письма, требует, наверное, определенного комментария, ибо не каждый догадается, что речь идет об аллегорической фигуре Рафаэля «Поэзия» с росписи потолка в «Станца делла Сеньятура» в Ватиканском дворце.

«Еще же есть у меня в запасе для вас подарок другого рода, – продолжал Жуковский; – но прежде должен испросить у вас позволения его вам доставить: это мой бюст, сделанный в проезд мой через Берлин скульптором Вихманом; если вам захочется иметь его, то прикажите – отправлю его с транспортом. Иные находят, что он похож, другие нет; я держу нейтраль-

²¹ Сукайло В. А. Труды и дни Ивана Дмитриева. Ульяновск, 2008. С. 287.

²² Жихарев С. П. Записки современника. Дневник чиновника : в 2 т. Л., 1989. Т. 2. С. 69–70.

²³ Аналогичные бронзовые экземпляры были приобретены сравнительно недавно в собрания ГЭ и ГРМ.

²⁴ Воспроизведение см. в кн.: Государственный Русский музей. Скульптура. XVIII – начало XX века : каталог. Л., 1988. С. 49. № 267.



Илл. 5. *К.-Ф. Вихман.*
ПОРТРЕТ В. А. ЖУКОВСКОГО.
1834. Гипс.
Литературный музей ИРЛИ РАН

тет». В ответ Дмитриев шутливо корил Жуковского за то, что бюст не был прислан ему вместе с гравюрами: «При всем моем благочестии, уверяю вас, что я стал бы им любоваться еще более, чем пророками, которые подчас бывали угрюмы и бранчивы»²⁵. Присланный Дмитриеву портрет сопровождало апрельское письмо Жуковского: «Со словом Христос Воскресе имею честь поднести вам, вместо красного яйца, гипсовый экземпляр себя самого. В этом случае пользуюсь вашим благосклонным на то соизволением. Благоволите дать ему местечко гостеприимное в каком-нибудь углу вашего дома: он будет там на месте, ибо живой оригинал его привык считать ваш дом своею родною стороною»²⁶.

История с бюстами Карла-Фридриха Вихмана, которыми Жуковский одаривал друзей, довольно известна, его письма на эту тему уже не раз цитировались в литературе. Однако здесь нельзя не отметить, что в настоящее время нам известно местонахождение только двух отливов портрета Жуковского. Один из них, гипсовый и тонированный под темную бронзу, некогда входил в императорское собрание, в 1929 году он был передан из Эрмитажа в Русский музей, а сравнительно недавно, в 1993 году, в результате межмузейного обмена оказался в коллекции Литературного музея Института русской литературы РАН²⁷. Второй бюст, тоже гипсовый, но имитирующий золоченую бронзу, имеет «московское бытование», долгое время он находился в частной коллекции, а в 1978 году был принесен в дар Государственному музею А. С. Пушкина от А. В. Терновского. В данный момент он экспонируется на выставке «Министр, поэт и друг...», посвященной 250-летию со дня рождения И. И. Дмитриева.

Говоря о художественных произведениях, в свое время принадлежавших поэту, невозможно оставить без внимания его переписку с П. П. Свиным, связанную с желанием поэта иметь скульптурный портрет Александра I. Некоторые письма были приведены в книге А. В. Сукайло «Труды и дни Ивана Дмитриева» (2008). Однако поскольку автор использовал в своей работе только ту переписку, которая была опубликована А. А. Флоридовым в издании сочинений И. И. Дмитриева 1895 года, часть писем, непосредственно касающихся бюста, оказалась неиспользованной. Кроме того, явно ошибочной является датировка (вслед за А. А. Флоридовым) январем 1825 года строк, которые на самом деле относятся к

²⁵ Сукайло В. А. Труды и дни Ивана Дмитриева ... С. 766–767.

²⁶ Там же. С. 769.

²⁷ Воспроизведение см. в кн.: А. С. Пушкин и его современники в портретах. Из собраний Пушкинского Дома : Альбом. СПб., 1999. С. 159.

1821 году, к самому началу разговоров на эту тему. «Я не буду спокоен, – писал Дмитриев, – пока гостиная моя не будет украшаться мраморным бюстом любезного государя. Сделайте одолжение, похлопочите вместе с Н. А. Всеволожским доставить мне прежде рисунок по моему предположению: я хотел бы иметь его похожим на мартосов (разумеется, не в сходстве, а в расположении) без лавров с открытою шеею и в мантии; чтоб на застегжке ее, лежащей на плече, изображен двуглавый орел с Андреевскою на груди цепью и только. Сумму определяю на то две тысячи, с тем только, чтоб выплатить в три срока, и чтоб не было синих жил, ни пятен»²⁸.

Рукописные варианты писем Дмитриева к Свиньину, хранящиеся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, и их копии из архива журнала «Русская старина», находящиеся в Рукописном отделе ИРЛИ РАН, позволяют последовательно выстроить историю создания этого скульптурного портрета. Она растянулась почти на 5 лет. В 1821 году был выбран исполнитель заказа – Петр Васильевич Свинцов, окончивший в 1812 году Императорскую Академию художеств. Соглашаясь с его кандидатурой, Дмитриев замечал, что готов дать задаток, «лишь бы только Г. Свинцов сделал бюст из чистого каррарского мрамора и с возможным сходством и искусством, приняв в образец голову отделки Г. Рау[ха], а драпировку Мартоса»²⁹. Получив от Свиньина «эскиз для известного бюста», Дмитриев вносил поправки, вникая в каждую деталь: «Я им очень доволен; желал бы только, чтоб на лбу не было совсем волос, как есть в самой натуре. Желал бы также, чтоб цепь была накинута не плотно вокруг, если только можно, а более с плеч. Впрочем, я не художник, так мог и соврать. Совершенно на ваш вкус полагаюсь. Теперь остается мне ожидать вашего уведомления о цене и согласии художника на известные Вам мои условия»³⁰.

В письме от 25 мая 1822 года многие позиции повторяются, но есть и интересные замечания, касающиеся художественных предпочтений Дмитриева: «Милостивый Государь Павел Петрович! Чувствительно благодарю вас за то, что одолжили меня отдачею задатка на покупку мрамора, равно и за сообщение рисунка предполагаемой работы. Между тем признаюсь вам, что я не люблю бюстов с обтесанными плечами, в виде термов; также и высоких пьедесталов. Мне хотелось бы, чтоб голова была просто без лав-

²⁸ ОР РНБ. Ф. 608. Д. 4838. Л. 17 об.; РО ИРЛИ РАН. Ф. 265. Оп. 2. Д. 898. Л. 22.

²⁹ Там же. Л. 13; там же. Л. 15. В письме И. И. Дмитриева указано «Г. Рау», на самом деле имеется в виду знаменитый немецкий скульптор Христиан-Даниэль Раух (1777–1857).

³⁰ Там же. Л. 34; там же. Л. 41.

ров; дабы сохранить, как можно более, сходство, а с плеч спущена была тога или порфира с положением поверх андреевской цепи или по крайней мере с одним андреевским крестом вместо Спас<ова> образа, который я нахожу совсем не у места, ибо походит на панагию. В случае же, когда художник признает исполнение сего затруднительным (чего я не ожидаю) покорнейше вас прошу остаться при первом нашем положении: чтоб голова была с бюста известного берлинского скульптора, а драпировка с мартосова...»³¹

Внимательно читая письма, можно сделать вывод, что Свинцов так и не выполнил порученного ему бюста, а весной 1824 года Свиньин, по-видимому, предложивший вернуться к этому вопросу, получил от Дмитриева ответ следующего содержания: «Крайне сожалею, что на сей раз не в силах воспользоваться благосклонным предложением вашим о бюсте. Цена, конечно, умеренная, но в настоящих моих обстоятельствах я не имею ничего лишнего для прихотей моих»³². Однако через год, в апреле 1825 года, переписка о бюсте возобновилась. К тому времени появилась новая кандидатура – скульптор Михаил Григорьевич Крылов (1786–1846), который возвращался на родину после почти шестилетнего пенсионерства в Италии. Тем не менее и он, взяв задаток, ограничился лишь обещаниями, что, впрочем, было для него весьма характерно.

Исполнителем этого заказа, в конце концов, оказалась мастерская преуспевших в Петербурге итальянских мраморщиков Трискорни, семейное заведение которых находилось на Гороховой улице. 6 ноября 1825 года Дмитриев писал Свиньину: «Спешу изъяснить вам покорнейшую благодарность мою за почтенное ваше письмо и за заботы о будущем бюсте. Итак, он с высоты надежд моих спускается, как вижу, в Гороховую улицу, к давнему нашему скульптору. Я и на то согласен, лишь бы только смиренный итальянец взял в образец голову с Торвальдсенова бюста (полагая, что он должен быть сходен), а впрочем соблюл известные вам мои условия: без лавров, на драпировке висящая свободно андреевская цепь, и лучший мрамор без малейшего в отделке пятнышка спереди и на боках, а еще лучше и отовсюду <...> Вместе с условием, вверяю вам все мои интересы. Чувствительно буду вам обязан, если содействием вашим удастся мне, пока

³¹ Там же. Л. 23; там же. Л. 33. Упоминание образа Спасителя, украшающего грудь императора, свидетельствует о том, что И. И. Дмитриев имел в виду колоссальный мраморный бюст, исполненный И. П. Мартосом и торжественно открытый 2 сентября 1822 года в зале Биржи. Воспроизведения бюстов Мартоса см. в кн.: Иван Мартос, известный и неизвестный...: Портрет в творчестве скульптора. СПб., 2005. С. 24–31.

³² Там же. Л. 45; там же. Л. 61 об.

я жив, полюбоваться в моей гостиной уже мраморным бюстом моего благодетеля»³³.

В последующих письмах Дмитриев не переставал интересоваться делаемым для него скульптурным портретом Александра I, приписывая, в частности, к посланию от 5 января 1826 года: «Еще повторяю мою просьбу на счет мрам. бюста. Убедительно прошу вас помогать художнику вашим советом, и при случае уведомляя меня об успехах его работы»³⁴. Наконец, в письме О. Е. Франку от 23 июля того же года, Дмитриев сообщает, что «уже получил известие от П<авла> П<етровича> С<виньина> об отправлении ко мне бюста (Александра I. – Е. К.); нетерпеливо жду его»³⁵.

Попутно с этим заказом Свинын периодически исполнял и другие просьбы Дмитриева, касающиеся художественных произведений. Особенно часто речь шла о гравированных портретах (Байрона, Георга III, Петра I, Екатерины II и т. д.). В октябре 1826 года он пожелал, например, узнать: «Нет ли у Трескорни мраморных Аполлона бельвед<ерского> и трех граций, не выше аршина? Мне хотелось бы иметь обе штуки для двух в ротонде наугольников»³⁶, а в ноябре 1835 года сам рассказывал о том, что, будучи в Петербурге, «купил у Трескорни 2 мраморных бюста: Петра Великого и Бонапарта. Первый его работы, бывший на московской выставке, а последний привезен из Италии»³⁷.

Любопытнейшей иллюстрацией к переписке Дмитриева и Свинына мог бы стать обнаруженный в каком-либо из музейных собраний мраморный бюст Александра I, выполненный в мастерской Трескорни и соответствующий пожеланиям поэта. Но, к сожалению, несмотря на предпринятые поиски, ничего подобного обнаружить не удалось. В основном распространение получили портреты Александра I в лавровом венке и антикизированном плаще, варьировавшие «тип» Мартоса и исполнявшиеся, между прочим, в той же мастерской Трескорни (подписной экземпляр такого бюста хранится в Третьяковской галерее).

³³ ОР РНБ. Ф. 608. Д. 4838. Л. 49; РО ИРЛИ РАН. Ф. 265. Оп. 2. Д. 898. Л. 67. См. также письма И. И. Дмитриева, опубликованные А. В. Сукайло (Труды и дни Ивана Дмитриева ... С. 611, 642).

³⁴ Там же. Л. 50; там же. Л. 69.

³⁵ Сукайло А. В. Труды и дни Ивана Дмитриева ... С. 665.

³⁶ ОР РНБ. Ф. 608. Д. 4838. Л. 65 об.; РО ИРЛИ РАН. Ф. 265. Оп. 2. Д. 898. Л. 95.

³⁷ Там же. Л. 103 об.; там же. Д. 897. Л. 16.

Очень близок ему и мраморный бюст, принадлежащий в настоящее время Литературному музею ИРЛИ РАН³⁸. Происхождение его неизвестно, однако нам представляется вполне вероятным, что это тот самый портрет, который, согласно архивным документам, в 1824 году был продан П. П. Свиным за две тысячи рублей в Российскую Академию для украшения зала академических заседаний³⁹. Живописные и скульптурные изображения из этой галереи унаследовала Академия наук, а затем – Литературный музей Пушкинского Дома⁴⁰.

Этот путь прошел и живописный портрет И. И. Дмитриева работы Василия Андреевича Тропинина (1776–1857), переданный в 1953 году во Всесоюзный (Всероссийский) музей А. С. Пушкина⁴¹. Инициатором его создания выступила Российская Академия, которая на своем заседании 31 августа 1835 года единогласно постановила «написать на счет Академии портрет члена Академии И. И. Дмитриева, и поставить оный в зале Собрания, как памятник признательности Академии к отличным дарованиям Его Высокопревосходительства и к знаменитым заслугам, кои оказаны им Российскому слову»⁴². В ответном письме Дмитриев не только благодарил Академию, но и брал на себя все издержки по написанию портрета, который лично заказывал лучшему московскому портретисту.

В заключение нельзя не вспомнить эпитафию И. И. Дмитриева, посвященную князю Александру Михайловичу Белосельскому-Белозерскому (1752–1809). Она высечена в граните над многофигурным мраморным горельефом, созданным бельгийским скульптором Жозефом Камберленом (1756–1821) по проекту архитектора Тома де Томона. Интересно, что под текстом эпитафии был указан ее автор:

³⁸ Воспроизведение см. в кн.: А. С. Пушкин и его современники в портретах ... С. 238.

³⁹ ПФА РАН. Ф. 8. Оп. 1. Д. 29. Л. 12–12 об.

⁴⁰ См. об этом: *Кочнева Е. В.* Портретная галерея Российской академии в собрании Литературного музея ИРЛИ РАН (по материалам выставки «Слава Академии Российской», посвященной 225-летию учреждения Российской Академии) // *Российская Академия (1783–1841): язык и литература в России на рубеже XVIII–XIX веков.* СПб., 2009. С. 183–205.

⁴¹ Воспроизведение см. в кн.: А. С. Пушкин и его время в изобразительном искусстве первой половины 19 века. Л., 1985. Ил. 145; *Петинова Е. Ф.* Василий Андреевич Тропинин. Л., 1987. Ил. 62.

⁴² ПФА РАН. Ф. 8. Оп. 1. Д. 40. Л. 114–114 об.

Пусть Клио род его от Рурика ведет;
Поет⁴³, к достоинству любовью привлеченный,
С благоговением на камень сей кладет
Венок, слезами Муз и дружбы орошенный.

Дмитриев⁴⁴.

Этот мемориальный памятник и поныне можно видеть на наружной стене Лазаревской усыпальницы Александро-Невской лавры.

Настоящее сообщение является лишь первым приближением к теме, которая актуальна, наверное, не только по отношению к И. И. Дмитриеву. Отклики на сохранившиеся или со временем утраченные художественные произведения встречаются у многих литераторов и поэтов. Однако далеко не всегда их удастся должным образом прокомментировать, здесь зачастую необходимы усилия не только литературоведов, но и историков искусства.



⁴³ То есть «поэт».

⁴⁴ Эпитафия приводится по кн.: Художественное надгробие в собрании Государственного музея городской скульптуры : научный каталог : в 3 т. Т. 1 : Благовещенская и Лазаревская усыпальницы. СПб., 2004. С. 118.

**«ОСЕНЬ ПАТРИАРХА»:
НЕИЗВЕСТНЫЕ МЕМУАРЫ О ПОЗДНИХ ГОДАХ
ДМИТРИЕВА**

С. И. Панов

Задумывая жизнеописание И. И. Дмитриева, П. А. Вяземский сразу же после смерти поэта начал собирать мемуарные свидетельства людей из дмитриевского окружения, старался получить его письма к разным адресатам. Так у него сформировался комплекс документов о кончине Дмитриева, который позднее был передан Я. К. Гроту, а уже в XX веке опубликован К. Я. Гротом¹. Находились у Вяземского и другие связанные с Дмитриевым материалы. В Остафьевском архиве хранятся, в частности, списки двух неизданных очерков мемуарного характера с пояснительной пометой Вяземского: «Дмитриев Ив. Ив. Статьи из его биографии»². Решить задачу определения авторства этих текстов, никак не обозначенного в рукописи, стало возможно лишь после изучения писем к Вяземскому от А. А. Иовского за 1842–1845 годы³. Одно его письмо 1837 года уже было известно – оно входит в опубликованную Гротом подборку документов⁴; неизданная же часть эпистолярия не только содержит прямое указание на авторство Иовского относительно одного из очерков, но и дополняет мемуарный комплекс

¹ Грот К. Я. К биографии И. И. Дмитриева. Неизданные письма и заметки, относящиеся ко времени его кончины (3 октября 1837 года). СПб., 1902 (оттиск из: Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. 1901. Т. VI. Кн. 4).

² РГАЛИ. Ф. 195.1.1187а.

³ РГАЛИ. Ф. 195.1.1966.

⁴ Грот К. Я. К биографии И. И. Дмитриева ... С. 33–38.

новыми текстами, так как два ноябрьских письма 1844 года тоже представляют собой написанные по просьбе Вяземского воспоминания⁵.

Их автор был достаточно известным в Москве ученым-медиком и естественником, почти вся служба которого была связана с Московским императорским университетом, знакомство же с И. И. Дмитриевым, переросшее в многолетнее общение, завязалось во многом случайно – «по соседски».

Александр Алексеевич Иовский родился 29 августа 1796 года в Острогжске Воронежской губернии, где его отец был протоиереем⁶. «По окончании курса наук в Воронежской семинарии исправлял должность рисовального учителя в продолжении двух лет; по увольнении из духовного звания, принят в число студентов Московского университета 1816 года августа 20-го и с 1817 года помещен на казенное содержание». Получив за успехи на физико-математическом факультете серебряную медаль, он со второго курса перешел на медицинский факультет, где был отмечен уже золотой медалью. В 1822 году получил звание доктора медицины (*Dissertatio medico-chemica de acidis, quae oxygenio carent <...> / Defendit Alexander Iowsky. Mosquae: Typ. Univ. Caesariae, 1822*) и оставлен при университете с магистерским окладом. Еще студентом начал издавать переводы, а затем и собственные научные труды: «Лекарственный или Фармакология» Курта Шпренгеля (1822, с лат.), «Руководство к осмотру аптек» Иоанна Ниманна (1822, с нем.), «Начальные основания химии» (1822, 2 части; дополн. и переработ. изд. 1827–1828).

⁵ Выдержки из этих мемуаров были нами сообщены ряду коллег и уже цитировались и упоминались в печати (см. напр.: *Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского* / Сост. А. М. Песков. М., 1998. С. 23–24). Охарактеризовав эти мемуары как «замечательно интересные», А. Г. Тартаковский пожелал нам скорее опубликовать их (см.: *Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века*. М., 1997. С. 246–247). К сожалению, лишь теперь исполняем это пожелание. Наши первоначальные колебания относительно авторства очерка «Домашний быт И. И. Дмитриева» отразились в: *Орлов А. А. Нравственно-сатирические повести* / Предисл. и публ. А. И. Рейтблата // *Новое литературное обозрение*. 1996. № 22. С. 10–11, где его предположительным автором назван Н. Д. Иванчин-Писарев.

⁶ Основным фактическим источником для биографии А. А. Иовского является статья о нем в «Биографическом словаре профессоров и преподавателей имп. Московского университета» (М., 1855. Ч. I. С. 359–364; далее цитируется без ссылок), которую частично дополняет «Выписка из Аттестата профессора Московского университета А. А. Иовского» из собрания М. П. Погодина (РГБ. Ф. 231/IV.1.38) – она составлена во второй половине 1860-х годов. См. также: *Ушакова Н. Н., Соловьев Ю. И.* Передовой профессор Московского университета А. А. Иовский // *Труды Института истории естествознания и техники*. М., 1954. Т. 2. С. 4–18; *Змеев Л. Ф.* Русские врачи-писатели. СПб., 1886. Вып. 1; *Венгеров С. А.* Источники словаря русских писателей. СПб., 1910. Т. 2. С. 527.

В 1823 году Иовский «отправлен был от университета в чужие края для усовершенствования в химии и фармации». Три года пребывания в Германии, Париже и Лондоне (в этом городе он нашел покровительство авторитетного священника русской церкви Я. И. Смирнова⁷) не только много дали Александру Алексеевичу в профессиональном плане, но и окончательно сформировали его как человека науки. Лекции и работа в лабораториях знаменитых профессоров, знакомство с европейскими научными институциями и системой образования (по поручению министра просвещения А. С. Шишкова Иовский в 1825 году составил обзор «О ходе и успехах Народного Просвещения в Германии, Франции и Англии») необычайно расширили его кругозор⁸.

Летом 1826 года Иовский вернулся в Россию и вскоре был утвержден адъюнктом и приступил к преподаванию в университете (вел курсы по химии и фармацевтике). Поселился он у Патриарших прудов и невольно оказался соседом И. И. Дмитриева, с которым у него завязалось близкое знакомство, продолжавшееся до смерти поэта.

В 1830-е годы Иовский быстро растет в чинах: надворный (1833), коллежский советник (1835, причем только с этого года он стал экстраординарным профессором) – полковничий чин, соответствовавший в то время званию академика. Кроме учебных и научных сочинений⁹ Иовский в 1828–1832 годах издает «Вестник естественных наук и медицины» (в 1829 году как приложение к нему выходит «Журнал хозяйственной химии»), где в 1829 году дебютирует в печати 17-летний А. И. Герцен (Иовский был врачом в семье его отца, И. А. Яковлева). Во время эпидемии 1830–1831 годов Иовский возглавлял холерную больницу при университете, выпустил пособие «О болезни, называемой холерою, о лечении ее и предохранении себя от оной», получил монаршее благоволение; с 1836 года заведовал университетской аптекой.

Как автор многочисленных ученых трудов Иовский стал замечен и в литературном мире: отклики и рецензии на его книги появляются в «Мос-

⁷ См. о нем: *Кросс Э. Г.* У Темзских берегов : Россияне в Британии в XVIII веке. СПб., 1996; по указателю.

⁸ См. составленное по автобиографическим материалам самого Иовского подробное описание его занятий за границей в словаре профессоров Московского университета, занимающее почти всю содержательную часть статьи о нем (с. 360–362).

⁹ Отметим важное для своего времени сочинение, имевшее большое значение, в частности, в судебной медицине: «Руководство к распознаванию ядов, противоядий и к вернейшему определению первых как в организме, так и вне оного, посредством химических средств, названных реактивными» (М., 1834).

ковском телеграфе», «Сыне отечества», «Северном архиве», позже – в «Библиотеке для чтения». При этом прочных связей в писательских кругах, как и в московском светском обществе, он, судя по всему, не установил, обращая преимущественно в университетской и профессиональной среде. Из его писем к Вяземскому можно сделать вывод, что Иовский пережил какие-то личные неприятности и столкнулся с недоброжелательным отношением влиятельных людей.

Возможно, у Иовского сложились и напряженные родственные отношения. По всей видимости, у него был брат Петр Алексеевич, в 1830-е годы тоже служивший в Московском университете: «адъюнкт по кафедре права политического и народного, магистр нравственных и политических наук, по смерти профессора Цветаева, с февраля 1835 г. читал право политическое и народное, а в первой половине 1835/6 академического года российское государственное право <...> В это время он был и секретарем отделения нравственных и политических наук. С новым образованием кафедр юридического факультета Иовский выбыл из Московского университета»¹⁰. Петр Иовский напечатал ряд работ по теории финансов и вопросам государственного и общественного устройства, а также пробовал свои силы в различных литературных жанрах, вплоть до исторической и нравоописательной романистики. Дебютировал он еще университетским студентом в «Вестнике Европы»: в 1820 году с продолжением печатается его обширное исследование «Сравнение внутренней и внешней торговли» (№№ 20–23), а в двух первых номерах 1821 года – сочинение «О коренных постановлениях России как причине ее непоколебимого благоденствия», обозначенное как «Приветствие Отечеству в новый год». Позже вышла его брошюра «Рассуждение о соразмерности налогов со способами каждого из платящих, сочиненное Отделением наук нравственно-политических кандидатом Петром Иовским для получения степени магистра» (М., 1825), а последняя известная его публикация – «Записки о природе, человеке и обществе» (М., 1845)¹¹. Главными его трудами была книга «О монархическом правлении» (М., 1826)¹² и сборник разножанровых текстов «Элизиум, аль-

¹⁰ Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета. Ч. I. С. 364.

¹¹ См.: Венгеров С. А. Источники словаря русских писателей. СПб., 1910. Т. 2. С. 527, где отмечены отклики на эти «Записки» в «Современнике» (1845. Т. 40) и «Отечественных записках» (1845. Т. 42).

¹² Вышла в типографии П. Кузнецова; цензурное разрешение от 3 июня 1826 г., за месяц с небольшим до казни пятерых декабристов. Наряду с традиционной университетской ученостью, в этой книге, как и в альманахе «Элизиум», автор выражает свое англофильство (ста-

манах на 1832 год. Сочинение П. Иовского» (М., 1832; разрешение цензора С. Т. Аксакова от 9 сентября 1831 года)¹³.

Однако в жизни П. А. Иовского произошло неприятное событие. В конце 1823 года было перлюстрировано письмо студента Иовского (он учился в Московском университете в 1819–1825 годах) к Г. В. Квитке-Основьяненко с резкими отзывами о распространении духа военщины («варварский бранноносный дух») в системе образования России. Письмо представили лично А. А. Аракчееву, который докладывал о нем Александру I¹⁴. Император повелел «обратить на Иовского особенное внимание», и студент был взят под гласный надзор полиции, что не помешало ему получить степень магистра и устроиться в канцелярию министра народного просвещения. Способностями П. А. Иовского начальство было

бильное общественное устройство, опирающееся на технократию); свое кредо формулирует так: «Монархия есть великое народное семейство единодушия, дружества, любви, мира и счастья». По его мнению, республиканское правление провоцирует к раздорам и нестабильности, монархическое — стремится к миру и порядку. «История Англии и Франции преимущественно были для меня такими картинами, на которых ясно изображена сия святая истина, что власть монархическая необходима и спасительна для народов». Завершает книжку «отрывок из разговора политического» (с. 212–233) между *Д* и *Н* (выражает авторскую позицию) о степени допустимой свободы в обществе и в политических полемиках. *Н* объясняет: «В суждениях политических более всего участвует чувство сердца. Причина, заставляющая людей говорить о вещах политических, есть всегда почти неудовольствие против правительства, а особливо в нынешние времена она составляет почти единственную причину». Более же всего пагубны апелляции к «черни», которая падка на идеи не «глубокомысленные», а «льстивые»; в этой связи автор апеллирует к опыту Франции: «Когда во Франции позволена была совершенная вольность тиснения, тогда революция гораздо быстрее приближалась, нежели того ожидали преобразователи, и она была такова, какой совсем не воображали и от которой сами они наконец содрогнулись». Прагматика книги, конечно, в заявлении авторской лояльности, но при этом Петр Иовский воздерживается от прямых филиппик в адрес бунтовщиков 14 декабря и старается выглядеть беспристрастным.

¹³ Чтобы дать понятие о литературных трудах П. А. Иовского, считаем не лишним привести оглавление этого альманаха: Письмо к другу: О науках; Несколько мыслей о воспитании; Отрывки из романа: Траурный билет <герой Вельский приезжает из столицы в провинцию; Губернские страсти: романы, дуэль...>; Разные мысли; Анекдоты; О разных политических предметах <статья: Взгляд на политику прежних времен; Листок из новейшей Истории; О Французской Революции; О науке права Естественного; Об истории; О процентах; О машинах>; Война раков с лягушками. Фантазия (Подражание Гомеровою Ватромахномании) <в прозе>; Еще несколько анекдотов; Две главы из Исторического романа: Бирон, Герцог Курляндский; Отрывок из комедии: Магистр, или Вот те-на!; Смертный обморок. Повесть; О свободе торговли; Соблазнитель. Повесть; Смесь. — Всего 316 с.

¹⁴ Весь этот сюжет излагается по делу III Отделения, заведенному на П. А. Иовского (ГА РФ. 109. 1-я экспедиция. 1829. Оп. 4. № 329). Юный П. Иовский в 1818 году под покровительством Г. В. Квитки разрабатывал в Харькове проект училища-пансиона «для истинно благородного воспитания дворянства», вместо которого решено было открыть кадетские корпуса.

довольно, но какой-то скандал в 1828 году заставил уволить его с перспективного места в министерской канцелярии. Более того, вновь об Иовском докладывали императору. Николай I приказал оставить его на службе «под строгим присмотром». «Иовский, не имея никакого состояния и никаких способов к содержанию себя, доведен ныне до крайности и отчаяния от тягостного над ним надзора, по которому он не может получить соответственно способностям и сведениям его места с достойным для своего содержания жалованием»¹⁵, — докладывал в 1829 году С. Г. Строганов А. Х. Бенкендорфу. Дело обсуждалось двумя министрами, столичным генерал-губернатором П. В. Голенищевым-Кутузовым и Бенкендорфом; не числа за Иовским особых прегрешений, восстановить его репутацию и освободить от надзора (хотя бы гласного) оказалось нелегко. Судьба была сломана; в середине 1830-х годов краткая служба в университете, вновь увольнение, возвращение в Петербург.

Возможно, эти неприятности осложнили отношения между братьями, А. А. Иовский в своих воспоминаниях даже не упоминает о Петре, хотя, казалось бы, и он мог войти в круг Дмитриева — по своим литературным и научным интересам он мог бы стать для отставного министра собеседником не хуже своего брата.

Со смертью Дмитриева, последовавшей 3 октября 1837 года, А. А. Иовский лишился своего многолетнего благодетеля, но это печальное событие способствовало установлению его связей с П. А. Вяземским.

Получив в Петербурге известие о смерти старого поэта, Вяземский 9 октября отправляет предписание своему поверенному в хозяйственных делах Демиду Муромцеву собрать по возможности более полные сведения об обстоятельствах болезни и кончины Дмитриева. 13 октября Муромцев высылает князю «показания», записанные со слов камердинера Дмитриева, Николая. В них главными лечащими врачами названы Ф. П. Гааз и А. А. Иовский¹⁶. С Иовским Вяземский был немного знаком через Дмитриева, но имени-отчества его не помнил и решил справиться у В. Ф. Одоевского: «Не знаете ли, как прозывается московский доктор Иовский, некогда издававший медицинский журнал, и приятель Ив. Ив. Он был и при смерти его, и мне хочется потребовать от него подробностей»¹⁷. Возможно, так и

¹⁵ ГА РФ. 109. 1-я экспедиция ... № 329.

¹⁶ Грот К. Я. К биографии И. И. Дмитриева ... С. 40. Ср. письмо М. П. Погодина от 13 октября 1837 года племяннику Дмитриева (*Дмитриев М. А.* Мелочи из запаса моей памяти. 2-е изд. М., 1869. С. 154–155).

¹⁷ Из собрания автографов имп. Публичной библиотеки. СПб., 1898. С. 83.

не получив нужную информацию, 17 октября Вяземский все же пишет Иовскому, и тот отвечает 26 октября пространным письмом, подробно описывая скоротечную смертельную болезнь Дмитриева и его похороны. При этом Иовский считает нужным напомнить, что 12 лет пользовался симпатией и покровительством Дмитриева, и упомянуть о своих непростых жизненных обстоятельствах: «В продолжение 12 лет я испытал и жестокость потерь семейных, и много, много горя; но я видел всегда у себя и с собою Ивана Ивановича. Это единственный утешитель, который не раз спасал меня, чтобы я не упал совсем духом. Ах! как он любил меня и как жестока для меня потеря его!» И в конце письма еще раз повторяет, что о нем Иван Иванович «бескорыстно, по одному только чувству своего сердца, заботился, как о близком родном в продолжение 12 лет»¹⁸.

В конце октября в Москву приезжает В. А. Жуковский, сопровождавший наследника престола в путешествии по России. Вяземский спешит дать ему поручение: «Отыщи в Москве доктора Иовского, узнаешь о нем в доме Ивана Ивановича. Он был очень близкий ему человек, Дмитриев любил и уважал его и часто с ним бывал. От него можешь многое узнать, а также и о подробностях последних дней его. Я собираюсь написать о Дмитриеве. Как мне больно, что я не записывал всех разговоров его со мною, то есть всех рассказов. Это были бы живые комментарии к Запискам его, которые писаны *чистосердечно*, но не *откровенно*. Спроси Иовского, не вел ли он журнала и не записывал ли он слышанное им от Дмитриева?» (Письмо от 2 ноября 1837¹⁹.)

Одновременно Вяземский получает письма от другого «домашнего» человека И. И. Дмитриева – писателя Н. Д. Иванчина-Писарева, который призывает Вяземского исполнить «волю покойного Ивана Ивановича написанием его биографии» и высылает в качестве материала для этой работы свои разрозненные воспоминания. В них, между прочим, он напомнил историю разорившегося московского книгопродавца и издателя П. Кузнецова, о котором хлопотал Дмитриев²⁰. Просьба в память о Дмитриеве помочь Кузнецову не оставила Вяземского безучастным, более того, в этой связи он подумал о возможности в чем-то посодействовать и Иовскому. 11 ноября Вяземский просит Жуковского похлопотать за Кузнецова, «в котором Дмитриев принимал живейшее участие», и добавляет: «Пошли и за докто-

¹⁸ Грот К. Я. К биографии И. И. Дмитриева ... С. 34, 37.

¹⁹ Русский архив. 1900. № 3. С. 382 (с уточнением по подлиннику: РО ИРЛИ. Собрание А. Ф. Онегина. 27.985. Л. 77).

²⁰ Грот К. Я. К биографии И. И. Дмитриева ... С. 28. Здесь же см. коммент. о хлопотах Дмитриева и Вяземского за Кузнецова.

ром Иовским. Его также завещал Дмитриев дружбе нашей. Может быть, и ему успеешь в чем-нибудь помочь. <...> Дмитриев скажет тебе спасибо оттуда, где добрые дела и добрые намерения не пропадают»²¹.

Неизвестно, встретился ли Жуковский с Иовским и сделал ли для него что-либо. В течение последующих шести лет Иовский в университете «читал фармацию на 2 курсе, на третьем фармакологию с токсикологию, с изъяснением минеральных вод и рецептурою, по 1842/3 академический год включительно, когда по прошению был уволен в отставку»²². В 1837–1838 годах выходят последние книги Иовского, по темам его университетских курсов: «Памятная книжка для занимающихся фармациею и рецептурою» и «Начертание фармации». За свои труды и беспорочную службу Иовский получает благодарности министра народного просвещения и попечителя учебного округа, а в 1840 году – благодарность министра внутренних дел за представленную им записку с предложениями по улучшению системы «народного продовольствия». В том же году Иовский был произведен в статские советники²³. Вероятно, он приобрел какое-то имение в Орловской губернии и в этой связи оказался втянут в судебные разбирательства.

Ища влиятельной поддержки, он в 1842 году обращается за помощью к Вяземскому. Первое его письмо с описанием существа дела в бумагах Вяземского не сохранилось – по всей видимости, оно было передано князем министру внутренних дел Л. А. Перовскому с просьбой помочь. Министр принял дело на заметку, о чем Вяземский сообщил Иовскому. 28 августа 1842 года Иовский, приехавший хлопотать в Орел, уже благодарит Вяземского и сообщает, что в результате «ордера г. министра к орловскому прокурору» в его деле произошла «большая перемена», тем более что в губернии в это время проводил ревизию сенатор Д. Н. Бегичев, устроивший разнос местным чиновникам («но Бегичев уедет, новые члены <губернского управления> вспомнят о старой колее, и опять то же и опять старое!» – опасается Иовский)²⁴.

Наступивший учебный год был последним в преподавательской карьере Иовского. В его аттестате отмечено, что в 1843 году он «по своей просьбе за болезнь <...> уволен от службы при Университете с производ-

²¹ Русский архив. 1900. № 3. С. 384.

²² Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета. Ч. I. С. 363.

²³ РГБ. Ф. 231/IV.1.38. Вновь отметим пожалование генеральского (и «ректорского») чина при невысокой должности экстраординарного профессора.

²⁴ РГАЛИ. Ф. 195.1.1966. Л. 1–2.

ством за свыше 20-летнюю службу по учебной части полной пенсии 1000 руб. 72 коп. сер[ебром] в год»²⁵.

Выйдя в отставку, Иовский уезжает в Орловскую губернию, где селится в местечке Ливны. Его судебная тяжба продолжается, и отставной профессор вновь прибегает к помощи Вяземского, 10 сентября 1844 года отправляя через него «жалобу к министру внутренних дел». При этом он сообщает о себе: «Вот уже другой год, как я в глуши и в глуши совершенной, несмотря на расстояние 350 верст от Москвы, где довольно уже рассеяно понятий, прокаленных в горниле просвещения и образованности. О, как страшно мне было ехать сюда, я писал об этом прошлого года Вашему сиятельству. Часто вспоминаю я, что “где грамота, там просвещение, где просвещение, там добро”²⁶. Некогда я переделал этот стих так: где закон, там просвещение, но это нелепость. Не просвещение от закона, а закон от просвещения понятен, ясен, чист. Дикий не понимает обязательств общества гражданского, а гражданственность только с просвещением является; тогда и законы суть законы. Теперь мне само собою выяснилось, что Поэт лучше меня понимал общество. – Общество – как оно мудрено. Возле меня живут три соседа, которые, кажется, меня любят – люди, которые никогда не думали и не воображали, что есть еще птица, называемая Литературою, что эта птица также иногда хорошо поет, как соловей весною. Но эти люди искренно верят, что с того времени, как стали мальчиков учить грамоте, стал хуже родиться хлеб²⁷ и т. п. Не воображайте, чтобы это были люди старые – нисколько. Старшему из них не более 50 лет. Но и то счастье, что они не подьячие. А подьячих здесь довольно, и достается от них всем сестрам по серьгам. Знать их – грустно, а не знать – еще приходится грустнее. Как хочешь, не отвертись, как скоро промолвят: “он знать нас не хочет, он горд – посмотрим”. И смотри – быть беде или неудовольствию. Ежели, как помню, А. П. Ермолов горько

²⁵ РГБ. Ф. 231/IV.1.38. К началу 1840-х годов относится попытка Иовского наладить сотрудничество с «Москвитянином» в качестве автора мелких естественнонаучных материалов (см. два его письма к М. П. Погодину: РГБ. Ф. 231/III.14.13).

²⁶ Иовский цитирует стихотворение Вяземского «1828 год».

²⁷ Аллюзия к первой сатире Кантемира «На хулящих учения», где Силван утверждает: «Гораздо в невежестве больше хлеба жали» и т. д.

жаловался на них²⁸, то мне не мудрено. В продолжении года я иногда терпел порядочно, но теперь уже терплю слишком больно»²⁹.

Возлагая «полную надежду» на помощь Вяземского, Иовский апеллирует к памяти Дмитриева: «Надежда моя на неизгладимое для меня выражение письма вашего: дружба наша к И. И. Дмитриеву должна нас связывать». Жалуясь на несносную скуку и «судебную расправу», вгоняющие его в болезни, Иовский говорит о возникающем у него желании вернуться на службу, «приютиться к какому-либо министру, хоть по особым поручениям». На этом письме Вяземский сделал помету: «Послал письмо к Перовскому с запискою от себя 25 сент., отвечал 14 окт., что писано Орловскому губер<натору> от 5 октября за № 4714 – и просил воспоминаний о И. Ив. Дмитриеве»³⁰. В ответ на это письмо Вяземского от 14 октября 1844 года Иовский начинает сообщать ему свои воспоминания о Дмитриеве.

О последнем десятилетии жизни Иовского мы почти ничего не знаем. Копия его аттестата из бумаг М. П. Погодина завершается такой записью: «Умер в 1856 году; жена получала таковую же пенсию <назначенную Иовскому в 1843 году> по день смерти 1865 года ноября 30-го дня; ныне осталась больная дочь девица 22 лет и не имеющая никакого состояния»³¹.

Вяземский обращался к хранившимся у него бумагам Иовского, сделал из них выписку о Гоголе, но не стал использовать ее ни в статье «Иван Иванович Дмитриев» (1866), ни в мелких мемуарных публикациях. Спустя век в приговорительных материалах Вяземского эту выписку обнаружил М. И. Гиллельсон и напечатал, сочтя текстом Вяземского 1866 года³². С тех пор этот колоритный фрагмент нередко приводится в критической и биографической литературе о Гоголе в качестве рассказа Вяземского³³. Отведение его авторства не означает автоматическую дискредитацию самого мемуарного источника, но заставляет произвести его переоценку.

²⁸ После своей отставки Ермолов в 1827–1831 годах жил у отца в Орле, и в губернии долго ходили рассказы о выдающемся генерале. Об интересе Дмитриева к литературным занятиям Ермолова см. в публикуемом ниже очерке «Домашний быт И. И. Дмитриева».

²⁹ РГАЛИ. Ф. 195.1.1966. Л. 3–4 об.

³⁰ Там же.

³¹ РГБ. Ф. 231/IV.1.38.

³² Гиллельсон М. И., Мануйлов В. А., Степанов А. Н. Гоголь в Петербурге. Лениздат, 1961. С. 115–116. (От слов «...но встреча с Пушкиным и Гоголем» до слов «в нем будет прок»; см. в очерке «Домашний быт И. И. Дмитриева».)

³³ Например: *Машинский С.* Художественный мир Гоголя. М., 1979. С. 77; *Манн Ю.* «Сквозь видный миру смех...»: Жизнь Н. В. Гоголя. 1809–1835. М., 1994. С. 314.

* * *

В целом, мемуарные свидетельства Иовского о Дмитриеве выглядят вполне правдиво. Конечно, датировки того или иного рассказа или встречи определены весьма условно, как в большинстве воспоминаний (за исключением небольших «подневных» подборок, составленных М. П. Погодиным и П. А. Вяземским по свежим следам встреч с Дмитриевым), но добросовестность Иовского почти не вызывает сомнения. Впрочем, во многом он сообщает то, что хорошо известно о двух последних десятилетиях жизни Дмитриева, но иначе не могло и быть – жизнь эта проходила на виду и приковывала к себе пристальное внимание. Дмитриев сам выбирал, что должно остаться о нем в памяти следующих поколений, и умело манипулировал мемуаристами, провоцируя их многократно повторять одни и те же сюжеты, в кругу которых находятся и воспоминания Иовского.

Они принадлежат к корпусу мемуаристики восторженной, создающей образ благородного и честного сановника, патриарха отечественной словесности, хорошо знающего цену людям и себе самому, но всегда сдержанного и несуетного; образ нравственного арбитра в обществе, речение об успехах которого он добровольно возложил на себя как этический долг гражданина. Арбитр должен быть на виду, его авторитет определяется не только внешними заслугами, но и опытом жизни, дающей образец другим, а следовательно, им известной. Дмитриев представил себя обществу во «Взгляде на мою жизнь». Вяземский сетовал, что эти записки написаны «в мундире»³⁴, но в мундире не столько министра и сенатора, сколько образцового гражданина. В дне сегодняшнем и в своем кругу Дмитриев боролся за близкие ему принципы, пытаясь формировать общественное мнение, создавая и ниспровергая репутации, и был «беспощадный подглядатай и ловец всего смешного» (Вяземский. Т. 8. С. 174), чего многие современники с огорчением не нашли в его записках. Предъявляя себя читателю, Дмитриев желал быть дидактичен. Свое жизнеописание, раздробив его на сюжетные фрагменты, он широко тиражировал – консультируя своего первого биографа Вяземского («Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева», 1821, опубл. 1823), готовя справку для «Учебной книги» Н. И. Греча (1821), позже распространяя копии избранных страниц

³⁴ Вяземский П. А. Полное собрание сочинений СПб., 1888. Т. 9. С. 36.

«Взгляда...», зачитывая и пересказывая их на своих вечерах. Даже не читавшие его мемуаров знали то, что Дмитриев хотел в них подчеркнуть³⁵.

Во многом на таких «общих темах» и строятся воспоминания Иовского. В первом мемуарном письме от 8 ноября 1844 года он рассказывает Вяземскому о своем знакомстве с Дмитриевым. Главная тема – популярность Дмитриева «в учебных местах», поощрение им стремления к просвещению и литературных увлечений во всех кругах общества. Эта черта выделялась и в некрологе С. П. Шевырева: «Не было ни одного значительного ученого или литературного собрания, в котором он не принял бы живого участия, которого не почтил бы своим присутствием <...>. Мы помним еще недавно, как он присутствовал на ученых диспутах Московского университета <...>. На концертах, на актах пансионеров и университета, всюду где только бывал случай заметить первый рассвет дарования, новую надежду литературы или науки, он являлся тут, вменяя это себе в какую-то строгую, нравственную обязанность» и т. д.³⁶

Среди важных новых данных к биографии Дмитриева, которые приводит Иовский, внимания заслуживает сообщение об участии Дмитриева в «Вестнике естественных наук и медицины» (Грот. С. 37). Тут напечатан очерк «Анатомический Амфитеатр»³⁷ – перевод из «Картин Парижа» Л. С. Мерсье³⁸. Как известно, Дмитриев переводил Мерсье еще в начале своих литературных занятий – в 1786 году в журнале «Зеркало света» (ч. 3. № 1) был помещен его перевод «Философ, живущий у хлебного рынка» (отд. изд.: 1786, 1787, 1792).

Центральной темой рассказа Иовского о министерском служении Дмитриева стал проект о необходимости аттестата для получения гражданскими чиновниками 8-го класса по табели о рангах (коллежского асессора, первого штаб-офицерского чина по военной номенклатуре). Подобный указ был утвержден 6 августа 1809 года, и готовил его М. М. Сперанский, что было общеизвестно. Сам Иовский правильно называет его «указом 1809 г.», при этом настойчиво приписывая авторство Дмитриеву, и даже рисует сцену «в лицах» его беседы с Александром I об этом указе («Спасибо,

³⁵ См., например, «правильно» составленный С. П. Шевыревым некролог Дмитриева (Московские ведомости. 1837. № 83, 16 октября), который так высоко оценил Вяземский – именно за точность отбора знаковых аспектов.

³⁶ Там же. С. 610. Ср.: Сушков Н. В. Московский университетский Благородный пансион. М., 1858. С. 36.

³⁷ Вестник естественных наук и медицины. 1828. № 8. С. 417–428.

³⁸ См.: Mercier L. S. Tableaux de Paris / Ed. J.-C. Bonnet. P.: Mercure de France, 1994. Т. 1. Р. 172–189.

И. Иванович. Весьма тебе благодарен» и т. д.). Однако же министерство Дмитриева началось с января 1810 года, в 1809 году он жил в Москве и к закону Сперанского никакого отношения не имел. Что здесь – аберрация памяти мемуариста или сознательный вымысел? Второе маловероятно. Постараемся разобраться в причинах возникшего у Иовского смещения фактов³⁹.

Само внимание, которое мемуарист уделяет данному вопросу, говорит о том, что эта тема была нередкой в рассказах Дмитриева. О чем же он мог поведать молодому собеседнику? Действительно, в должности министра Дмитриев принимал участие в разработке нормативных положений по применению указа 1809 года. 10 апреля 1812 года Александр I создал особый комитет для «составления общих по всем частям гражданской службы правил, для какого рода службы каких именно наук познание нужно, дабы, определив то, подвергать при производстве в чины экзамену, с сим сообразному»⁴⁰. В состав комитета вошли министр народного просвещения А. К. Разумовский, министр юстиции И. И. Дмитриев, министр внутренних дел О. П. Козодавлев и государственный контролер Б. Б. Кампенгаузен. Обсуждение проблемы вскоре сосредоточилось на вопросе о целесообразности сохранения существующей системы чинов в принципе. Свои предложения комитет сформулировал только осенью 1814 года, уже после отставки Дмитриева (новый министр юстиции Д. П. Трошинский представил свое особое мнение по этим предложениям). Но Дмитриев работал над образовательными проектами еще до создания особого комитета. В своих записках он рассказывает, что, приняв в 1810 году министерство, понял необходимость реформирования содержательной структуры как его подразделений, так и Сената, а также системы назначения на должности. При этом встал вопрос об улучшении подготовки чиновников. «Сверх того, – вспоминает Дмитриев, – я признавал весьма полезным учредить в разных местах империи училища законоведения со всеми принадлежащими к тому пособиями для дворянских, купеческих и мещанских детей, с тем, чтоб отличившихся в успехах, по достижении двадцатилетнего возраста, воспитанников из дворянского сословия выпускать с чином губернского секрета-

³⁹ В бытность Дмитриева министром молва приписывала ему проект двукратного сокращения многочисленного, но малоэффективного корпуса чиновников. См. донесение Я. Де Санглена в марте 1813 года: *Дубровин Н.* Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (1807–1829). М., 2006. С. 101.

⁴⁰ *Шепелев Л. Е.* Титулы, мундиры и ордена Российской империи. СПб., 2005. С. 162.

ря, а прочих с похвальным аттестатом и правом вступления в гражданскую службу обыкновенным порядком.

При надлежащем надзоре за таковыми училищами можно было бы, чрез десять лет по учреждении оных, постановить, чтоб никого из стряпчих не допускать к хождению по делам без одобрительного свидетельства от одного из сих училищ.

Таким образом невежество и ученичество мало по малу истребилось бы совершенно между судьями и приказными служителями, да и самые стряпчие были бы поставлены в необходимость усовершенствовать себя в законоведении и учиться грамматическим правилам отечественного языка» (Взгляд... С. 185–186).

Завершая рассказ о своих первых министерских проектах, Дмитриев сообщает: «Все сии замечания и предположения были плодом наблюдений моих в продолжении обер-прокурорской и сенаторской службы...» Это утверждение почти буквально и воспроизводит Иовский в своем очерке. Но Дмитриев продолжает: «...оставалось бы представить их на высочайшее благоусмотрение Государя, но мне еще в первые дни вступления моего в министерство сказано было, или дано почувствовать, что все нововведения должно отложить до рассмотрения проекта нового образования двух Сенатов: Правительствующего и Судебного...» (Взгляд... С. 186.)

Таким образом, Дмитриев не выступал с законодательной инициативой по повышению образовательного уровня чиновничества, но обдумывал эти вопросы. Причем, скорее всего, не в плоскости обязательных экзаменов, как предписывал проект Сперанского, а в плане увеличения числа образовательных учреждений, особенно в провинции. Позиция Дмитриева и обстоятельства, ее сформировавшие, заслуживают особого внимания.

Дмитриев пишет, что пришел к подобным заключениям еще до 1810 года. Нам представляется возможным уточнить – под влиянием идей Карамзина. Действительно, 1809–1811 годы – время интенсивных размышлений Карамзина о системе просвещения в связи с общими проблемами государственного устройства России. В это время Карамзина упорно прочат в министры народного просвещения, более тесным становится его общение с группой профессоров, оппозиционных куратору Московского университета и давнему недоброжелателю Карамзина П. И. Голенищеву-Кутузову⁴¹. В этой связи реакция Карамзина на указ 6 августа 1809 года была заинтересованной и почти что «профессиональной». Можно с уверенностью предпо-

⁴¹ См.: *Андреев А. Ю.* Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. М., 2000. С. 119–130.

ложить, что обсуждение этого закона было предметом бесед Карамзина с Дмитриевым в 1809 году, непосредственно перед вызовом Дмитриева в Петербург на министерство.

Как известно, отношение Карамзина к этому указу было критическим. Он видел в нем проявление общих недостатков законотворческой деятельности Сперанского, главный из которых заключался в оторванности либеральных проектов от реалий российской действительности. Суммировал свои претензии Карамзин в «Записке о древней и новой России», представленной в 1811 году Александру I. В ней он иронизировал: «У нас председатель Гражданской палаты обязан знать Гомера и Феокрита, секретарь сенатский – свойства кислорода и всех газов. Вице-губернатор – пифагорову фигуру, надзиратель в доме сумасшедших – римское право, или умрут коллежскими и титулярными советниками. Ни 40-летняя деятельность государственная, ни важные заслуги не освобождают от долга знать вещи, совсем для нас чуждые и бесполезные»⁴². При этом Карамзин обращал внимание на низкий по сравнению с Европой статус образования во всех слоях русского общества, отсутствие даже в дворянском сословии элементарного просвещения. По мысли Карамзина, приоритетное развитие высшего университетского образования, к которому указ 1809 года привязывал чиновно-производство, – для России пока еще ненужная «роскошь»: «Строить, покупать дома для университетов, заводить библиотеки, кабинеты, ученые общества, призывать знаменитых иноземных астрономов, филологов – есть пускать в глаза пыль». Он предлагает другой вариант: «Вместо 60 профессоров, приехавших из Германии в Москву и другие города, я вызвал бы не более 20 и не пожалел бы денег для умножения числа казенных питомцев в гимназиях; скудные родители, отдавая туда сыновей, благословляли бы милость государя, и призренная бедность через 10, 15 лет произвела бы в России ученое состояние. Смею сказать, что нет иного действительнейшего средства для успеха в сем намерении»⁴³. Связь карамзинских рассуждений с проектом Дмитриева развивать сеть провинциальных училищ, рассчитывая на отдачу «через десять лет», кажется очевидной.

В декабре 1809 года в короткий приезд в Москву Александр I посетил, первым из российских монархов, университет, что не могло не повысить внимания общества к «университетской» теме. При этом и Карамзин, и

⁴² Карамзин Н. М. Полное собрание сочинений : в 18 т. М., 2008. Т. 17. С. 180. Ср. суждение П. А. Вяземского о «несовершенстве образования» для подготовки русских чиновников в статье «Сперанский» (1861) (Т. 7. С. 79).

⁴³ Там же. С. 178–179.

Дмитриев к тогдашнему состоянию университета (попечителем московского учебного округа был А. К. Разумовский, а должность правителя его канцелярии, дававшую немалый вес в университетских делах, занимал враждебно настроенный по отношению к Дмитриеву М. Т. Каченовский) относились скептически, в чем могли только укрепиться с назначением в 1810 году Голенищева-Кутузова его куратором. А ведь именно университетской администрации была поручена организация курсов для чиновников и проведение экзаменов на чин. В это же время Карамзин находит поддержку в лице великой княгини Екатерины Павловны, которая сочувственно воспринимает общественные теории историографа и пытается лоббировать их перед братом-императором. Полагаем, что в этом контексте и следует рассматривать проект министра Дмитриева о развитии училищ.

С годами актуальность этого вопроса для Дмитриева утратилась, а вместе с тем сгладились и отношения к указу 6 августа 1809 года. В своих записках он упоминает о нем в контексте ставших к тому времени общим местом утверждений об успехах просвещения при воцарении Александра I: «Ни одно царствование не имело столь блистательного начала». Напомнив об открытии новых университетов и других учебных заведений, попечении о различных обществах и научных изысканиях, Дмитриев заключает: «Все таковые по ученой части приращения, всенародные лекции и закон о производстве в осьмой и пятой классы только тех, которые выдержат испытание и получают одобрительное свидетельство в академическом образовании, не мало послужили впоследствии к распространению любви к словесности и просвещению во всей империи» (Взгляд... С. 180). Вероятно, в таком обобщенном плане он и рассуждал в поздние годы об этом указе, но само повышенное внимание к проблеме, запомнившееся Иовскому, было отражением лежавших несколько в ином ключе реформаторских планов 1809–1811 годов, идеологом которых являлся Карамзин.

Из литературных сюжетов, которых касается Иовский, стоит отметить запомнившиеся мемуаристу дебаты в доме Дмитриева о новомодном тогда романтизме. Это находит точное соответствие в записках Ф. Ф. Вигеля, где упоминается подобный «сильный спор» «о романтизме и классицизме» на званом обеде у Дмитриева в начале 1827 года⁴⁴.

Иовский сообщает и о хорошо известной антипатии Дмитриева к Н. А. Полевому. Резко отрицательное отношение к издателю «Московского телеграфа» окончательно определилось в кругу Дмитриева к 1829 году, когда Полевой выступил с критикой «Истории государства Российского»

⁴⁴ Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2003. Кн. 2. С. 1231.

Карамзина, противопоставив ей сочинявшуюся им самим «Историю русского народа»⁴⁵. Но претензии к Полевому не ограничивались его антикарамзинизмом: он раздражал «партию» Дмитриева и в качестве пропагандиста «народности» и «истинного» романтизма в литературе. Низвержение Полевым авторитета классической литературы рассматривалось как сотрясение основ современной культуры. В. Л. Пушкин сообщал в письме Вяземскому: «Полевые пишут непрестанно нелепости насчет французской литературы, с презрением говорят о Гомере, называют Анакреона пьяницею, а Горация шалуном, восхищаются Фальстафом и уродливыми творениями Шекспира. Это происходит оттого, что они французской литературы не понимают, да и в Шекспире любят только то, чего любить не должно. Барон Екстейн их свел с ума, но что такое Екстейн на поприще литературы? Можно ли почитать его образцовым критиком и верить его суждениям?»⁴⁶ Такой же смысл имеет воспроизводимое Иовским раздражение Дмитриева по поводу «батёвщины» и «лагарповщины» как новой непросвещенной моды, вводимой «Московским телеграфом». Тут читается прямая отсылка к одной из статей Н. А. Полевого, в которой он иронизировал над «Зороастром-Баттё» и «Аристотелем-Лагарпом»⁴⁷.

В «демократизме» Полевого карамзинисты видели выражение «купеческого» безвкусия, а романтическая атака на авторитеты воспринималась ими как непристойные выходки необразованного мужлана, потакающего «черни». Вяземский причислял Полевого к «литературным наездникам, каким-то кондотьери, ниспровергателям законных литературных властей. Он из первых приучил публику смотреть равнодушно, а иногда и с удовольствием, как кидают грязью в имена, освященные славою и общим уважением, как, например, в имена Карамзина, Жуковского, Дмитриева, Пушкина»⁴⁸. Вяземского возмущали не только статьи, но и литературно-бытовые «выходки» недавнего соратника по «Московскому телеграфу»: «Скотина Полевой имел наглость написать в альбом жены Карлгофа стихи под заглавием: “Поэтический анахронизм, или стихи в роде Василия Львовича Пушкина и Ивана Ивановича Дмитриева, писанные в XIX веке”. Как везде видишь целовальника и лакея, не знающего ни приличия, ни скромности. Посади сви-

⁴⁵ Об участии Дмитриева в спорах вокруг карамзинской «Истории», в том числе полемике с Полевым, см.: *Козлов В. П.* «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценках современников. М., 1989; по указателю.

⁴⁶ Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1983. Т. XI. С. 236.

⁴⁷ *Полевой Н. А., Полевой К. А.* Литературная критика. Л., 1990. С. 57 (статья «Взгляд на некоторые журналы и газеты русские» из «Московского телеграфа». 1831. № 1).

⁴⁸ *Вяземский П. А.* Записные книжки. 1813–1848. М., 1963. С. 287.

нюю за стол, она и ноги на стол. Да и каков литератор, который шутит стихами Дмитриева, и какими стихами еще:

Гостиная – альбом,
Паркет и зала с позолотой
Так пахнут скукой и зевотой.

*Паркет пахнет зевотой!*⁴⁹

Готовя эту запись к публикации, Вяземский пояснил: «Что за галиматья! А какое отсутствие вкуса и приличий, литературное бесстыдство в глумлении подобными стихами над изящными и образцовыми стихами Дмитриева» (Т. 8. С. 191). Как вспоминал А. И. Герцен, «<с>тарик Дмитриев, поэт и бывший министр юстиции, с грустью и ужасом говорил о литературной анархии, которую вводил Полевой, лишенный чувства почтения к людям, заслуги коих признавались всей страной»⁵⁰.

Н. А. Полевой, по всей видимости, именно Дмитриева рассматривал как знаковую фигуру враждебной ему культуры. И не только в эстетическом, но и в социальном плане – как оплот общественно-культурного «аристократизма», защитника предрассудков и вызывающих зевоту «анахронизмов». Подобный портрет Дмитриева последних лет жизни Полевой нарисовал в очерке 1836–1837 годов, где изобразил чванливого гордеца, пережившего свою литературную популярность и вымещающего злобу на слугах⁵¹.

⁴⁹ Вяземский П. А. Записные книжки. 1813–1848. М., 1963. С. 215.

⁵⁰ Герцен А. И. О развитии революционных идей в России // Сочинения : в 9 т. М., 1956. Т. 3. С. 462–463. Ср. в записках Кс. Полевого о всегдашней «приязни» и уважении Дмитриева к «мнениям» его старшего брата (Николай Полевой: Материалы по истории русской литературы и журналистики 30-х годов. Л., 1934. С. 171–172).

⁵¹ РГАЛИ. Ф. 2591.2.32. Этот очерк стал основой статьи Полевого в «Сыне отечества» (1838. Т. 5), где опущены биографические и «личностные» выпады.

**МЕМУАРНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА А. А. ИОВСКОГО
ОБ И. И. ДМИТРИЕВЕ**

I

Письма А. А. Иовского П. А. Вяземскому

1

«Ваше Сиятельство Милостивый Государь.

Извещение ваше от 14 октября невыразимо обрадовало меня по многим отношениям. Невыразимо рад предложению вашему сообщить вам воспоминания мои об И. И. Дмитриеве. Он всегда над моею головою в моем кабинете и в голове и сердце, да и везде. Таких людей один раз только встречаешь в жизни, и память осуществляется ими навсегда – до могилы. – Это счастье жизни – для наполнения пустоты ея.

Чувство и душа, честность и добро – вот знамение человека – прекрасное, высокое знамение! Как обольщало меня это знамение в Тривемюйде*, где я вынужден был (тому 18 лет прошло) с томлением ожидать две недели попутного ветра для возврата в Россию – в отечество мое. По приезде в Москву явилась ко мне особа уже преклонных лет, важной физиогномии и вместе невольно увлекающей к себе полною, безотчетною доверенностью. Это был И. И. Дмитриев. «Извините, я почел вас за Кн. А. И. Долгорукого* и теперь вижу свою ошибку. Простите, может быть, я помешал вам в ваших занятиях». Нужно ли говорить, что мне казалось, будто бы само Провидение явилось предо мною, тем более, что мне грустно, очень грустно было по возврате моем из чужих краев в Москву. Химия моя занята была другим; оставалась на долю моей жизни медицина, которую как науку – как отрасль естественных наук – я обожал, а как ремесло – искусство собирать различными манерами деньги – очень не жаловал.

Я жил в Спиридоньевской улице, во флигеле дома Павлова*, в нескольких только саженьях от И. И., окнами на улицу. Я находил какую-то отраду в моем положении заниматься у окна, и как комнаты мои были светлы до того, что с улицы, что в них происходило, все можно было видеть, то и не мудрено, что И. И., часто проезжая мимо меня, мог меня заметить. Вы знаете, что всякий с книгою в руке или с тетрадью – всякий пи-

шущий или читающий, начиная от Александра Анфимовича Орлова* до Пушкина, был предметом самого чистого, искреннего внимания Ивана Ивановича. И я попал в эту категорию. На другой день нашего знакомства я обедал глаз на глаз с И. И. Обед этот, день этот никогда не изгладится из моей памяти.

Кто был студентом в Университете московском из воспитанников в Университетском пансионе в мое время, тот удостоверит вас так же, что акты, публичные экзамены и частные какие-либо собрания принимали какую-то особенную торжественность, ежели на этих актах или экзаменах или в собраниях присутствовал И. И. Дмитриев. При вопросе, каково у вас было на акте или экзамене, следовал ответ: все то же – делали вопросы, отвечали или читали речи, стихи, пропел хор и разошлись. Неужели и И. И. Дмитриева не было? Тут – сколько помню – начинались догадки, отчего И. И. Дмитриева не было. Или – у нас на акте было славно. И. И. присутствовал. Такой-то читал речь или стихи, и когда он кончил, то И. И. подозвал его к себе, долго говорил с ним и пригласил его к себе и пр. Он раздавал и медали.

Таково верование было в И. И. Дмитриева в учебных местах. Но – вот что мудрено – подобное же верование к нему было в самых высших* слоях общества. Однажды – это было летом, спустя лет пять после знакомства моего с ним – мы пили кофе вверху на балконе. Не помню, что было причиною разговора, но помню, что ему очень неприятно было, когда прервали разговор его докладом, что какой-то мальчик просит позволения поднести ему стихи свои. Он опустил голову, подумал несколько мгновений и, улыбнувшись, сказал: «Может быть, какой-нибудь гений – принять». Человек вводит мальчика в изношенном нанковом длинном и широком сюртуке, в простых сапогах, от коих пахло дегтем, который подает ему тетрадь на синей бумаге в четвертку и который едва внятным трепещущим голосом пробормотал: «Стихи – стихи – вашему...» – «Хорошо, очень хорошо – я пересмотрю. Благодарю тебя, очень благодарю». Потом, обратившись ко мне и понизив голос, сказал: «Настоящий питомец Муз – издали пахнет Парнасом».

Взявши от мальчика стихи и перелистывая их, он расспросил его о звании, состоянии его, его родных и надеждах его. Помню, что это был сиротка, без отца, имеющий одну мать, и ту жившую у кого-то по найму, а сам он жил мальчиком у купца в сапожном ряду. Помню, что И. И. вынул из своего большого кармана бумажник, но потом опять вложил обратно, приказав человеку записать место жительства мальчика, а его, мальчика, просил побывать к нему через неделю.

По уходе мальчика, перелистывая тетрадь его, он примолвил: «Я хотел дать ему ассигнацию, но вспомнив о Кузмичеве*, который разлакомился ходить ко мне за бумажками, я поскупился. Да и что пользы будет для него от моей бумажки: пролакомит, потом опять придет со стихами. Получив мало, захочет более, а потом не мудрено, разлакомившись, закрадется и в сундук хозяина своего. Рассмотрю, что за стихи, и ежели найдется что-нибудь такое, что бы показывало в нем дарование, то нельзя ли будет поместить его в гимназию. Во всяком случае, прибавил он, приятно, что мальчик из сапожного ряда занимается стихами. Я его не упущу из виду. Кстати о том, у меня еще есть любимец, который хотя сам стихов не пишет, но любит читать. А кто из купцов сидит с книгою, к тому я более имею доверия и охотно приступаю для покупки. Я верю, что он посовестится меня обмануть». В это время он мне рассказал о своем купце – Третьякове*, у которого он брал чай, сахар и пр. и у коего он рекомендовал мне также покупать. Этот Третьяков торговал на Ильинке в маленькой лавочке и был обязан своим состоянием рекомендации Ивана Ивановича. И он оправдал его внимание к себе. За злоупотребления полиция опечатала почти все лавки по соседству с Третьяковым, в коих найден был так называемый *чай Иван**. Третьякова лавка почти одна в этом ряду оставалась открытою; в ней полициею не найдено было и следов *Иван-чая*. И так верование Ивана Ивановича в купцов с книгами оправдалось на этот раз вполне. У этого Третьякова я покупал чай и пр. до самой его смерти, случившейся пред самым моим переселением из Москвы. Он умер 32 или 33 лет вследствие припадков, коим он подвержен был с детства.

Эти мимоходом анекдоты показывают, что душа И. Ивановича была во всех классах общества, которое познакомилось с ним во время хлопот при рассматривании участей разоренных нашествием неприятеля*. Легко поймете меня, Ваше сиятельство, до какой степени восхищен я был от одной только мысли, что завтра в 2 часа я буду обедать с Иваном Ивановичем!

Желанное завтра наступило. Как медленно шли часы; с каким нетерпением я посматривал на них, но они не прибавляли ходу. Наконец с тоскою ожидаемая минута наступила, и я полетел без оглядки. И вот уже пред фасом дома, который напоминает фас Платоновой Академии греков. Вхожу в переднюю. Теперь свежо в моей памяти, что, увидавши людей в ливрее, я смешался – чему? – и доселе не знаю. Когда я объявил о себе, то длинный его живописец* повел меня чрез комнаты в сад и потом садом по дорожке к той долинке с холмом, с которого видны из-за деревьев часть приходской колокольни, часть соседского дома и несколько крыш, даже, если не оши-

баюсь, от самого Кремля. Это место всегда мне особенно нравилось. Не от того ли, что здесь была первая моя встреча с И. Ивановичем в его доме. Он был, помнится, в сером фраке с звездой, в серой шляпе*, которую, увидевши меня, он снял одною рукою, а другую протянул ко мне. Простите, но мне представляется и теперь, что когда взял он мою руку и слегка пожал своею – он перетянул всю душу мою к себе. Она вся отдалась ему – вся и доселе.

И доселе не прощаю себе, отчего я не употребил довольно противоречия – не отстаивал его пред смертью от писателей рецептов. Его бы можно было возвратить к жизни – он еще был довольно крепок по летам своим. Но я уже был не тот, как прежде: я уже был робок. Мои ручьями слезы – мое рыданье препятствовало мне говорить – вразумляли, но не вразумили *Господина Консилиума*, что я чувствовал вполне, куда повлекут большого мази и микстуры *ex consilio*. – Да – Ваше сиятельство – обстоятельства делают все в жизни; они управляют человеком, как машиною – согласны ли вы? За 12 лет я был в цвете возраста – в душе с впечатлениями Англии и Франции, с полнотою надежды и не без пламени. – Тогда – сделавшись в первый раз И. И. тяжело нездоров при мне, – я не заботился о Шмиде* – в то время уважаемом докторе Москвы; не боялся, что он может вредить мне – я заставил его отказаться от его микстуры и порошков – заставил его поручить мне И. И., с которым просидел дотоле, пока он был уже вне всякой опасности. Конечно – этот Шмид отблагодарил меня потом с своими товарищами, но все это вначале было как с гуся вода. Мне было нечего терять. Мне было не с кем расставаться. Но перед смертью И. И. у доброго молодца уже довольно общипано было перьев. Обстоятельства были совсем другие. Надобно было молчать, одне слезы и рыдания открывали тайну души.

Обращали ли вы внимание ваше на портрет Карно в *Histoire de l'empereur Napoléon par Laurent de l'Ardèche* – pag. 180*. Мне и теперь мерещится, что этот портрет с И. Ивановича. Мне и теперь мерещится, что в первый раз в саду я заметил его сквозь деревья точно в таком положении и с такою осанкою. Мне мерещится, что физиогномия в сем портрете схожа с физиогномиею И. Ивановича. Мне мерещится это. Из сада он меня повел прямо в столовую. «Мы будем обедать вдвоем. Мне хотелось более с вами поговорить, а вдвоем обедавши, никто нам не помешает». И как он умел заставить говорить! Ежели я был профессором, то только во время этого обеда и в это время беседы с И. Ивановичем, даже за полночь. Я невольно говорил, потому что видел: меня слушает с удовольствием И. Иванович. А он умел это показать. Примите во внимание то, что молодой человек – мне было тогда около 30 лет – посвятивши по страсти все свое время в продол-

жении 3 лет и 5 месяцев в чужих краях изучению наук, – который не имел во все это время другого развлечения, кроме оперы или театра – вдруг обольщается (да) говорить, и слушатель его Иван Иванович Дмитриев, к коему с детства – не зная его лично – возбуждено было и любопытство и желание знакомым быть с коим. А здесь случай сажает с ним за стол и только с ним одним. Воспоминание об этом льстит мне и теперь. Впоследствии, когда он приглашал к себе кого-либо из новых литераторов, всегда уделял мне долю своего внимания чистого, искреннего.

После обеда он повел меня на балкон пить кофе и, сорвав цветок померанца, сам положил ко мне в чашку, рекомендуя мне, что запах свежего померанцового цвета увеличивает приятность кофе. Он любил и в чай класть померанцевый цвет.

Здесь-то – в первый раз – я был слушателем о Н. М. Карамзине. Да – я был свидетелем последних воспоминаний его о сем неутомимом, гениальном человеке – друге его. Между прочим, рассказавши мне, как благословенный государь Александр, о коем он никогда равнодушно не мог вспоминать*, взявши однажды Н. М. под руку и отведши его в углубление окна, помнится, в Царском Селе, выслушивал мнение его в продолжение целого часа о Польше*. Засим И. И. спрашивает меня, читал ли я последние томы его Историй*, и когда я отвечал ему, что недавно возвратившись на родину, я не имел еще случая приобрести оные – он встает мгновенно и спустя несколько минут является с человеком позади себя, который несет кучу книг. «Примите от меня в воспоминание так приятно ныне проведенного с вами времени. Эти томы получены мною из рук друга моего, Н. М., остальной не покупайте, я сам вам доставлю его со временем». Слезы хлынули у него градом – он зарыдал. Я позабылся, ухватил его за руку, целовал его руки, грудь – он обнял меня, прижал к своему сердцу и с тех пор сердце мое билось свободно только в присутствии И. Ивановича. Много уже прошло времени, – но воспоминание об нем еще свежо. Вот для начала и по силам постараюсь о продолжении – это для меня сладко.

Примите уверение в совершенном уважении к вам.

Вашего сиятельства покорный слуга

Александр Иовский

Ливны. 8 ноября 1844 года».

«Ваше сиятельство Милостивый Государь!

Как я обязан Вашему сиятельству за то, что вы подали мне случай обратиться к воспоминаниям о незабвенном И. И. Дмитриеве. Я чувствую себя и здоровее и веселее.

Время и жизнь – о, как это быстро! Кажется, одно только воспоминание кладет заметки, что мы жили и как жили. Право, кажется, воспоминание есть стрелка нашей жизни; оно, подобно часовой стрелке, показывает, что время жизни прошло, промчалось, просверкнуло. А все одно: *этого уже нет!* Такова участь человеческая. Такова участь всего земного. Хорошо оно было; жалко, что прошло. Но иногда – Боже избави – едва в силах выждать, пока пройдет. И Иван Ив[анови]ч имел в прошедшем такое, что жестоко мнет наши чувства.

И. И. любил переноситься воспоминанием своим к первой службе своей, помнится, в Семеновском полку. Мне тогда казалось и теперь тоже кажется, что время, когда он был сержантом, было для него приятнее в воспоминании даже времени министерства его. И немудрено. В то время была полная поэзия его жизни. Поэт в душе, его радовала новая мысль, его радовало удачное выражение, его радовало даже, когда Новиков был благоклонен к нему*. Его радовал и запах кофе и книга, отысканная им на толкучем рынке. Это была поэзия чистого чувства – чувства тонкого, живого ко всем впечатлениям. На этом чувстве отпечатлевалась подлинником природа и искусство, общество и дикая приволжская степь. Кто из близких не знает, с какою силою И. И. любил и природу, и искусство, и степь, и общество.

И это чувство два раза в жизни было жестоко сжато тисками – смято молотом обстоятельств. В первый раз – когда Дмитриеву дали письмо представиться к С..., в то время вельможе*. В другое время – когда в царствование императора Павла на него сделали гнусный донос*. Воспоминание о первом случае всегда сопровождалось у него негодованием, всегда тяжело было для его благородного чувства. И могло ли быть иначе? Представьте человека в полном развитии сил – представьте человека, почувствовавшего свои силы – его заставляют явиться к вельможе, который может дать силам этим пищу, достоинству этому назначение. Вообразите ж, что этот вельможа без чувства и души, с чванливою надменностью, с презрительными ужимками встречает и достоинство и силу нравственные и вместо благосклонности отвратительно выказывает всю ничтожность временщика.

О, это не изглаживалось из памяти Ивана Ивановича! Это представление всегда возобновляло в нем тягостное чувство. Последствий от этого представления для жизни И. Ивановича никаких не было; но воспоминание об нем оставалось тягостным, потому что в существе своем было отвратительно.

Воспоминание о доносе, сделанном на него, было воспоминанием чистой, высокой души его. Время задержания Ивана Ивановича было таким временем, когда чувства и душа совершенно подавлены, когда жизнь заметно переступает в другой период свой; когда преждевременная зрелость совершается днями, даже часами. Но воспоминание об этом не только не тяготило жизни Ивана Ивановича, но возбуждало в нем самодовольство о том, что он имел в себе столько энергии, чтобы перенести это ужасное потрясение в жизни. При том с этим воспоминанием неразлучно было другое – воспоминание о великости души императора Павла, когда открылась ему истинная невинность жертвы. С благоговением вспоминал Дмитриев о том чувстве, с каким Царственный судья встретил невинного. С каким благодушием Он поручал достоинства страдальца покровительству сыновей своих, в присутствии коих был прием сей. Император Александр освятил память родителя своего доверенностию своею к Ивану Ивановичу. Но оправдал ли эту доверенность И. Иванович?

Преданность – чистая, свободная передача самого себя другому. При этом один тон в дружбе и в чувстве. Рождаются ли с этим тоном или сочувствием люди, или образуется в них это сочувствие обстоятельствами? Мне кажется, для развития преданности необходимо и то и другое. Вспомните о Леониде, погребавшем себя с 300 храбрецов при Термопилах. Это пример чистой, свободной преданности. Тут не было ничего преднамеренного, своекорыстного, даже о великости подвига. Это простое сочувствие – так была настроена душа и чувства. Грек или русский – в древней или в новой истории – в республике или в монархии – все одно, все то же; разницы нет – значение в сущности одно: в верховной власти, в верховной силе сосредоточивается сила последнего члена. При той или другой форме устройства – преданность выражает ту частную силу верховной власти, коею выполняется неприкосновенность учреждений и освящается важность постановлений. И ежели это соотношение зависимости понято; ежели оно развивается по надлежащему масштабу, тогда чувство зависимости свободно; тогда нет надобности отягчать себя тяжкими мудрованиями, что без верховной силы нет существования частного или оно не обеспечено; иначе оно игрушка первого встречного негодяя. Выражает ли эту верховную силу республика или самодержавие – следствие одно и то же.

Сколько раз я расставался с Иваном Ивановичем, растроганный до глубины души необыкновенною его преданностью к Тому, который не существовал уже для него, – не существовал уже для России. Происшествия, предшествовавшие удалению Сперанского*, – происшествия перед 1812-м годом и потом следовавшие, в рассказах Ивана Ивановича дышали чистою, благородною преданностью к тому, к которому не переставал благоговеть он, как пред благодетелем своим. Я видел рыдания графа Аракчеева в Берлине в 1826-м году при встрече его с послом, помнится, с г. Алопеусом* в его канцелярии и кажется, эти рыдания, как в то время заметили, были только о потере власти, которая ускользнула из рук его. Да – чтобы быть свободно преданным, надобно быть высоким и по чувству и по душе.

Я помню странную выходку одного генерала*, на вечере у И. Ив<анови>ча, почтившего выходку Наполеона высокою мыслию, когда сей последний, теснимый со всех сторон неприятелем и ошибками своих генералов, а внутри государства – неприятельными партиями, более и более разжигаемыми его неудачами, сказал членам Законодательного Совета, приветствовавшим его с новым, последним годом его царства, между прочим, следующие слова: *Le trône n'est que du bois recouvert de velours*. Лицо Ивана Ивановича вдруг подернулось негодованием. Он, обратившись к генералу, с живостию сказал: «Послушайте, М. Ф., вы согласитесь, что это была острота человека, ожесточенного со всех сторон обстоятельствами, желавшего унижить льстецов предателей. Верно, в другое время и при других обстоятельствах Наполеон сам сознавал, что его трон не есть дерево, обтянутое бархатом. По этому каждое кресло, обтянутое бархатом, может назваться троном. Но в этом слове: трон, кроме формы, есть другое значение, перед которым мы привыкли благоговеть везде, где только государственные учреждения имеют вес и силу».

Надобно было видеть в это время этого генерала. Но вы вероятно его знали. Он умер перед моим переселением из Москвы. Я был с ним знаком по его вызову. Он считал себя химиком, был также и политик. Однажды недели две была его тетрадь у И. Ивановича о чем-то, помнится, из политической экономии. Тетрадь эту рассматривал известный архимандрит Фотий и исписал края страниц своими замечаниями. В этом уже виде тетрадь эта была у И. Ивановича, который давал мне ее для прочтения. Генерал этот был прекрасный человек; но – амальгама старых и новых понятий. Он старался прослыть химиком, но в своих действиях и понятиях был более алхимиком, нежели химиком. Впрочем, он в свой век сделал пользу устройством фабрики отличного хрусталя, отличных цветных стекол и раскрашенных стекол для экранов и пр., а сим способствовал к возбуждению

соперничества в других заводчиках. Но принесло ли это пользу собственному его семейству? Не была ли это фабрикация только из видов тщеславия?

Неделю спустя этот генерал посетил опять И. Ивановича; но потом я уже не видал его у него. Однажды Иван Иванович, вспоминая о тех, кои давно уже его не посещали, прибавил: «И М. Ф. не ездит уже ко мне. Вероятно, не понравились ему мои понятия о троне».

Душа И. Ив<анови>ча очень часто носилась в воспоминании между Козлятиновым* и Карамзиным. О, – эти воспоминания были зеркалом его превосходной души! Добро-благодарность-дружба-неподдельное, искреннее чувство чести – таковы были качества этой души. Надобно, чтобы добром было добром, какому бы оно званию и состоянию не принадлежало. Высокая душа неразборчива в этом. Надобно было знать Ивана Ивановича, чтобы понять, до какой степени он не был разборчив в этом отношении. Однажды в зимний вечер он привозит с собою ко мне в возке нищего, которого в продолжение долгого времени он встречал то у дверей магазина Розентрауха, или Витали, то при выходе от Яра*, выпрашивающего с особыми гримасами милостину. Это был малой лет 16–17-ти довольно порядочной наружности, весь в лохмотьях, которые он, по-видимому, навесил на себя по званию нищего, и у которого голова покрыта была струпом. Ивану Ивановичу хотелось знать, может ли эта голова, которую нищий этот выставлял для возбуждения сострадания, освобождена быть от недуга ея. Получив утвердительный ответ, он поместил этого нищего над поварскою своею в мезонинчике. Этого нищего холили, кормили и наконец чрез пристава Никитской части Вальцева отправили откормленного, как быка, в волость, к какой он принадлежал.

Карамзин в сочинениях своих сказал: Кто имеет друга, благодари Всетворящего*. У И. Ив<анови>ча любимую мыслью при воспоминании о Карамзине было то, что дружба есть взаимный перелив мыслей, понятий, чувствований от одного лица к другому; что это-то и есть жизнь; что это-то и есть счастье жизни; прочее все пустота, суетность.

Помню, Н. И. Агарев* рассказывал Ивану Ивановичу вычитанные им мысли о соразмерении для рабочего класса возмездий относительно тех, для которых оный работает. По филантропии даже это не совсем справедливо; но гораздо несправедливее по существу предмета, возразил И. И. Мне приводят, продолжал он, <работника> колоть дрова и класть оные в сажени по 40 копеек за сажень – на его собственной пище. Плата эта добровольная, без вынуждения. Работник занимается только этим промыслом; он это только умеет; он не заботится иметь лучшую заработку. Конечно, это мало,

кажется, за его тяжкий труд. Хороших дров он не перекалывает одной сажени в день. И что ему от пищи останется на обувь и одежду, не говоря уже об общественных повинностях. Но он и этим доволен. Он не ищет лучшего. Исколовши и убравши дрова у меня, он опять с своим топором стоит на дровяной площади и предлагает свои те же самые услуги. Для другого дела он не способен или ему не нравится другой промысел. Он умеет распорядиться только 40 к., и при том так, что из них ему достается на пищу, одежду, обувь и даже на поправку своего топора, который наконец должен же притупиться. Вероятно из них он уделяет и на общественные повинности. Дайте ему вместо 40 – 80 к. Он сделает полезное для себя употребление только из 40 к., потому что он привык распоряжаться <только ими>. Остальные 40 к. пойдут у него хинью*. Он не поймет, что ему делать с этою лишнею суммою. Остальное ныне он употребит на пьянство или на другое что бесполезное для себя, а назавтре у него не останется и воспоминания о том, что у него вчера были лишние деньги. Но ежели в работнике есть уже понятие об улучшении своего состояния, тогда он без посторонней оценки своего труда, сам оценит его и излишнюю свою прибыль назначит верно на полезное для себя употребление. Таким образом от гривны к рублю он перейдет к приобретению состояния и дойдет до капитала. Цену труда назначает общее мнение, а не филантропия. Дайте работнику лишнюю копейку, вы ему не сделаете добра; но ежели вы недодадите ему, то он сам возместит оную и притом с избытком – трудом своим, заключил И. И. Все делается по мере понятий, прибавил он потом. Приобретаются ли эти понятия и развиваются от благоприятных впечатлений, даже без собственного нашего сознания, или мы выносим зародыш оных с собою на свет, кажется это еще не разрешено. Однажды мы с Николаем Михайловичем, которого филантропические чувства известны, очень долго и с жаром спорили о подобном предмете, даже разошлись, не согласившись, – даже, показалось бы другим, – с видимым неудовольствием один против другого*. На другой день Николай Михайлович пришел ко мне рано утром и снова завязался наш разговор о том же. Мало-по-малу соглашения и уступки являлись с той и другой стороны и наконец мы сошлись в наших мнениях. По-видимому, наш диспут относился только к тому, чтобы более и яснее вразумить один другого в том мнении, которое обоим нам было общее, но для обоих еще неясное. Таково, ежели не изменяет мне память, или почти таково было содержание одного вечера у И. И. Дмитриева. Я и Н. И. Агарев были внимательными слушателями до позднего часа ночи. В это время И. И. прибавил: «Дайте людям мысли и понятия – и, право, это будет лучше теорий соразмерного вознаграждения за труд: потому что лю-

ди сами найдут средства вознаградить свой труд. С мыслями и понятиями они надежнее сблизятся между собою и в своих интересах. Только по мыслям и понятиям люди сходятся и сближаются между собою. Горько в жизни тому, которого мысли и понятия не прилаживаются к мыслям и понятиям других». Он указал на ряд портретов от Мазепы, Карла XII и пр., кои у него слыли под именем горячих голов.

Ежели Н. И. Агарев здра<в>ствует, то вероятно помнит этот вечер. Помню я, что в этот же вечер, по уходе Н. И., Дмитриев, обращаясь ко мне, прибавил: «Вот сенатор – ему не подсказывает определение секретарь оттого, что уверен в знании сенатора. Обер-секретарь не посмеет разинуть при нем рта от того, что он уверен, что Н. И. сам взвешивает и умеет взвешивать обстоятельства дела».

Да. Дмитриев умел ценить людей.

Вот Вашему сиятельству второе воспоминание о нашем Дмитриеве. Мне многое приходит в голову, что могло бы забыться. Ежели вспомнится, то этим обязан вам.

Примите уверение в чувстве истинного многоуважения и совершенной преданности

Вашего сиятельства покорнейший слуга

Александр Иовский

Ливны. 28 ноября 1844 года».

3

«Ваше Сиятельство Милостивый Государь!

Вот вам в новый год воспоминание мое о министре Дмитриеве. Каково бы ни было оно, но оно вас, я знаю, более порадует, нежели обыкновенные фразы для нового года. При имени И. И. Дмитриева, я знаю, у вас самого возродится много старинных, даже сердечных воспоминаний. Каково бы ни было мое воспоминание о министре Дмитриеве, но оно, я знаю, отнесет и ваше воспоминание к тому времени, когда и вам нашептывала Муза ваша одни только радости. Да – у всех было свое время. О, – счастлив еще тот, у кого промелькнувший луч радости не удвоит грустного чувства в настоящем! Когда-то и я встречал или начинал новый год с И. И., а теперь с дворянами и с однодворцами села Преображенского. Было время – тогда Дмитриеву не скучно было со мною, а теперь, кажется, и однодворцы не скучают со мною; разница пустая – весело ли мне с ними?

В посылаемом мною к вам воспоминании моем я бегло только взглянул на то, что слышал от И. Ивановича. И как он рассказывал, бывало, о том, что встречал он при своих ревизиях! С тех пор много протекло времени, но много ли улучшилось по губерниям? Я сам страдалец. Сам чувствую всю тяжесть губернского добра и покоя. Не знаю, что делает мне министр внутр<енних> дел; но знаю, что наш начальник губернии делает мне честь угрозами, как слышу. Один вы, Ваше сиятельство, мой защитник.

Мне приходит иногда на мысль: если бы вы осчастливили меня вашими замечаниями на мои воспоминания; сколько бы радости было для меня!

С глубочайшим уважением и с совершенною преданностью навсегда
Вашего сиятельства, милостивый государь!

Покорный слуга
Александр Иовский

Ливны. 4 генваря 1845 года».

II

Министерство И. И. Дмитриева

И. И. Дмитриев, министр юстиции. Живя в Москве, на покое уже, в своем маленьком домике, среди братьев по Апполону, он назначен был по высочайшему избранию блюсти за точностию весов правосудия русского. И какова была точность весов этих, которые были осыпаны саранчею подъячих! Ссылки на указы, тучи примеров из предшествовавших решений, толкования по обстоятельствам, определения по условиям, натяжки при следствиях, производство дел по разумению каждого – и нисколько оснований юриспруденции. Такова картина представилась Ивану Ивановичу при вступлении в храм Фемиды, в котором бедная богиня, пристыженная собственною своею слабостию, поруганная наглостию невежественного крючкотворства, из-под траурного покрывала своего простирала с надеждою трепещущую руку к новому своему министру. И этот министр, глубоко проникнутый чувством чести и долга, простер к ней руку твердую. Что ни говорят, и как ни говорят, но истина, хотя и поздно, является на сцену во всей наготе ея. Министерство Ивана Ивановича есть эпоха не только в русской юстиции, но даже в самом просвещении. Вступивши в толпу людей, у коих не было другого правила, другого закона, как только: *как при-*

кажете и что угодно; другого образа мыслей, как: что скажут и не будут ли гневаться за это, не навлечет ли это укора того или другого; подкрепляемый словом Александра, он шел тем обычным шагом, который так свойственен был ему, который так шел к его осанке. Бывши сенатором, он несколько лет назначался ревизором губерний, и это-то развило в нем ту мысль, по которой состоялся указ в 1809 году, столь прискорбный, досадительный для титюлярных советников.

И что находил И. И. во время своих ревизий! Дай Бог, чтобы этого не случилось при ревизиях в настоящее время, уже пора видеть другое; уже лет двадцать кричат у нас писаки, что Россия быстрыми шагами идет к совершенству в гражданском своем развитии; что Россия и пр. и пр. Тогда эта Россия представляла в губерниях жалкие явления. Начальники губерний (ибо были уже начальники губерний)* были большею частию люди с отличною выправкою, но совершенно не способные к занятию их должностей, — люди, совсем не понимавшие возложенных на них обязанностей. Все дела по губернии были или в руках правителей губернаторских канцелярий, или секретарей, или каких-либо близких к губернаторам людей, кои большею частию поступали из семинарий, случайно или по милостивой протекции; нередко такие, кои, по выражению фон-Визина, убоявшись бездны премудрости*, возвращались уже вспять. Таковые доверители для наблюдения над порядком течения дел в губерниях, ежели могли распорядиться с формою хрии простой или превращенной, распоряжались уже по всем правам с губерниею, во имя милостивца своего и начальника — *на славу*. Нечего греха таить — были и милостивцы, кои все почти имели сильную руку в Петербурге и кои, на сем основании, то домик выстроят, то купят деревеньку*, но это в свою очередь делалось только милостию возмездия правителей канцелярий или секретарей, кои за ущербы податливости милостивцам и покровителям своим вознаграждали себя со сторицею. Думы, магистраты, ратуши понимали экстренные расходы, откупщики должное, суды и исправники разумели очистку дел и достоинство акциденций. Правители губернаторских канцелярий или секретари губернаторские, т. е. кто были в силе или *в фаворе* (подобные иностранные слова имели особый вес в устах подобных случайностей), носили на мощных, тучных плечах своих всю тяжесть управления губерниею и не доводили милостивцев и покровителей своих ни до каких беспокойств и огорчений. Усердные губернаторы принимали на себя труд раз в год являться по губернии для *обозрения* оной; чиновники, сопутствовавшие им, блюли, яко зеницу ока, покой и беззаботность их. Передовые неслись с приказами к исправникам, а сии уже вменяли себе в священную обязанность озаботиться о безостановочном проезде

своего начальника по уезду и о *надлежащей* встрече чиновников, его сопровождавших. Лошади на станциях двойным числом, на дорогах толпы крестьян, выравнивающих колеи, рытвины и промоины или обсаживающих дорогу свежими кольями из ветлы и обертывающих оные соломой. На причалах, где г. начальник изволит останавливаться, заботливостью исправника прибрана изба или комната, вход усыпан песком, на лавках и полу постланы ковры, на столе скатертка и на ней определенное число приборов или для обеда, или для чаю. И г. начальник губернии садится с удовольствием за стол, он в восхищении, до какой степени развивается вкус в крестьянских избах, он нисходит до *народности* и приглашает чиновников, его сопровождающих, с собою, и даже исправника, за один стол, оные отнекиваются с подобострастием от сей высокой чести для них, ибо им приготовлен особый стол – на свободе, где им нужно сделать расчеты по уезду, где они точнее дознать могут о благосостоянии уезда. При городах градоначальники на заставах – также во всей форме – и нередко верхом, ежели телесная их тучность не препятствует этому, встречают губернатора своего с рапортом о благосостоянии города, который и удостоиваются подать из собственных рук своих. И вот по городу летят экипажи, скачут верховые прямо к квартире начальника губернии, отлично убранной, разумеется, в доме лучшем в городе, где голова или бургомистр с купечеством и с хлебом и с солью; дворянский предводитель с служащим по выбору дворянством, с уверенностью преклоняют главы свои – да из бодрости их удостоверится дух начальнический о благосостоянии города, им посещаемого, и об устройстве дел оного. Наружность чиновников удостоверяет уже, что все обстоит благополучно. И что же остается делать начальнику губернии в каком-либо дрянном городке? Проехать по городу, заехать к острогу, где принимается обыкновенно рапорт о числе содержимых и о *благосостоянии* их содержания; завернуть к присутственным местам, где также готовы рапорты о ходе и течении дел, и потом отобедать или отужинать с знатною городскою и потом в довольстве и навеселе продолжать дальнейшее обозрение губернии. Разумеется, что в это время чиновники, сопровождающие начальника своего, привели в порядок рапорты и обряд ревизии покончили – все в порядке – все в исправности! Но усердные слуги отечества посылали даже вперед для предварительного обревизования какого-нибудь Никольского, который отлично делывал свои дела и при маловажной сделке загибал листы в делах и ногтем отмечал, где начальнику губернии должно было остановить свое внимание и побранить членов суда за неисправность. Но ежели Никольский доволен, то пусть приезжает, милости просим – это возглас другой формы ревизии. И действительно – на-

чальнику губернии открывается обширное поле покоя; остается отрапортовать министерству, что благоустройство и преуспевание по губернии идет быстрыми шагами. Но вот беда: после столь торжественных отношений назначается ревизором губернии сенатор. И беда, если этот сенатор муж чести и долга. В проезд его, при каждой перемене лошадей, он бывает окружен толпою просителей, и эти просьбы, и эти прошения прежде прибытия его в город знакомят его уже с настоящим состоянием дел уезда и с цветущею губерниею. В иных присутствиях не находит он настоящих реестров; там — дела, числящиеся в докладном реестре, не отыскиваются в журналах и нет для них протоколов. А сколько указов лежат в забвении по всем инстанциям суда, начиная с губернского правления, правого глаза губернаторского, до земского суда? При расспросе присутствующих о беспорядках секретари вытягиваются отвечать за них, а гг. члены суда на повторительные вопросы остаются безгласны, как рыбы, и одними поклонами удовлетворяют законное требование сенатора. Или, и то случалось, вместо всякого ответа повторяют: не погубите нас! жена, дети малые!* При таком состоянии дел устройства в цветущей губернии, как свидетельствовал начальник губернии, ревизор-сенатор встречает хаос в действиях присутственных мест и набирает кучу просьб с жалобами, кои, само собою разумеется, не может удовлетворить, но кои, по крайней мере, знакомят его с благоденствием ревизуемой им страны и с порядком управления.

Иван Иванович, принявши на свою ответственность министерство юстиции, не один раз бывши сенатором-ревизором, с прискорбием знал уже и видел как затруднения и препятствия со стороны крайнего неустройства по управлению оным, так и ничтожность средств к поправлению тех результатов; ибо по всей обширности министерства он столь мало находил людей, способных понимать свои обязанности, что с трудом и кой-как, по его выражению, собрал несколько для обзаведения собственной канцелярии и департамента министерства. Выбор сделан был им не наудачу; дарования и нравственные качества были на весах при сем выборе. Всякий скажет, что и дарования и нравственные качества взвешиваемы были не наудачу и не по произволу. Доказательством сему то, что многие из сего выбора занимали впоследствии важные государственные должности, а двоим поверены были министерства — гг. Дашкову и Блудову*.

Входя сам в подробности министерства и занятий по оному, И. Иванович легко видел, что исполнение обязанностей, лежащих на Дашкове, несближаемо разнится от исполнения обязанностей, лежащих на З. З. Это более утвердило его в мысли исходатайствовать высочайшее разрешение

об издании указа, по коему не производились <бы> в чины далее титулярных советников без экзамена или без университетского аттестата.

– Покойный Государь был истинный мой благодетель, – однажды говорил И. Иванович, – не потому только, что он был особенно милостив и внимателен к моей службе, но по тем ощущениям, кои произвел он во мне своим характером и кои сладостны для меня и ныне точно так же, как во время возрождения их. После одного доклада по службе моей, когда он готов уже был отпустить меня, я обращаюсь к нему, держа в руках тетрадь: Государь! – Что еще? Что это такое, спросил он. – Осмеливаюсь Вашему Величеству представить мнение мое о способах заставить более заниматься у нас науками. – А, это хорошо, очень хорошо. Но скажи же мне, в чем дело? – Я начал объяснять ему содержание моего мнения, не спуская глаз с него: он был весь внимание, физиономия его, всегда столь благая и кроткая, в это время озарилась чистою радостью – физиономия эта всегда со мною, – с слезами на глазах сказал Иван И. – Очень, очень я благодарен тебе за это, И. И. Приготовь по содержанию твоего мнения указ и принеси в будущий раз подписать мне. Я тебе очень благодарен за это, повторил Государь вслед за мною, держа записку мою в руках своих. Через несколько дней указ был готов и я явился для подписания его. Лишь только Государь меня заметил, подошел ко мне, взял меня за руку и с свойственною ему благостию говорит: «Спасибо, И. Иванович. Весьма тебе благодарен. Мнение твое у меня не выходит из головы. Ты оным для меня сделал большую услугу». И увидавши бумагу в руках моих, что это? спросил он. – Указ, который Ваше величество изволили приказать приготовить на основании моего мнения. «Подай сюда». Взявши бумагу и просмотревши оную, тут же подписал. И вот указ, остановивший на быстром поприще бесчисленных титулярных советников, начиная от отпущенников, коих отцы обокрали господ своих, поверивших им имения, и до детей сановитого купечества. Вы вероятно знаете стихи Нахимова: «Восплачь, канцелярист, подьячий, / Секретарь и вся приказна тварь и пр.», – писанные по случаю появления сего указа*.

И было чему плакать! И было над чем злобе и клевете людской потешиться! И было с кем интриге составлять свои проделки! Каких качеств ни приписывали И. Ивановичу! Наконец в мое уже время общий гул сосредоточился на том, что И. Иванович был безмерно горд. Да – одно только справедливо, что он казался иногда суровым, и именно когда душа его погружена была в саму себя, когда думы волновали эту душу. И он мыслил не о себе, не умножение имения своего занимало эту душу. Любя во всем математическую точность, он не допускал никакой и лицемерной сделки ни с

обязанностями занимаемого им места, ни с последствиями совершаемого им поступка. Он не терпел ничего постыдного, не просил ничего для себя. Да – он казался гордым тем, кои боялись приблизиться к нему – до такой степени уважали его. Люди дозволяют людям возвышаться даже и выше их, но никогда, никогда не прощают тем, кои не унижаются до них. Посему чувства, питаемые ими к великим характерам, сопровождаются отчасти ненавистью и страхом. Излишество достоинства есть для них безусловный упрек, которого они не прощают ни живым, ни мертвым.

В упомянутом указе заключается истинный зародыш русского просвещения, без него наши дорогие соотечественники, столь чинолюбивые, столь смышленные, как некоторые журналисты воспевают, по своей русской натуре, не принялись бы за эту русскую грамоту с такой охотой, какую по видимому обнаруживают ныне. Да и на что нужна была, как еще фон-Визин заметил, русскому дворянину, столь тщеславному, Бог знает чем, столь суетному, – грамота, особливо когда *мадам* дитя его учила, а *муссьё* его гулять водил? * На что она ему была нужна, когда можно было с своими *положенными* душами пропировать *положенный* свой век? С появлением помянутого указа университеты русские начали наполняться молодыми людьми; положим, еще не слишком жадными к обогащению себя нужными сведениями; по крайней мере, и то уже было неопределимым для отечества приобретением, что все они жадны были к преодолению преграды для чина коллежского ассесора. Волею или неволею, разве это не было уже настоящим добром для отечества, когда многие молодые люди, по крайней мере, перед экзаменом своим заглядывали в предметы своего факультета. Волею или неволею, но они приобретали уже несколько лишних соображений, более, по крайней мере, нежели сколько чистая, щедрая русская натура даровала им оных; более по крайней мере, нежели сколько имел оных настоящий русский неслужащий дворянин, или русский приказный, или даже русский прапорщик, включительно до капитанов, в отставке. Но между молодыми людьми, начавшими посещать университет, встречались уже и пристрастившиеся к науке, встречались уже с жаждою к познанию. В 1812 году нашли в университетах многих уже людей, кои преимущественно сказались полезными по разным частям в армиях, коими преимущественно дорожили многие генералы. После нашествия неприятелей министерства стали наполняться чиновниками из университетских студентов, коих отыскивали и отличали по преимуществу. Корень всего этого добра развился умом Ивана Ивановича: он расшевелил эту *molem crudam* * и подвинул ее к умственной деятельности. Без его счастливо развернутой мысли, может быть, мы коснели бы еще и доселе с нашею русскою смышленною натурою.

Великое дело – удачно развитая мысль; но мысль сама по себе не развернется никогда без предварительного образования души и чувства. Гений самородка – это мистификация. Не бриенская школа* сделала Наполеона славным полководцем, славным политиком, славным правителем; но собственное его глубокое изучение того, что имел он случай изучить глубоко. И Ивана Ивановича образовало не домашнее воспитание, которое мог дать своему сыну в век Екатерины II русский помещик, в глуши приволжской. Его образовало собственное изучение всего того, что случайно попадалось ему под руку. На биваке, в карауле, в казарме или на чердаке своем* – всегда с книгою и всегда с жадностью изучить последнюю ее страницу. Так-то – в школе то или в домашнем кругу – образуется душа и чувства, при очищении которых свободно развертываются мысли и соображения делаются светлыми.

Только с светлыми соображениями у И. И. Дмитриева могла родиться мысль на русском чиновнике основать закон, возбуждавший невольное желание к учению – закон, столь простой в основании своем и столь важный по последствиям. Один этот закон, предложенный для утверждения высочайшей воле министром Дмитриевым, заслуживает ему от благонамеренных соотечественников благодарных памятников. Но, сверх того, И. И. поэт, И. И. баснописец, И. И. литератор, каких немного; о сем после.

Я не берусь говорить о других заслугах И. И. Дмитриева по Министерству юстиции во многих частях его, а особливо по ходу прокурорских дел, по улучшению подрядов откупов винных и пр. П. И. Дегай* и другие образованные юристы, знавшие И. И., знают это хорошо. Они обязаны сказать это. Иван Иванович дышал наукою. Не один раз слышал я от него мнение его об определении в присутственные места членов по экзаменам, и именно, чтобы в члены высших инстанций суда к экзамену допускаемы были кандидаты и магистры и доктора прав, а в члены низших инстанций – кончившие курс студенты юридического факультета. Он предлагал об этом Д. В. Дашкову в бытность его у него, но сей находил какие-то затруднения. И. И. примолвил: все это можно бы уладить; для экзаменов можно составить предварительно программы в Министерстве, а о вызове к занятию должностей можно публиковать. Из чего теперь делаются выборы в отдаленных губерниях – из тех же приказных, наживших состояние и еще алчущих более, или из таких отставных офицеров, кои и не думали о знании службы, но коим нужны взятки. Они не чувствуют стыда нарушать закон. Такова была вера Ивана Ивановича в науку.

Был некто И. Е. Соколов*, впоследствии обер-секретарь в Сенате, которого Иван Иванович брал с собою для письма при обревизировании гу-

берний. Однажды зимой в большой мороз, заметивши, что Соколов худо одет, в ближнем городе купил для него теплый тулуп. Соколов во всю жизнь свою понять не мог, как можно, собираясь ревизировать суды, издерживать деньги на покупку тулупа для своего писца: скажи слово, и присутствующие с радостью достали бы тулуп, да еще и лучший. Я, услышавши об этом от Соколова, рассказал Ивану Ивановичу, и он от души хохотал этому.

С другой стороны, И. И., бывши министром и давши развитие делу, которое тянулось в продолжение многих лет по разным инстанциям судов, предложил на пересмотр оное Сенату, который и решил сообразно предложению министра. В один день, возвращаясь домой, находит у себя дорогой сервиз; на вопрос, от кого и кто принес оный, получает ответ, что принесший не сказал, от кого, а только прибавил, что де в благодарность за покровительство Вашему высокопревосходительству. Это чрезвычайно огорчило И. Ивановича. «Мне не то было больно, – говорил он, – что мне предложили взятку, но то меня огорчало, чем подал я повод, чтобы сочли меня способным к этому. Я был мучеником до тех пор, пока с помощью полиции не отыскиали того, кто принес этот сервиз, и не унесли оный из моего дому, которого даже стены сделались мне противны. Мне казалось, что и оне укоряют меня сервизом. Когда возвратили этот сервиз по принадлежности, мне казалось, что тяжесть свалилась с моего сердца: мне стало легко, я дышал свободно».

Вот мое желание в заключение этого короткого обзора одной черты из жизни сего редкого человека. Ежели бы – ежели бы... тогда и в уездах можно бы было жить беззаботно; тогда нарушение закона почиталось бы стыдом, а взятка бесчестьем. Земля она богата и велика, сказал еще Нестор*. – Окончу латынью: *Ordo est clavis omnium rerum**.

III

Домашний быт И. И. Дмитриева

И много лир висит безгласных – обвитых черным крепом! И А. И. Тургенева* уже нет! и Пушкина* нет! и Баратынского* нет! и того нет, который изобразил Опасного соседа и восторженное свое путешествие в чужие края!* И много лир уже обвиты черным крепом! Но пока живем, о живом среди обуреваний житейских вспоминать приятно.

В домашнем быту И. И. Дмитриева всякий легко мог заметить жизнь философа-поэта, коей сущность составляли мысли, понятия; то и другое он

искал и любил находить везде – в людях и вещах – в предметах природы и в предметах искусства. Это было единственное желание остальной его жизни. Лопас<н>енский крестьянин стихослагатель* и Орлов с Кузмичевым были предметом его внимания; но встреча с Пушкиным и Гоголем возбуждала в нем даже радость. «О-О! Да он так и смотрит гоголем», – сказал он, проводивши почти до дверей автора Мертвых душ, проездом в свою Украину обедавшего у него*. «Завтра же пошлю за его сочинениями и перечту их снова. У него и теперь много авторского запаса. Он не говорит *Батёвщина*, *Лагарповщина*. И Лагарп и Батё имели свое время и будут всегда иметь свое место. Я благодарен, что меня ознакомили с этим молодым человеком. Я очень доволен, что его узнал: в нем будет прок. Я и об Крылове то же говорил*. Но в Орлове я ошибся, кажется. В нем, право, есть дарование, но необразованность слишком далеко его заносит. Я отдал его на перевоспитание Пушкину и князю В., но и они не могли с ним сладить: своя конура лучше ему нравится».

Однажды обедало у И. И. Дмитриева довольно пишущей братии, между прочими припоминаю Павлова*, Надежина*, Баратынского, Погодина, Раича* – помнится, после последнего процесса с Семеном типографщиком, у коего напечатано будто было лишнее количество экземпляров его «Освобожденного Иерусалима». И. И. Дмитриев защищал его пред князем Д. В. Голицыным*, который был на стороне Семена. После обеда, который был довольно занимателен по разнообразию лиц, понятий, поколений, – по причине довольно холодного времени, – перешли в библиотеку его, которая внизу, к камину. Помню эти жаркие состязания о романтизме и классицизме – тогда предмете еще новом на Руси, – а в этом собрании были и классики и романтики. Спор продолжался, а развязки не было. Не знаю кто, помнится Баратынский, обращаясь к И. И., сказал: «Позвольте предложить мне мое мнение, – и по получении согласия продолжал. – Всякое общество иначе не должно начинаться, как подражанием. Но у людей с дарованием самые подражания проявляются в особенных образцах, свойственных их понятиям, их гениальным воззрениям на предмет – то же, да иначе. Отселе происходят новые формы для изображения мыслей, для представления их в образах и оборотах речи. То же, да иначе, и любо, как читаешь. А это увлекает к подражанию новости, и отселе новая литература. Назовите ее романтической, все равно; главное, она новая, не похожая на предшествовавшую. Вы явились у нас с Карамзиным с новым словом, с новыми оборотами и с новыми формами речи; вы открыли нам совсем новый путь к изложению наших мыслей; поэтому вы наш романтик прежде, нежели начали у нас спорить о романтизме и классицизме». «Что касается до Карамзина, я

с вами согласен; но, благодаря вас за мнение обо мне, я только держался за него и шел с боку его в литературе, потому что я находил в нем истинного друга и мне нравилось все то, что ему казалось лучшим», — отвечал Дмитриев.

Этот г. Баратынский, с которым, хотя редко, но встречался я, всегда кроткий, всегда грустный, всегда ищущий чего-то в самом себе, оставил мне памятником о себе последнее выражение свое. Пред отъездом из Москвы, мне нужно было заглянуть в Опекунский совет, и там в общей зале я встретил Баратынского. После обыкновенных приветствий я спросил: «Вы, верно, приехали к торгам на имение какое-либо?» — Нет, отвечал он, — поучиться брать деньги даром. — «Как это?» — Я закладываю имение*. — И это сказано им было с таким выражением грусти, которое и доселе живо во мне. Теперь, может быть, увидимся там.

В ту же романтическую осень, помнится, была первая моя встреча с вами. Я раскланялся уже с И. И., как человек докладывает, что вы приехали, и я остался еще на короткое время. Мне очень хотелось видеть вас, хотя на короткое время.

На другой день я заехал к И. И. вечером, и он встретил меня словами: «А мы с князем В. еще довольно долго проговорили. С ним всегда приятно проходит время. В нем много твердости и обдуманности в суждениях. Он любит литературу. Знаешь ли, что он сначала, когда Карамзин стал вхож в их дом и делался ему близок, он бегал от него; он даже не хотел знать русского языка; но потом он полюбил Карамзина, а с ним и русскую литературу, как только можно искренно полюбить»*.

Помнится, это было в одно и то же время. Утром получаю я записочку: «У меня ныне литераторы обедают; поранее ко мне. Д.».

Приехавши по желанию, я не нашел хозяина. Меня просили подождать; но вскоре он возвратился.

— А я заезжал к италианцу колбаснику — жду ныне к себе литератора, о котором я много наслышался. Он хорошо знает иностранную литературу — это сенатор М. П. Салтыков*.

Во время обеда видно было, что тело его еще порядочно работает, но дух уже был немощен. После обеда, казалось, он рад был вздремнуть. После ухода его вскоре после обеда И. И. сказал: «А я заманил его к себе, чтобы свободнее наговориться с ним. Кажется, опоздал. Дряхлость — да, это мне, и одно это, не нравится в нашей жизни. Неправильно сравнивают старость с детством. Разница очевидная: дитя не имеет еще сознания о своей слабости; но при сознании — мысль о дряхлости, о калечестве — довольно грустная мысль. Я не боюсь смерти. Мысль об оной равносильна для меня

мысли, что я ныне должен спать, а завтра к утру пробудиться; но быть ка лекою – быть дряхлым старичишкой – очень незавидное состояние. Вот прямое состояние рабства! Негр с смыслом может угодить своему господи ну; для глубокой дряхлости не остается и этого удовольствия. Рад был бы, но не в силах сделать угодное, а это еще более будет раздражать других. Тогда Николашка мой (слуга его) делается моим слугою-тираном». Чтобы прервать нить столь грустных мыслей, я заговорил о телеграфических вы ходках против Карамзина. Немедленно Карамзин перед ним; все забыто – осталась неприятность, что молодые писаки коверкают слог, выражения и слова без пощады. И тут он мне показал страницы, исписанные его рукой, – слов и выражений, кои он находил в журналах того времени*. Он хотел по слать в Российскую Академию, одобрит ли она их. Ответит, вместо будет отвечать; выметать мусор (кажется) предрассудков из гостинных и пр. «Найдите в Карамзине что-нибудь подобное?» – Известны ли вам эти стихи?

...Булгарин у тебя в словесности диктатор,
Историк Полевой,
А П- - - - сенатор*.

В это время И. И. удержал меня у себя на вечер, обещаясь сказать мне новость для меня приятную. «Да притом тебе с стариком брюзгою не скуч но будет. Я жду к чаю князя П. И. Шаликова* и А. А. Волкова*; тот и дру гой почитатели Карамзина, по крайней мере у меня в доме. Жалко, что к ним недостает еще Н. Д. Писарева*. Знаешь ли, чем он меня утешил в по следний свой приезд ко мне? Я только что получил естампы и показываю ему оные. Видя восхищение его, выражаемое и словами и руками, я спро сил его: хочешь ли иметь эти естампы у себя? Когда я умру, то откажу тебе все, какие у меня есть естампы. Это его до того обрадовало, что он мгно венно обратился ко мне с просьбою, чтобы я дал ему и формальное обеспе чение. Я обещаю ему завещать это в моей духовной; но он этим недоволен, боится, что мои родственники не выдадут ему даже по моему завещанию*».

Я не мог удержаться от смеха, слыша о таком благородном побужде нии. «Ты смеешься – а я не шутя обещал ему это в завещании моем, и он, встретясь со мною у Броглио*, напомнил мне об обещанном мною завеща нии. Волков хочет, чтобы я похлопотал об нем; ему хочется быть камер юнкером. При том это ему и нужно теперь; он влюблен в ..., а получивши камер-юнкера, он осмелился бы тогда приступить к сватовству. Шаликов меня довольно помучил своими жалобами о разорении своем от неприят еля». Потом, что тебе завещать, спрашивает у меня. Я молчал. «Книги мои,

не правда ли?» Я молчал. Он протянул ко мне руку и с чувством сказал: «Нет – останемся по-прежнему. Вот тебе обещанная новость: князь В. чрез Бенкендорфа просил Государя о позволении Его вступить ему в службу, и Государь милостиво принял его желание. Я читал его письмо – какая сила и благородство в мыслях!» Он это хорошо сделал, что вздумал вступить в службу; но жалко с ним расстаться; хотя он и полуночник, – смеясь прибавил И. И., – но и за полночь с ним очень, очень приятно проводить время. В нем-то я уверен, что Карамзин жив в душе его».

Во время чая этого вечера Дмитриев расхохотался как нельзя более. Князь Шаликов имел обыкновение, по крайней мере у И. И., взявши чашку, прихлебывать чай понемножку, сопровождая каждое прихлебывание восклицаниями. Обыкновенные восклицания его были: что за чай! Это только у вас одного я пью такой чай. Это настоящая амброзия! Это нектар Гебы и пр. Выслушав такие восклицания, Дмитриев спросил: «Что бы вы сказали, князь, ежели бы вам подавала этот чай не костлявая рука старика, а беленькая ручка хорошенькой девушки?» – О – это восхитительно, это божественно! – И. И. до того расхохотался, что встал из-за стола и начал прохаживаться по комнате. По уходе гостей он, припоминая разговор этого вечера, прибавил: «У всякого свой вкус. Я буду жалеть, когда князь В. уедет. С ним отводишь душу. Эти господа – почитатели Карамзина у меня – я уверен, не из последних противников *карамзинщины* в конторе Телеграфа». Потом, говоря об усилиях новых литераторов, чем бы то ни было и как бы то ни было, но прославиться, прибавил: «Князь В. уедет; Жуковский редкий гость для нас, Пушкин космополит, на него не надейся; придется приняться опять за Орлова, не приведу ли я его на добрую стезю».

Он долго надеялся, что Орлов будет в состоянии переменить свой образ жизни и свои привычки, пока не увидел его сам мимоездом в положении *pes plus ultra*. Рассказывая мне об этом, он припомнил об Е. Кострове. Вы знаете, что это певец давно минувших дней! Наслышавшись об нем как об отлично знающем словесность, И. И., идучи однажды мимо Университета, вздумал зайти к нему.

«Спрашиваю, где живет г. бакалавр Ермил – Костров? Меня проводят к нему – отворяют дверь. Так и понесло... Что же вижу? За простым столом сидят двое в нагольных тулупах; перед ними полштофа и кусок хлеба на деревянной тарелке. Это произвело на меня такое впечатление, что я не искал уже более случая короче сблизиться с пиитою»*.

По уходе одного гостя И. И., задумавшись, начал прохаживаться по комнате, потом, обращаясь ко мне, сказал: «Слышал? – Меня оскорбляет, когда вижу, что люди марают высокое, благородное; но я негодную и, при-

знаюсь, с трудом удерживаю негодование свое, когда вижу людей, лицемерно поддельвающих под чувства, не свойственные им. Иуда продал Учителя своего за тридцать сребренников – преступление гнусное, но еще человеческое; но когда он дерзнул целовать Спасителя и знак любви сделал печатью предательства, тогда лопнула последняя нить, связывающая его с человечеством».

И. И. Дмитриеву всегда приносило удовольствие, когда он видел у себя или в обществе С. П. Румянцева*. «Он имеет очень большие дарования и познания. Он много читал, много видел и много знает. Он бы мог быть весьма полезен для литературы; но его беспрестанно отвлекают. Однажды я заезжаю к нему довольно рано и нахожу у него в зале разговаривающих Ч. и Б.*, обоих в белых перчатках и готовых спорить. Слуга пошел доложить, а Б. подходит ко мне и говорит: “Верно-с к С. П.? Он еще не оделся; об нас уже докладывали-с, и человек-с просил подождать; он скоро оденется”. Несмотря на такое уверение, в то же мгновение является С. П. с веселым лицом, приглашает меня к себе и, поклонившись им, делает им знак рукою, чтобы и они следовали за нами. Мне показалось, что С. П., увидя их, смутился. Мы уселись особо, а они особо. Разговор наш тянулся и долго и приятно. По временам я посматривал на господ, которых терпение истощалось видимо, особенно у Б., который то посмотрит на часы, то снимет перчатку, то опять наденет оную. А какое изменение в лицах, когда я стал прощаться с С. П. Жалко, что тут не было какого-нибудь Говарда* – прекрасный явился бы эстамп!»

«Я не постигаю удовольствия страстей: скупости и любви к картам*. Но скупость, – прибавил он, – говорят, имеет ту выгоду, что скупые будто бы долго живут. Правда ли это? Не знаю. Любители карт и этим похвастаться не могут. Однажды мы разговорились с Лодером*; я хотел у него выпытать, что более располагает к долгой жизни? Он отвечал мне не запинаясь: довольство собою. Надобно позволять себе немножко суетности. Кажется, он прав. Поверяя себя, сознаюсь, что я также frivol (собственное выражение И. И.). Вчера у меня был гость, и я очень доволен его посещением. Не напрасно целая Москва следит за ним. Он перевел Юлия Цесаря* и сделал к нему свои замечания. Это очень любопытно. Теперь-то я жалею, что плох в военных науках. Меня подстрекает любопытство читать этот перевод, и не знаю, как помочь себе в этом. Я думаю собрать все переводы Юлия Цесаря, какие были, и читать, сравнивая их; но и в этом случае надобно пособие какого-либо генерала, который бы меня вразумлял. Право, Ермолов растревожил мое любопытство».

Однажды, проводивши Чад.^{*}, И. И. сказал: «Все благо, все добро. Но уважительна ли причина для перемены религии? Когда мы принимаем поручение, ничто не может нас оправдывать, ежели мы его не выполним. Государь узнал о неприятной истории Семеновского полка сутками ранее прибытия Его курьера. И как еще узнал? Что должен Он был думать в продолжении этих суток! Нельзя же было награждать курьера за то, что он привез вести позднее целыми сутками. Чтобы объявить себя обиженным, довольно и отбытия за границу. Но переменить религию, с которою образовался, вырос, и притом при обстоятельствах негодования на свою неудачу, в этом случае убеждение теряет цену. Я не нахожу во мне оправдания для таких случаев. Религия, внушаемая нам в детстве, остается с нами при всех слабостях наших. Впрочем, все благо, все добро. И та и другая религия имеет одну цель – поставить человека на стезю вечного добра».

Продолжение будет

ПРИМЕЧАНИЯ

К стр. 183. *Травемюнде* – морской порт Травемюнде неподалеку от Любека.

Александр Иванович Долгоруков (1793–1868) – старший сын поэта И. М. Долгорукова, литератор, знакомый Вяземского, В. Л. Пушкина, И. И. и М. А. Дмитриевых. К первой части «Сочинений Александра Ивановича Долгорукова в прозе и стихах» (СПб., 1859) приложен его портрет, по которому можно отчасти судить о внешности А. А. Иовского, – если зрительная ошибка Дмитриева имела какие-то реальные основания.

Дом Павлова. – Числился в третьем квартале этой части города. Вскоре, впрочем, Иовский переселился в дом Герасимова «у Рождества в пала-тах».

К стр. 184. *Александр Анфимович Орлов* (1790?–1840) – один из самых популярных низовых литераторов 1820–1830-х годов, известный по пушкинским антибулгаринским памфлетам (см., в частности: *Березкина С. В.* А. А. Орлов и антибулгаринская борьба 1830–1833 гг. // *Временник Пушкинской комиссии.* Л., 1987. Вып. 21). В 1814–1821 годах (с перерывами) учился в Московском университете, публиковаться начал с середины 1820-х и, вероятно, не раз обращался за помощью к Дмитриеву (просительное письмо Орлова к нему 1831 года опубл. в: *Шляпкин И. А.* Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПб., 1903. С. 154–155). Во второй половине 1820-х годов Орлов установил связи с редакцией «Московского телеграфа» (Вяземский, братья Полевые) – чему, соглас-

но свидетельству Иовского в очерке «Домашний быт И. И. Дмитриева», способствовал Дмитриев. Основную лит-ру об Орлове см. в ст. А. В. Корнеева в: Русские писатели. 1800–1917 : биогр. словарь. М., 1999. Т. 4. С. 446–448.

...в самых высших слоях... – Вероятно, описка, вместо «низших».

К стр. 185. Федот Семенович Кузмичев (1799–1860?) – сын крепостного в составе Московского ополчения, отроком принявший участие в Бородинской битве, а затем дошедший с русской армией до Франции, был дворовым княжны А. М. Голицыной, с 1830-х годов, получив вольную, числился московским мещанином. С 1824 года начал интенсивно писать в стихах и прозе, а с начала 1830-х – и печатать сочинения в различных жанрах массовой беллетристики (более 50 книг и брошюр). См. о нем статью Б. В. Дубина и А. И. Рейтблата в кн.: Русские писатели. 1800–1917. М., 1994. Т. 3. С. 208–209.

Третьяков. – К сожалению, сведений о нем найти не удалось.

Чай Иван. – Так называли суррогатную продукцию, изготавливавшуюся в России (центром этого промысла считалось село Копорье Петербургской губ.) из местных травянистых растений (в основном кипрея).

...во время хлопот... – О работе Дмитриева в Комиссии для пособия разоренным жителям Москвы в 1816–1819 годах. см.: Взгляд... С. 241–244, а также публикацию А. А. Костина в настоящем сборнике.

...живописец... – Вероятно, камердинер Дмитриева Николай, которого хозяин любил представлять своим знакомым как большого оригинала («философа», «автора», «художника»).

К стр. 186. ...в сером фраке... – Оригинальный выбор Дмитриевым цветовых гамм и фасонов своих костюмов не раз отмечался современниками. «Одевался он по своему покрою, носил платье того цвета, какой ему более нравился: у него были и серые, и коричневые, и зеленые фраки, парики всех цветов, даже иногда цветов невозможных, почти фантастических. Строгий классик по своим литературным верованиям, он во многом был самовольный романтик» (Вяземский П. А. Иван Иванович Дмитриев. С. 260). Ср. в стихотворении «Дом Ивана Ивановича Дмитриева» (1860): «Власть моды на дела и платья отвергал: / Когда все были сплошь под черный цвет одеты, / Он и зеленый фрак, и пестрые жилеты / Носил; на свой покрой он жизнь свою кроил» (Вяземский П. А. Стихотворения. Л., 1986. С. 362). Внебрачный сын П. П. Бекетова вспоминал о гардеробе Дмитриева для дружеских визитов: «Одевался он тщательно, просто; чаще всего можно было видеть его во фраке серого цвета, точнее – грифельного. Звезды носил он, как и все тогда, постоянно» (Из воспоминаний А. П. Кетова // РА. 1904. № 9. С. 29).

...о Шмиде... – Вероятно, имеется в виду доктор И. Шмидт, переселившийся из Германии в Москву весной 1812 года.

Histoire... – Книга иллюстрирована Горацием Верне (Paris: Dubochet, 1839; 2 ed. 1843). На стр. 180 (глава 10, эпоха Конвента) изображен можаваый Л. Н. Карно (1753–1823), действительно напоминающий миниатюрный портрет Дмитриева (в офицерском мундире).

К стр. 187. ...равнодушно не мог вспоминать... – Ср. свидетельство Н. Д. Иванчина-Писарева о степени благоговения Дмитриева перед своим монаршим покровителем: «Никогда не доканчивал он имени Александра I – голос его прерывался слезами» (Грот. С. 31). Траурным панегириком Александру I закончил Дмитриев «Взгляд на мою жизнь» (последнее примеч. от 10 января 1826 года. – С. 253–254).

...мнение... о Польше. – Проекты воссоединения Польши и предоставления ей независимости Карамзин резко осудил в письме, зачитанном и врученном императору 17 октября 1819 года (публикуется под заглавием «Мнение русского гражданина»). Рассказ об этом чтении Дмитриев мог слышать от самого Карамзина, когда в 1822 году приезжал в Петербург и жил по соседству с другом в Царском Селе.

История. – Первые восемь томов «Истории государства Российского» вышли в 1818 году, 9-й – в 1821-м, 10 и 11-й – в 1824-м, 12-й – по-смертно в 1829 году; при последнем общении с Карамзиным в 1822 году «из рук» историографа Дмитриев, кроме 9-го мог получить и переиздание первых восьми томов.

К стр. 188. Новиков. – Вероятно, отражение рассказа о первой публикации Дмитриева – его «Надпись» в восемь строк к портрету Кантемира появилась в «Санктпетербургских ученых ведомостях» (1777. № 15) с примеч. редактора журнала Н. И. Новикова, выразившего «искреннее желание» автору «хороших успехов во стихотворстве». Дмитриев вспоминал, что выслушал в этой связи дружеские поздравления, но сам, якобы, почувствовал двусмысленность пожелания Новикова (Взгляд... С. 33; высокая оценка просветительской деятельности Новикова – там же. С. 41 и сл.).

С... – Вероятно, речь идет о Николае Ивановиче Салтыкове (1736–1816), генерале, который сначала находился при великом князе Павле Петровиче, а затем был обер-камергером его старших сыновей, Александра и Константина; с 1787 года – член Совета при Екатерине II, с 1790-го – граф, с 1814-го – светлейший князь; с 1796-го – генерал-фельдмаршал. «Временником» Салтыков отчасти мог считаться с 1789 года – времени «фавора» П. А. Зубова, которому он протезировал; тогда же Салтыков возглавил Военную коллегию и являлся высшим начальством для офицера Дмитриева (как и по Семеновскому полку, подполковником которого был Салтыков). В годы своего министерства

Дмитриев ощущал неприязненное отношение к себе Салтыкова, ставшего главой Государственного совета и совета министров, что и подтолкнуло Дмитриева уйти в отставку. Вяземский вспоминал, что сначала в записках Дмитриева содержалась гораздо более резкая характеристика Салтыкова (Т. 7. С. 160; ср. Взгляд... С. 225–226, 229; Вяземский. Т. 8. С. 120–121).

...гнусный донос. – Свой арест в конце 1796 года по навету дворового человека и последовавшие после освобождения милости Павла I Дмитриев подробно описал в четвертой книге «Взгляда...».

К стр. 190. Сперанский. – Уважительный рассказ Дмитриева о деловых и личных достоинствах М. М. Сперанского и о крушении в начале 1812 года его карьеры госсекретаря см.: Взгляд... С. 193–200.

Давыд Максимович Алопеус (1769–1831) занимал пост посланника в Берлине с 1815 года до своей смерти. А. А. Аракчеев, с воцарением Николая I утративший свои прежние властные полномочия, в мае 1826 года уехал на полгода для лечения в Европу. В Берлине представлялся прусскому королю Вильгельму Фридриху III.

...генерала. – Речь идет о Михаиле Федоровиче Орлове (1788–1842), который в 1831 году получил позволение жить в Москве (по делу декабристов Николай I его помиловал, отправив поднадзорным в имение). В 1814 году Орлов фактически принимал капитуляцию Парижа, стал одним из самых молодых генералов. Активный участник тайных обществ, он выступал с проектами различных государственных реформ. Сложно сказать, в каком контексте Орлов привел (как можно полагать из рассказа Иовского – сочувственно) наполеоновскую максиму «Le trône...». 1 января 1814 года Наполеон осадил членов законодательного собрания Франции, требовавших реформ государственного управления, заявив им: «Вы стремитесь отделить государя от нации. Я один есть представитель народа, а кто из вас мог бы взять на себя такую ношу. Трон это всего лишь доски, обитые бархатом». Этот известный эпизод был пересказан и в той иллюстрированной «Истории Наполеона», на которую Иовский ссылается в предыдущем письме (см. примеч. к стр. 186; цитата: Histoire de l'empereur Napoléon. Par P.-M. Laurent de l'Ardèche. P. 665). В своем калужском селе Милиятине Орлов завел знаменитый стекольный завод и сам разрабатывал химические технологии; производство, впрочем, было убыточным. Основная сфера занятий Орлова с конца 1820-х годов – теория финансов и политэкономика; его главный труд «Опыт теории налогов», о котором и вспоминает Иовский, был анонимно издан в Москве в 1833 году (см. о нем в кн.: Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. Политические соч. Письма. М., 1963, а также ст. А. А. Ильина-Томича в: Русские писатели. 1800–1917 ... Т. 4. С. 450–452).

К стр. 191. Козлятинов. – О близкой дружбе с Федором Ильичем Козлятевым (1750-е?–1808), сослуживцем по Семеновскому полку и «ментором» начинающего поэта, Дмитриев подробно рассказывает в своих записках (Взгляд... С. 47–49, 158: «Это был больше, чем друг, истинно мой добрый гений!»). Имена Козлятева и Карамзина были для него одними из самых дорогих. Уважение к памяти Козлятева Дмитриев привил и молодым поэтам – Жуковскому, Вяземскому. Последнему в письме от 10 ноября 1821 года он сообщил прочувствованную характеристику Козлятева, включенную Вяземским в «Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева» (опубл. в 1823 году).

...у... магазина Розентрауха... – Модная лавка Витали, косметический магазин В. И. Розенштрауха, открытый в 1826 году ресторан Т. Яра помещались в районе Кузнецкого моста.

...Кто имеет друга... – Отсылка к сентенции из посвящения, предпосланного Карамзиным первой книге его альманаха «Аглая» (1794): «Мы живем в печальном мире; но кто имеет друга, тот пади на колена и благодари Вездесущего!»

Н. И. Агарев – Николай Иванович Огарев (1778–1852). В 1826 году был назначен сенатором, до этого – обер-прокурор 2-го отделения 5-го департамента Сената. О расположении Дмитриева к Огареву и протекции ему см.: Вяземский. Т. 8. С. 133–134. Об одном из обедов Дмитриева с Огаревым вспоминал М. А. Дмитриев (Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 353).

К стр. 192. ...пойдут... хинью – даром, на ветер, без пользы и толку (Даль).

...спорили о подобном предмете... – О «филантропических» спорах Карамзина и Дмитриева см. также: Вяземский. Т. 7. С. 159.

К стр. 195. Начальники губерний... – Так нередко обобщенно именовали губернаторов, генерал-губернаторов, а также наместников областей, объединяющих ряд губерний.

Бездна премудрости. – «Недоросль», д. 2, явл. 5 – формулировка из прошения об отчислении из семинарии в гражданскую службу.

То домик выстроят... – Из басни Крылова «Лисица и Сурок».

К стр. 197. ...не погубите нас!.. – Прямая цитата из «Ревизора» (слова Городничего) подтверждает ощущение, что весь фрагмент про инспекцию города составлен с оглядкой на комедию Гоголя.

Дашков и Блудов. – Рассказывая в седьмой книге своих записок о том плачевном состоянии, в котором он принял министерство, Дмитриев в числе недостатков отмечал и «определение чиновников к должностям большею частью на удачу, по проишкам или через покровительство» (Взгляд... С. 183). Дмитриев обновил аппарат министерства молодыми образованными людьми (в частности, сотрудниками Московского ар-

хива Коллегии иностранных дел). Под его началом служили Дмитрий Васильевич Дашков (1788–1839), сам в 1832 году занявший пост министра юстиции, а также другой будущий «арзамасец» – Д. П. Северин (почти по-родственному опекаемый Дмитриевым), поэты Н. Ф. Грамматин и М. В. Милонов и др. Дмитрий Николаевич Блудов (1785–1864), также с юности знакомый с Дмитриевым, под его началом никогда не служил, продвигаясь по дипломатической стезе; в 1832 году он стал министром внутренних дел, а в 1839-м – министром юстиции (ранее в 1830 и 1837 годах в течение нескольких месяцев управлял Министерством юстиции) и одним из высших сановников империи.

К стр. 198. «Восплачь, канцелярист...» – Из пользовавшейся широкой популярностью «Элегии» Акима Нахимова, посвященной указу 1809 года: «Восплачь, канцелярист, повыгчик, секретарь, / Надсмотрщик возрыдай и вся приказна тварь! <...> О чин ассессорский, толико вожелденный! / Ты убегаешь днесь, когда я, восхищенный, / Мнил обнимать тебя, как друга, за алтын; / Быть может – навсегда прости, любезный чин!» Из этого же стихотворения, возможно, пришло в мемуар и упоминание об «акциденциях».

К стр. 199. ...когда мадам дитя его учила... – Переход от «вотчинной» философии фонвизинской Простаковой к характеристике поверхностного светского образования в «Евгении Онегине» дает неожиданное сопряжение различных исторических и социокультурных систем. Оно продолжено и в следующей фразе, если видеть в ней реминисценцию стихотворения Н. М. Языкова «Песня» («Когда умру, смиренно совершите...», 1828): «Все тлен и миг! Блажен, кому с друзьями / Свою весну пропить дано; / Кто видит мир туманными глазами / И любит жизнь за песни и вино!..» Объединение провинциального низового невежества и либертинского гедонизма как явлений однопорядковых определенным образом характеризует жизненную позицию А. Иовского, которую он пытается несколько противоречиво высказать далее в своем тексте.

Molem crudam – грубая глыба (лат.).

К стр. 200. Бриенская школа. – В этой военной школе в Шампани юный Наполеон учился в 1779–1784 годах.

На биваке... – Ср.: Взгляд... С. 31–32, 50.

Павел Иванович Дегай (1792–1849) – юрист, окончил Харьковский университет, в 1814 году со степенью доктора права поступил в канцелярию статс-секретаря П. С. Молчанова, в 1815 году перешел в департамент Министерства юстиции (с 1831-го – его директор). С 1820 года служил в Москве, с 1842 года – сенатор. М. А. Дмитриев упоминает его первым в числе юристов, поднявших на высокий уровень судебно-правовую систему в Москве. Сохранился двухтомный труд Дегай 1824 года по истории законодательства, подаренный им И. И. Дмитриеву

(см.: Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 229, 635; здесь же – о контактах Дегаля с литераторами).

И. Е. Соколов – вероятно, Иван Яковлевич Соколов (1790–1848), в 1830–1840-е годы служивший в Москве обер-секретарем различных сенатских департаментов.

К стр. 201. *Земля... богата и велика...* – Имеется в виду рассказ о призвании варягов на Русь из Ипатьевской летописи: «Нестор пишет, что Славяне Новгородские, Кривичи, *Весь* и *Чудь* отправили Посольство за море, к Варягам-Руси, сказать им: *Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет: идите княжить и владеть нами*. Слова простые, краткие и сильные!» («История государства Российского» Карамзина. Т. 1. Гл. 4). *Ordo est...* – Порядок – ключ ко всему (*лат.*).

...А. И. Тургенева уже нет!.. – Датой смерти (3 декабря 1845 года) Александра Ивановича Тургенева определяется нижняя граница датировки этого очерка.

Александр Сергеевич Пушкин (1799–1837). – Поэт был знаком с Дмитриевым с детства, в 1826–1836 годах не раз посещал его дом. Канву их отношений см.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. 2-е изд. Л., 1989. С. 140–141. Известный детский каламбур Пушкина про Дмитриева («арабчик – рябчик»), вероятно, выдуманный М. Н. Макаровым в мемуаре в «Современнике» (1843. Т. 29), создал устойчивое представление о том, что Дмитриев был рябым. Между тем, в отличие от косоглазия, этот факт большинством современников не отмечается. Ср.: «Описывая наружность Дмитриева, я забыл упомянуть о том, что где-то <...> было сказано, что он был ряб. Племянник его, Михаил Александрович Дмитриев возражал на это, восстанавливая истину. Иван Иванович не был ряб, но сам М. А. Дмитриев был несколько рябоват» (Из воспоминаний А. П. Кетова // Русский архив. 1904. № 9. С. 29–30).

Евгений Абрамович Боратынский (1800–1844). – Знакомство поэта с Дмитриевым относится, вероятно, к осени 1825 года. Об их встречах в Москве см.: Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского / Сост. А. М. Песков. М., 1998; по указателю. О литературном вечере у Дмитриева в октябре 1825 года с участием Боратынского: Барсуков. Т. 1. С. 318. «Боратынский как-то не ценил ума и любезности Дмитриева. Он говаривал, что, уходя после вечера, у него проведенного, ему всегда кажется, что он был у всенощной. Трудно разгадать эту странность. Между тем он высоко ставил дарование поэта» (Вяземский. Т. 8. С. 434).

Опасный сосед. – При имени В. Л. Пушкина (1766–1830) мемуарист упоминает самое известное его сочинение: сатиру «Опасный сосед» и стихотворную шутку И. И. Дмитриева «Путешествие N.N. в Париж и Лондон, писанное за три дни до путешествия» – составленный от име-

ни В. Л. Пушкина стихотворный отчет о его европейском вояже в 1803–1804 годах. Напечатанное лишь в нескольких десятках экземпляров в типографии П. Бекетова (1808), это стихотворение было широко известно в литературных кругах и тиражировалось в списках.

К стр. 202. Лопас<н>енский крестьянин стихослагатель... – Речь идет о крестьянском юноше-самоучке Петре Борисове (род. в 1811 году в селе Лопасня Московской губ.), который в 1826 году приехал в Москву и явился за протекцией к Дмитриеву, ободрившему его литературные устремления и оказавшему содействие в определении Борисова в гимназию. К 1832 году Борисов был исключен из университета, что вызвало недовольство Дмитриева (Русская старина. 1899. № 3. С. 690). Первую свою встречу с Борисовым Дмитриев изобразил «в лицах» в письме к известному пропагандисту «самородков» П. П. Свиныну 22 февраля 1826 года (Соч. 2. С. 293–294); см. также письма к Свиныну 1826 года И. М. Снегирева («Вся Москва занимается им»: РНБ. Ф. 679. Оп. 1. № 111. Л. 3–5). Сообщения о лопасненском поэте вскоре появились в «Московском телеграфе» (1826. № 2. С. 182 – о визите Борисова к Дмитриеву) и «Отечественных записках». См. о Борисове: Русские писатели. 1800–1917. М., 1989. Т. 1. С. 312 (ст. С. В. Сучкова). О Ф. С. Кузмичеве и А. А. Орлове см. выше.

Николай Васильевич Гоголь (1809–1852). – Знакомство с Дмитриевым относится к июлю 1832 года. К этому времени каламбурное обыгрывание фамилии Гоголя было достаточно распространено; Н. М. Языков уже в декабре 1831 года писал из Москвы брату: «...если не ошибаюсь, то Гоголь пойдет гоголем по нашей литературе» (Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1983. Т. XI. С. 281).

Иван Андреевич Крылов (1769–1844). – «Благословение» Дмитриевым И. А. Крылова на басенное творчество – важный сюжет в культурной мифологии дмитриевского круга, особенно в свете споров 1810–1820 годов о сравнительных достоинствах двух баснописцев. Многочисленные упоминания современников и историков о «патронате» Дмитриева Крылову-баснописцу опираются на примечание П. И. Шаликова к публикации басен Крылова в «Московском зрителе» (1806. № 1. С. 73) с указанием на то, что эти стихи передал в журнал Дмитриев с «похвалой» и «удовольствием». Вероятно, Дмитриев не хотел, чтобы этот факт забылся, и периодически вспоминал о нем в литературных беседах. Современники по-разному оценивали отношения двух баснописцев. П. А. Вяземский настойчиво подчеркивал, что Дмитриев был «первым оценителем басней» Крылова (О смерти И. А. Крылова // Памяти князя П. А. Вяземского / Труд С. И. Пономарева. С. 6). Недоброжелатели говорили о «зависти» Дмитриева: «Он завидовал славе Крылова и не мог равнодушно переносить похвалы этому баснописцу»: (Русская старина. 1890. № 6. С. 680). «Мифом» считал покровительст-

во Дмитриева Крылову специально изучавший этот вопрос Ф. Витберг (Первые басни И. А. Крылова // Известия ОРЯС. 1900. Т. 5. Кн. 1. С. 208–219, 257); см. также: Чулицкий. № 4. С. 358–362.

Михаил Григорьевич Павлов (1792–1840) – профессор Московского университета, где читал курсы физики и различных естественных наук, особой известностью пользовался как пропагандист философии Шеллинга. В 1828–1830 годах издавал журнал «Атеней». Павлов в 1811 году закончил ту же Воронежскую семинарию, что и А. А. Иовский.

Николай Иванович Надеждин (1804–1856) – первыми же своими статьями в «Вестнике Европы» (1828) приобрел репутацию строгого критика романтизма; в 1831–1836 годах занимал кафедру теории и истории изящных искусств в Московском университете и одновременно издавал журнал «Телескоп». Из-за публикации «Философического письма» П. Я. Чаадаева журнал был закрыт, а Надеждин сослан. В 1829 году М. П. Погодин сообщил С. П. Шевыреву о Надеждине, что «И. И. Дмитриев прежде ругал его, а теперь ласкает, ибо оба ненавидят Полевого» (Барсуков. Т. 2. С. 351).

Семен Егорович Раич (1792–1855) – в 1820-е годы вел частную педагогическую практику и преподавал в университетском Благородном пансионе, объединил вокруг себя кружок молодых литераторов. Выпускал альманахи «Новые Аониды» (1823), «Северная лира на 1827 год», а в 1829–1830 годах – журнал «Галатей» (возобновлен в 1839–1840 годы; здесь помещено «Воспоминание о знакомстве моем с Дмитриевым» М. Н. Макарова (1839. № 5)). Дмитриев с самого начала протезировал Раичу; в 1821 году, высылая А. С. Шишкову раичевский перевод «Георгик» Вергилия, он дал самую лестную характеристику переводчику: «При основательном просвещении своем отлично скромн, доволен малым; – и главные занятия его досугов состоят в постоянном изучении классических поэтов римских и италийских, которых язык знает он совершенно» и т. д. (Соч. Т. 2. С. 276). Забавную историю о знакомстве Дмитриева с Раичем, которого он перепутал с неким пылким любителем цыганок, вспоминал Вяземский (Т. 7. С. 163). М. А. Дмитриев отмечал, что Раич относился к немногим писателям молодого поколения, сохранившим приверженность к Дмитриеву (Мелочи. С. 123). Раич в 1831 году выпустил в типографии Августа Семена (1783–1862), считавшейся лучшей в Москве, перевод «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо.

Дмитрий Владимирович Голицын (1771–1844) – в 1820–1843 годах московский генерал-губернатор, оказывал вместе с Дмитриевым особое «покровительство» литературному обществу Раича (Автобиография С. Е. Раича / Сообщ. Б. Модзалевский // Русский библиофил. 1913. № 8. С. 28).

К стр. 203. Я закладываю имение. – В 1842 году Боратынский заложил на 26 лет тульское имение Энгельгардтов Скуратово, собирая средства на постройку усадьбного дома и организацию промышленной лесопилки. Хозяйственные хлопоты вынуждали его в начале 1840-х годов регулярно приезжать в московский опекунский совет.

...он сначала... бежал от него... – О своем первоначальном детском неприятии Карамзина, который в 1804 году женился на сводной сестре П. А. Вяземского, он рассказал в «Автобиографическом введении» к Собранию сочинений (1878).

М. П. Салтыков. – По всей видимости, речь идет о Михаиле Александровиче Салтыкове (1767–1851), почетном члене «Арзамаса», с 1825 года тесте А. А. Дельвига. Краткое время Салтыков был «в случае» у Екатерины II, в начале царствования Александра I входил в его ближайшее окружение, в 1812–1818 годах был попечителем Казанского учебного округа. Назначенный в конце 1828 года сенатором в 6-й департамент, Салтыков поселился в Москве (дети его жили в Петербурге, а жена умерла в 1814 году). Глубокое знакомство Салтыкова с французской литературой XVIII века и его «обширные познания» отмечаются многими мемуаристами (Ф. Ф. Вигель, Д. Н. Свербеев, А. И. Дельвиг и др.). По обобщенной характеристике Б. Л. Модзалевского, Салтыков «был предан театральным и литературным интересам и сам <...> много писал (хотя ничего и не печатал), а читал – еще больше» (*Модзалевский Б. Л.* Пушкин и его современники. СПб., 1999. С. 154; здесь же о московском круге общения Салтыкова, в том числе И. И. Дмитриеве – с. 158). Вяземский вспоминал, что Салтыков, как и Дмитриев, выписывал из книг возмущавшие его «неологизмы новейшей школы» (Т. 7. С. 167).

К стр. 204. И тут он мне показал страницы... – Этот пассаж имеет полное соответствие в позднейших (начала 1830-х годов) авторских примеч. к первой части «Взгляда на мою жизнь» (С. 98–100, 103), где приведен и список «нововведенных слов» и выражений, почерпнутых в основном из статей и повестей Н. Полевого, который Дмитриев заключает ремаркой: «Довольно. Мне пришлось сказать к слову. Пространнее же пусть посудит о том Императорская Российская Академия» (С. 100). Примеры «порчи языка» (Полевым и в «Библиотеке для чтения») Дмитриев приводит также в письме П. П. Свиньину 11 февраля 1834 года с замечанием: «Хотел бы знать, что думает почтенный Александр Семенович Шишков о всех новизнах в нашей словесности?» (Соч. Т. 2. С. 308; см. там же письма Свиньину 20 февраля 1835-го, Жуковскому 13 марта 1835-го и 6 сентября 1836-го, А. С. Пушкину 10 апреля 1835 года и др.). Критически о слове «мусор» в стихах С. П. Шевырева: Старина и новизна. СПб., 1907. Кн. 12. С. 332.

...Булгарин у тебя... – Возможно, это двестишный экспромт самого Дмитриева, относящийся к 1830 году. Опущенное имя, по всей видимости, – Александр Александрович Писарев (1780–1848), генерал, член Российской Академии (1809), «Беседы любителей русского слова» и др. обществ; в 1825–1830 годах – попечитель Московского учебного округа и университета, в 1829–1830 годах – председатель Общества любителей российской словесности. В 1830 году назначен сенатором с пожалованием в тайные советники. В московской «патриархальной» литературной среде (П. И. Шаликов, А. А. Волков и др.) Писарев играл роль покровителя.

Петр Иванович Шаликов (1768–1852) был верным адептом Дмитриева. Журнал Шаликова «Московский зритель» (1806) активно использовался Дмитриевым для литературных войн (см.: Вацуро В. Э. И. И. Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века // В. Э. Вацуро. Пушкинская пора. СПб., 2000), в издававшихся позднее Шаликовым «Аглае» (1808–1810, 1812) и «Дамском журнале» (1823–1833) много комплиментарных отзывов о старшем поэте. При этом отношение Дмитриева к Шаликову часто было пренебрежительно-ироническим (см.: Мелочи; по указателю). Личной обидой объясняется закамуфлированно насмешливая рецензия Шаликова на дмитриевские «Апологи в четверостишиях» (Дамский журнал. 1826. Ч. XIII. № 5. С. 217–222).

Александр Абрамович Волков (1788–1840-е ?) – автор тяжеловесной по стилю и построению поэмы «Освобожденная Москва» (1820), был преданным почитателем Дмитриева, посвящал ему свои сочинения, опубликовал очерк «О последних днях жизни И. И. Дмитриева» (Московский наблюдатель. 1837. Июль. Кн. 2). См. коммент.: Вацуро В. Э. Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 454.

...недостаёт ещё Н. Д. Писарева. – О вызывавшей «удивление» в обществе привязанности Дмитриева к А. А. Волкову и горячему поклоннику Карамзина Николаю Дмитриевичу Иванчину-Писареву (1790–1849) см.: Мелочи. С. 150.

...обещаю ему завещать... – М. А. Дмитриев, передавая этот «анекдот», говорит, что речь шла об одном – очень ценном – эстампе и что И. И. Дмитриев по просьбе Иванчина-Писарева дал расписку в том, что завещает эстамп ему. «После кончины Ивана Ивановича мне большого труда стоило уговорить его наследников отдать этот эстамп Писареву: анекдоту моему не верили, принимая все это за шутку <...> Но, к счастью, я нашел в бумагах Ивана Ивановича его расписку; и эстамп был наконец отдан по обещанию» (Мелочи. С. 132–133). То же он повторяет в «Главах из воспоминаний моей жизни» (С. 386–388), описывая распыление собрания эстампов при общем дележе наследства И. И. Дмитриева.

Броглио. – Вероятно, имеется в виду близкая подруга невестки И. И. Дмитриева гр. Анна Петровна Броглио (урожд. Левашева), званые обеды которой славились в Москве (см.: *Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни; по указателю).

К стр. 205. ...вступить ему в службу... – Вернуться на службу (после скандальной отставки в 1821 году) Вяземский решил в 1828 году и составил для императора обстоятельную «Записку о князе Вяземском» (была посмертно опубликована под загл. «Моя исповедь»), в которой с достоинством и чувством собственной правоты изложил свою общественную позицию. После унижительных проволочек и нового обращения к царю Николай I распорядился 18 апреля 1830 года определить Вяземского чиновником особых поручений при министре финансов Е. Ф. Канкрине. Для улаживания служебных дел Вяземский еще в феврале 1830-го уехал в Петербург.

...где живет г. бакалавр Ермил – Костров? – Восходившие к И. И. Дмитриеву рассказы о Ермиле Ивановиче Кострове (1755–1796) пользовались большой популярностью, часто искажаясь при пересказах (ср.: Мелочи. С. 25–27; Вяземский. Т. 8. С. 10).

К стр. 206. *Сергей Петрович Румянцев* (1755–1838) – много странствовавший по Европе, пользовавшийся симпатией Вольтера дипломат, член Государственного совета, брат канцлера Н. П. Румянцева – был в дружеских отношениях с Карамзиным и Дмитриевым и скептически относился к языковой программе Шишкова. Он всю жизнь занимался литературой, писал ученые и публицистические сочинения. В юности получив известность своими французскими стихами, в 1810-е Румянцев пробовал себя и в русской поэзии – сохранился цикл его басен, которому предпослано послание Дмитриеву (см.: *Крестова Л. В.* С. П. Румянцев – писатель и публицист (1755–1838) // XVIII век : сб. 6 : Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. Л., 1964. С. 123–128). Разговор Дмитриева с Румянцевым о стихах Д. И. Хвостова Вяземский включил в «Старую записную книжку» (Т. 8. С. 427).

Ч. и Б. – Возможно, имеются в виду преподаватели Московского университета А. Х. Чеботарев (1784–1833) и А. В. Болдырев (1780–1842, в 1832–1837 – ректор), изображенные как маргиналы в «хорошем обществе».

Говард – то есть Уильям Хогарт (1697–1764), английский живописец и график, автор популярнейших в Европе XVIII – начала XIX века сатирических серий эстампов «История шлюхи», «История распутника» и др. Об известности Хогарта в России см.: *Левин Ю. Д.* Уильям Хогарт и русская литература // Русская литература и зарубежное искусство. Л., 1986. С. 35–61.

Я не постигаю удовольствия... любви к картам. – Отрицательное отношение к карточной игре стало у карамзинистов важной деталью культурного поведения.

Христиан Иванович Лодер (1753–1832) – известный московский врач, профессор.

Он перевел Юлия Цесаря... – Речь идет об Алексее Петровиче Ермолове (1777–1861), который в 1827 году был смещен с поста кавказского наместника и в 1831-м поселился в Москве, где купил дом на Пречистенском бульваре. Пользовался необычайной популярностью в обществе, в собраниях и даже на улицах привлекал к себе всеобщее внимание (см., в частности, в некрологической брошюре: *Le general Yermolov par le Prince Pierre Dolgoroukow*. Bruxelles & Leipzig; Paris, 1862. P. 24; см. также в «Былом и думах» Герцена). «Беседа его была очаровательна. Воспоминания, анекдоты, замечания, остроты лились потоками. И любопытно, и весело, и поучительно» (Алексей Петрович Ермолов. Материалы для его биографии, собранные М. Погодиным. М., 1864. С. 448; здесь же см. высокие оценки Ермоловым Жуковского, Пушкина, Вяземского – с. 411, 413, 419). В качестве образца для своих записок о новейшей военной истории России, об управлении Грузией Ермолов считал «Записки о Галльской войне» Цезаря, которые не раз принимался переводить и любил комментировать в беседах со знакомыми. См. статью А. А. Ильина-Гомича в: *Русские писатели. 1800–1917*. М., 1992. Т. 2. С. 235–236.

К стр. 207. Петр Яковлевич Чаадаев (1794–1856) – философ, публицист. Скандальную отставку получил в феврале 1821 года, в 1823–1826 годах путешествовал по Европе, затем вел жизнь замкнутую и работал над «Философическими письмами». В 1830-е возвращается в светскую жизнь, становится модным героем московского общества. В 1836 году после публикации в «Телескопе» 1-го «Философического письма» был официально объявлен сумасшедшим. Известно, что Дмитриев получил от Чаадаева этот номер журнала и затем одним из первых навестил опального «сумасшедшего» в доме Левашевых, где тот жил с 1833 года до смерти: «Первым посетителем Чаадаева, в самый первый день опалы, был И. И. Дмитриев» (Барсуков. Т. 4. С. 388). В жандармском донесении 1836 года в числе лиц, с которыми Чаадаев замечен «в коротких связях», первым назван И. И. Дмитриев (*Гершензон М. О. Избранное*. М., 2000. Т. 1. С. 433). Историческое отношение Чаадаева определили его симпатии к католицизму, но формально в католичество он, по-видимому, не перешел. Сам Дмитриев, по выражению Вяземского, «не был особенно набожен» (Т. 7. С. 159).

КАК И. И. ДМИТРИЕВ НЕ СТАЛ ПОПЕЧИТЕЛЕМ УЧЕБНОГО ОКРУГА

К. А. Ильина

В 1803 году Россия была разделена на шесть учебных округов, во главе каждого из которых был поставлен университет. Тогда же была введена и должность попечителя учебного округа, который, в силу служебного положения, являлся посреднической инстанцией между министерством народного просвещения и университетом. Он, с одной стороны, транслировал в подведомственное ему учреждение замыслы и идеи правительства, а с другой, – в министерстве докладывал о происходящем в университете и учебном округе и отстаивал интересы вверенного ему места. Попечители назначались императором и являлись членами Главного правления училищ – совещательного органа министерства народного просвещения¹.

В июле 1807 года умер попечитель Московского учебного округа Михаил Никитич Муравьев (1857–1807), бывший наставник императора в русском языке и словесности, товарищ министра народного просвещения. Александр I начал поиск кандидатур на замещение этой должности. В середине сентября император через министра народного просвещения П. В. Завадовского предложил пост московского попечителя Ивану Ивановичу Дмитриеву (1760–1837). За год до этого находившийся шесть лет в отставке поэт был удостоен звания сенатора и отправлен наблюдать за сбо-

¹ См.: Андреев А. Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. М., 2000; Вишленкова Е. А. Казанский университет Александровской эпохи : альбом из нескольких портретов. Казань, 2003; Вишленкова Е. А., Малышева С. Ю., Сальникова А. А. Terra Universitatis : два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005; Галиуллина Р. Х. Михаил Николаевич Мусин-Пушкин – попечитель Казанского учебного округа (1827–1854). Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1997.

ром земского ополчения в Костромской, Вологодской, Нижегородской, Казанской и Вятской губерниях, с чем великолепно справился.

Однако Дмитриев от предложения императора отказался. В своих воспоминаниях, созданных в 1826 году, он обосновывал это таким образом: «Как ни лестно было бы для моего самолюбия заступить место почтенного во всех отношениях Муравьева (Михаила Никитича), похищенного смертью еще в мужестве лет его, но я не захотел, чтоб завистники или эпиграмматисты называли меня вороной в павлиньих перьях»².

В своих мемуарах поэт упоминает также отправленное им министру народного просвещения графу П. В. Завадовскому письмо, в котором «изъявлены были чувства душевной благодарности к августейшему моему покровителю, сознание моих недостатков в классическом образовании и искреннее желание остаться при отправлении только службы по званию сенатора, к которой я уже приобрел навыки»³.

Это письмо Дмитриева, а также копия письменного предложения министра (за подписью архивариуса Билемана) сохранились в Российском государственном историческом архиве⁴.

Судя по письму поэта, Дмитриев считал себя неспособным быть «деятельным и достойным попечителем». Причем аргументировал он это не только отсутствием необходимого образования, но и своей «давней... дряхлостью». «Давняя дряхлость» Дмитриева исчислялась 47 годами, которая, к слову, не помешала ему через три года стать членом Государственного совета и министром юстиции. О сложности и неоднозначности восприятия возраста, в том числе и собственного, свидетельствует то, что, создавая мемуары, 66-летний Дмитриев писал об умершем в «мужестве лет» (то есть не в старости) попечителе М. Н. Муравьеве, который три с половиной месяца не дожил до 50 лет. Также следует заметить, что средний возраст по-

² Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь. Записки действительного тайного советника Ивана Ивановича Дмитриева. В трех частях. М., 1866. С. 155. Последнее выражение, возможно, является свежим откликом Дмитриева на басню И. А. Крылова «Ворона» (1825) и обыгрывает в таком случае неприемлемое, по-видимому, для Дмитриева положение попечителя университета как медиатора между ученым и чиновным миром («от Ворон она отстала, / А к Павам не пристала») – двух миров, которые в своем образе Дмитриев старался не смешивать.

³ Там же. С. 155–156.

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 28. № 63 (Дело об отказе И. И. Дмитриева от предложенного ему поста попечителя Московского университета и округа). Впервые внимание на это дело обратил А. Ю. Андреев (Андреев А. Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни ... С. 112–113), опубликовав, однако, только наиболее содержательную выдержку из письма Дмитриева.

печителей⁵ в то время составлял 51 год (от 37 до 73), так что возражение поэта было явно отговоркой.

Вероятно, реальная причина отказа Ивана Дмитриева от должности попечителя складывалась из нескольких составляющих. Во-первых, живший в Москве и наблюдавший бурную деятельность Муравьева поэт боялся не выдержать конкуренции с бывшим главой округа и таким образом навлечь на себя критику. И заострение внимания на вопросах образованности и количестве известных языков говорит именно об этом. Во-вторых, Дмитриев не был, в отличие от остальных попечителей учебных округов того времени, непосредственным участником подготовки реформы народного просвещения и, таким образом, не обладал знанием о нюансах системы, в то время как законодательство начала XIX века умалчивало о реальном наполнении вводимой должности.

После отказа Дмитриева пост попечителя Московского учебного округа был предложен графу А. К. Разумовскому, который был вызван из отставки и занял попечительскую должность неохотно, «единственно из угождения воле государя», за что был награжден чином действительного тайного советника.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЕРЕПИСКА П. В. ЗАВАДОВСКОГО С И. И. ДМИТРИЕВЫМ О НАЗНАЧЕНИИ ПОСЛЕДНЕГО КУРАТОРОМ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА*

I

П. В. Завадовский – И. И. Дмитриеву

«Милостивый Государь мой Иван Иванович!

Исполняя высочайшую волю Государя Императора, чтобы предложить Вашему превосходительству, не согласитесь ли Вы принять в попече-

⁵ А ими были «молодые друзья императора»: президент Академии Наук Н. Н. Новосильцев (1761–1838, попечитель Санкт-Петербургского учебного округа в 1803–1810 годах), товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский (1770–1861, глава Виленского учебного округа в 1803–1824 годах) и граф С. О. Потоцкий (1762–1829, попечитель Харьковского учебного округа в 1803–1817 годах), а также немецкий писатель генерал-майор Ф. М. Клингер (1752–1831, глава Дерптского учебного округа в 1803–1817 годах) и академик С. Я. Румовский (1734–1812, попечитель Казанского учебного округа в 1803–1812 годах).

* Выражаю искреннюю признательность Т. В. Костиной за дополнительную сверку публикуемых текстов.

ние Ваше как Московский университет, так и все училища подведомого ему округа, я прошу Вас, милостивый государь мой, почтить меня уведомлением о вашем на то расположении, для донесения Его императорскому величеству.

Имею честь быть с истинным почтением
Вашего Превосходительства
покорным слугою

подписал: г<граф> Петр Завадовский
верно: архивариус Билеман

С<анкт> П<стер>бург, Сентября 7 дня
1807

Его пре<восходительст>ву И. И. Дмитриеву].
[Л. 1. Писарская копия.]

II

И. И. Дмитриев – П. В. Завадовскому

«Милостивый Государь Граф Петр Васильевич.

Почтеннейшее вашего сиятельства писание не мог я иначе читать, как с глубочайшим чувством благоговения и признательности к вселюбезнейшему Государю. С душевным усердием готов бы я был посвятить себя столь почтенной и лестной должности, к которой Его императорское величество всемилостивейше благоизволяет предназначать меня, если бы одно усердие могло заменить те сведения и дарования, коих она требует. Но честь и совесть обязывают меня, вопреки собственных выгод моих, искренно представить вашему сиятельству, что я, с тринадцати лет начав служить рядовым солдатом, не мог получить основательного понятия о науках; что я не знаю не токмо ученых языков, даже и новейших, кроме французского, но и на оном не могу изъясняться: а по сим причинам, равно и по давней моей дряхлости, не нахожу в себе достаточной способности быть деятельным и достойным попечителем Московскаго университета и всех подведомых ему училищ.

И так покор[н]ейше прошу ваше сиятельство принять на себя быть органом моей всеподданнейшей и неограниченной благодарности пред священным лицом всемилостивейшаго Монарха и исходатайствовать мне у Его императорского величества сию токмо еще милость, да не вменится

таковая откровенность моя, проистекшая из чистейшего патриотизма, во что-либо другое, и да позволится мне остаться при одном отправлении настоящего служения моего в Сенате, не превосходящего меры моих способностей, и к которому всемилостивейше изъявленное ныне высокомонаршее ко мне благоволение конечно еще более воспламенит и усугубит ревность мою.

С совершенным высокопочитанием и преданностью
имею честь пребыть
Милостивый Государь!
вашего сиятельства
Покорнейший слуга
Иван Дмитриев

Москва
1807
Сентября 16 дня».

[Л. 2–3. Автограф.]



О ПРЕДКАХ И. И. ДМИТРИЕВА

С. Г. Зацаринный

Свои симбирские корни довольно подробно описал в мемуарах племянник поэта Михаил Александрович Дмитриев. Будучи человеком образованным и добросовестным, он использовал не только семейные предания, но и исторические документы, в частности собранные в местных и московских архивах¹. Мы знаем, что прапрадед Ивана Ивановича Семен Константинович Дмитриев был в 1686 году воеводою в Пензе, в 1706-м – в Кашпире, в 1715–1716 годах являлся сызранским комендантом. Участвовал в походах против турок и татар, в ликвидации стрелецкого восстания 1682 года. Получил обширные земельные пожалования недалеко от Сызрани: по берегу Волги и Тишерека. На этих землях Семен Константинович основал несколько сел, в том числе Троицкое, ставшее родиной знаменитого поэта. Сам же построил возле своего села Семеновского на высоком берегу Волги Благовещенский монастырь, где доживал свой век и был похоронен в 1742 году².

У Семена Константиновича было два сына, Яков и Иван. Именно Иван построил при селе Троицком церковь во имя Казанской Божьей Матери, что положило начало образованию села Богородского. Якову было суждено стать прадедом Ивана Ивановича. Он родился в 1675 году, а в 1728-м его супруга Екатерина Ивановна была уже вдовой. М. А. Дмитриев указывает, что в 1727 году Яков Семенович был назначен воеводою в Сызрань³. Ему уже приходилось воеводствовать в этом городе в 1710 году⁴. О дедушке

¹ *Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни / Коммент. К. Г. Боленко, Е. Э. Ляминой, Т. Ф. Нешумовой. М., 1998.

² Там же. С. 512.

³ Там же. С. 29.

⁴ РГАДА. Ф. 870. Оп. 1. № 2.

Ивана Ивановича Гавриле Яковлевиче известно, что он родился в 1713 году, а 6 апреля 1739-го получил чин премьер-майора⁵.

Недавно в Сызранском филиале Государственного архива Самарской области, в фонде Сызранского уездного суда, найдено дело, позволяющее несколько дополнить информацию о предках Ивана Ивановича. Оно касается наследства умершей Авдотьи Гавриловны Карамзиной, в девичестве Дмитриевой, тетки поэта.

В 1770 году овдовевший помещик отставной капитан Михаил Егорович Карамзин (отец Н. М. Карамзина) женился на ней, а в июле 1773 года она умерла, оставив двух малолетних детей, Александра и Марфу. При вступлении в брак брат Авдотьи отставной капитан Иван Гаврилович Дмитриев, отец поэта, выделил ей из родовых владений при пригороде Кашпире на нагорной стороне Волги 400 четвертей пашни с лесом, о чем 16 июня была дана соответствующая запись. По-видимому, имение так и оставалось в управлении брата, так как вскоре после смерти жены 5 мая 1774 года Карамзин подал в провинциальную канцелярию челобитную о наследстве, а 18 июня 1781 года соответствующее дело оказалось во вновь образованном Сызранском уездном суде⁶. По каким-то причинам Иван Гаврилович воспротивился передаче имения в управление зятя, и после смерти последнего 7 ноября 1781 года⁷ оно пролежало без движения до 1806 года, когда было сдано в архив как нерешенное.

В материалах этого дела цитируется определение Вотчинной коллегии от 29 ноября 1742 года о разделе имущества после умершего Семена Константиновича Дмитриева. Его сыновей Якова и Ивана уже не было в живых, и их доли получили сын Якова Гаврила и дочь Ивана Ирина, жена генерал-адъютанта Николая Чемодурова.

⁵ Беспалова Е. К. Род и предки Дмитриева // Симбирский вестник. Ульяновск. 1993. С. 40.

⁶ ГАСО. Филиал г. Сызрань. Ф. 97. Оп. 1. № 35.

⁷ Там же. Ф. 100. Оп. 1. № 19. Эта дата смерти М. Е. Карамзина неоднократно упоминается В. М. Карамзиным в указанном деле из документов дворянской опеки Сызранского уезда («...отец мой капитан Михаил Егорович Карамзин волею Божью помре 7 ноября 1781 года»). Ее установление позволяет не только однозначно подтвердить ранее гипотетичное предположение (см.: Письма Н. М. Карамзина к В. М. Карамзину / публ. В. Э. Вацура // Русская литература. 1993. № 2. С. 84) о том, что М. Е. Карамзин скончался во время первого годичного (с 11 сентября 1781 по 10 сентября 1782 года) отпуска Н. М. Карамзина, но и сделать предположение, что сама просьба об отпуске менее чем через год после вступления в службу была связана либо с ухудшившимся состоянием здоровья М. Е. Карамзина, либо с необходимостью присутствия Н. М. Карамзина при решении вопроса о разделе имущества А. Г. Карамзиной (Дмитриевой).

В 1754 году состоялся полюбовный раздел между вдовой подполковника Гаврилы Яковлевича Марфой Михайловой и ее сыном Иваном, а в 1757 году это уже было оформлено окончательно. Указано, что к тому времени бывшая Дмитриева была замужем за астраханским прокурором Иваном Мартыновым Толстым, а Ирина Чемодурова умерла.

Здесь же отдельной строкой упомянуто наследство после бабки Ивана Гавриловича Екатерины Ивановны, находящееся в селе Ивашевском. Судя по всему, она пережила своего сына Гаврилу, и ей наследовал уже внук⁸.

О Екатерине Ивановне в мемуарах М. А. Дмитриева сказано, что после смерти мужа Якова она построила в селе Троицком каменную церковь, на колокольне которой и провела остаток дней в особой комнатке⁹.

Можно с большой долей уверенности утверждать, что 1754 год и есть дата смерти Гаврилы Яковлевича Дмитриева. Сыну его Ивану было всего 15 лет, и раздел не был оформлен официально. Необходимость этого возникла три года спустя. Именно в 1757 году Иван Гаврилович женился на 17-летней Екатерине Афанасьевне Бекетовой, дочери бывшего симбирского воеводы и сестре фаворита императрицы Елизаветы Петровны.

Дело о наследстве Авдотьи Карамзиной позволяет устранить ряд разночтений, встречающихся в биографиях родственников И. И. Дмитриева. Так, в некоторых изданиях годом смерти Семена Константиновича указан 1725-й. Мы видим, что он не только прожил еще 17 лет, но и оставался полноправным собственником всех своих владений. Приняв датой женитьбы отца Ивана Ивановича 1757 год, мы должны также отказаться и от даты рождения его старшего брата Александра в 1756-м. Тем более что архивные свидетельства подтверждаются воспоминаниями М. А. Дмитриева, утверждавшего, что его дед женился 18 лет отроду на 17-летней девушке. В то же время, он, по-видимому, ошибся, записав, что его дед умер 2 мая 1818 года в возрасте 82 лет¹⁰. Скорее всего, Ивану Гавриловичу было 79.

Он поступил на службу в 1753 году, дослужился до капитана. В 1778 году был назначен воеводским товарищем в Сызрань, а в 1780–1791 годы был там городничим. В 1784 году пожалован званием надворного советника. В 1793–1795 годах был сызранским уездным предводителем дворянства¹¹.

⁸ Там же. Ф. 97. Оп. 1. № 556.

⁹ Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний ... С. 29.

¹⁰ Там же. С. 146.

¹¹ Беспалова Е. К. Род и предки Дмитриева ... С. 41.

Судя по всему, Иван Гаврилович был невысокого мнения о хозяйственных способностях своего зятя, Карамзина. Сам он был человеком очень рачительным, экономным и скуповатым. Видимо, имение сестры оставалось у него в управлении до ее смерти, после которой И. Г. Дмитриев решительно воспротивился переходу доли малолетних племянников Александра и Марфы в руки отца. Впоследствии Иван Гаврилович добился оформления опеки над имением племянников. В Сызранском архиве сохранились опекунские дела¹².



¹² ГАСО. Филиал г. Сызрань. Ф. 100. Оп. 1. № 9–14.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Августин (Виноградский) 101
 Агарев Н. И. *см.* Огарев Н. И.
 Аксаков С. Т. 169
 Александр I 26, 70, 82, 83, 93, 97,
 99–107, 159–162, 187, 189,
 190, 195, 198, 207, 209, 216,
 220–224
 Александр II 203
 Александра Федоровна, императрица
 124
 Алексеев М. П. 121
 Алексеева Н. Ю. 120
 Алопеус Д. М. 190, 210
 Альтшуллер М. Г. 10, 50
 Анакреон 10, 11, 181
 Андреев А. Ю. 178, 220, 221
 Апухтин А. Н. 137
 Аракчеев А. А. 83, 98, 102–104, 106,
 169, 190, 210
 Арбетнот Дж. 30
 Аристарх 41, 86
 Аристотель 181
 Арсеньев В. 95
 Архипов В. А. 15, 131
 Афанасьев А. Н. 70

 Багрянский М. И. 75, 78
 Баева А. 105
 Базанов В. Г. 15, 131
 Байрон Дж. 123, 162
 Бакмейстер Х.-Л.-Х. 129
 Бакунина Т. 66

 Балакин А. Ю. 43, 44, 50, 54
 Бальмонт К. Д. 137
 Барсуков Н. 68, 213, 219
 Батё Ш. 181
 Батюшков К. Н. 16, 59, 60, 63, 65, 88,
 120, 126, 133
 Бауманн Г. 137, 139, 140, 142, 144
 Бауринг Дж. 121, 127
 Бахметев А. И. 103, 104
 Бегичев Д. Н. 172
 Безбородко А. А. 152, 154
 Бекетов А. А. 227
 Бекетов И. П. 22, 76
 Бекетов Н. А. 227
 Бекетов П. П. 22, 36, 45, 46, 54, 70,
 148, 208, 214
 Бекетова Е. А. *см.* Дмитриева Е. А.
 Белинский В. Г. 132
 Белосельский-Белозерский А. М.
 163, 164
 Беляев М. Д. 81
 Бенкендорф А. Х. 170, 205
 Березкина С. В. 207
 Беспалова Е. К. 226, 227
 Бестужев В. Б. 76
 Бестужев-Марлинский А. А. 15, 117,
 131
 Билеман, архивариус 221, 222
 Бирон Э. И. 169
 Бичури Н. Я (Иакинф) 123
 Блудов Д. Н. 17, 19, 197, 211, 212
 Богданович И. Ф. 10, 78, 120, 133

- Боденштедт Ф. 134–136,
138–141, 144
Бодрова А. С. 90
Болдина Е. Г. 95, 96, 99, 100
Болдырев А. В. 206, 218
Боленко К. Г. 66, 225
Боратынский Е. А. 45, 48, 50, 89,
166, 201–203, 213, 216
Борг Г.-Н., фон дер 121, 122
Борг К.-Ф., фон дер 120–128, 133,
134, 138, 143, 144
Борисов П. 202, 214
Борн И. М. 12
Боровиковский В. Л. 146–148
Брайцева О. И. 153
Брауне-Штейнингер В. 137, 138
Броглио А. П. 204, 218
Брут 37
Буало 12–14
Будылина М. В. 153
Буйи 115
Булгаков А. Я. 26
Булгаков Н. 94
Булгаков Я. И. 78
Булгарин Ф. В. 204, 217
Буссе И.-Г. 129
Буше 113–116
- Вальцев, пристав** 191
Варинушкин *см.* Шаликов П. И.
Васильевский С. В. 148
Вацуро В. Э. 7, 9, 11, 17, 19, 43, 44,
46, 51, 57, 67, 80, 81, 98, 113, 217,
226
Вейлер 37
Вейхерт А. 136, 137
Велижев М. Б. 43, 44, 53
Венгеров С. А. 166, 168
Веневитинов Д. В. 44, 45, 53
Веничкин *см.* Шаликов П. И.
Вергилий 215
Верлен П. 117
Верне Г. 209
- Вигель Ф. Ф. 35, 180, 216
Виже Л.-Ж.-Б. 112
Вильгельм Фридрих III 210
Вир И.-И. 8
Витали, лавочник 191, 211
Витберг Ф. 215
Вихман К.-Ф. 157, 159
Вишленкова Е. В. 220
Восейков А. Ф. 14, 15, 45, 50, 51, 120,
122, 123, 125, 132, 133
Волков А. А. 204, 244, 217
Вольпато Дж. 157
Вольтер 30, 127, 218
Воронцов С. Р. 153
Востоков А. Х. 11, 12, 120
Всеволожский Н. А. 160
Второв И. А. 77
Выготский Л. С. 34
Вяземский А. И. 71
Вяземский П. А. 9, 14, 15, 17–19, 27,
35, 38, 44, 46–50, 53, 54, 68, 71,
72, 82, 85–89, 92, 105, 107, 108,
117, 120, 131, 133, 148, 150, 165,
166, 168, 170–176, 179, 181–194,
202, 203, 205, 207, 208, 210, 211,
213–216, 218, 219
- Гааз Ф. П. 170
Галиуллина Р. Х. 220
Гаман И.-Г. 125
Гаррис Г. 135, 136
Гарткнох И.-Ф. (отец) 125
Гартман, издатель 120
Гастклу, литейщик 153
Геллер Л. 117
Геллерт Х.-Ф. 10
Георг III 162
Герасим (Князев) 103, 104
Герасимов, домовладелец 207
Гердер И.-Г. 125, 135
Герень, фабрикант 148
Гершензон М. О. 219
Герцен А. И. 167, 182, 219

- Гёте И.-В. 126, 127, 135, 136
 Гиллельсон М. И. 10, 86, 174
 Гинзбург Л. Я. 18
 Гишар Ж.-Ф. 109–110
 Гишар Л.-М. 157
 Глинка Г. А. 122
 Глинка С. Н. 17, 86, 87
 Глинка Ф. Н. 59, 89, 120, 133
 Гобе П.-А. 111
 Говард *см.* Хогарт У.
 Гоголь Н. В. 174, 202, 211, 214
 Голенищев-Кутузов П. В. 170
 Голенищев-Кутузов П. И. 7, 178, 180
 Голицын Д. В. 202, 215
 Голицын С. П. 153
 Голицына А. М. 208
 Голицына Е. 101
 Головин Н. И. 94
 Головина Н. И. *см.* Куракина Н. И.
 Голохвастов Д. П. 53
 Гомер 10, 48, 53, 169, 179, 181
 Гораций 10, 11, 72, 127, 181
 Горностаев Ф. Ф. 153
 Градова Б. А. 148
 Граммин Н. Ф. 15, 16, 212
 Грассхоф А. 137
 Грассхоф Г. 137
 Греч Н. И. 51, 175
 Григорович В. И. 150
 Григорьев А. А. 117, 137
 Гримм Г. Г. 154
 Грот К. Я. 27, 72, 165, 170, 171, 176
 Грот Я. К. 165
 Грузова П. 97
 Грюнинг У. 137, 139, 140, 142, 144
 Гурьев Д. А. 95, 96, 107
- д'Анже 114
 Давыдов Д. В. 120, 133
 Даль В. И. 102, 211
 Данте 136
 Данченко В. Т. 117
 Дашков Д. В. 197, 200, 211, 212
- Деборд-Вальмор М. 115
 Дегай П. И. 200, 212, 213
 Дельвиг А. А. 19, 51, 216
 Дельвиг А. И. 216
 Демосфен 37, 40
 Державин Г. Р. 9, 11, 14, 16, 32, 33,
 40, 60–62, 78, 120, 122, 126, 130,
 131, 132, 134, 135, 137, 148, 152,
 153
 Державина Е. Я. 152
 Десницкий В. А. 120
 Дидро Д. 71
 Дмитриев А. И. 7, 60, 227
 Дмитриев Г. Я. 225–227
 Дмитриев И. Г. 226–228
 Дмитриев И. С. 225, 226
 Дмитриев М. А. 35, 66, 67, 82, 170,
 207, 211–213, 217, 218, 225, 227
 Дмитриев С. К. 225–227
 Дмитриев Я. С. 225, 226
 Дмитриева А. Г. 226–228
 Дмитриева Е. А. 227
 Дмитриева Е. И. 225, 227
 Дмитриева И. И. 226, 227
 Дмитриева М. М. 227
 Добрицын А. А. 110, 127
 Долгоруков А. И. 183, 207
 Долгоруков И. М. 20, 21, 34,
 120, 207
 Долгоруков П. В. 219
 Дора Л.-Ж. 7, 8
 Дробек 111
 Дубин Б. В. 208
 Дюпре де Сен-Мор Э. 121
- Егоров П. 70
 Екатерина II 26, 52, 71, 128, 130, 162,
 200, 209, 216
 Екатерина Павловна, великая
 княгиня 180
 Екуч У. 121, 126, 131, 133, 138
 Елагин И. П. 12
 Елизавета Алексеевна, императрица 93

Елизавета Петровна, императрица 73
Ерина Н. 105
Ермак 63, 64, 128, 131, 132
Ермолов А. П. 173, 174, 206, 218

Жилле Н. Ф. 155
Жихарев С. П. 11, 157
Жоржель Ж.-Ф. 23 (г. Аббат)
Жуковский В. А. 26, 50–52, 58, 59
65, 81, 82, 88, 89, 120, 123, 124,
126, 133, 157–186, 171, 172, 181,
205, 211, 216, 219

Завадовский П. В. 150, 153,
220–224

Западов А. В. 10
Западов В. А. 69
Зверев, чиновник 98
Зинин В. 55
Змеев Л. Ф. 166
Зоннтаг К.-Г. 125
Зорин А. Л. 72
Зороастр 181
Зубов П. А. 209

Иакинф *см.* Бичурин Н. А.
Иван IV, царь 24
Иванчин-Писарев Н. Д. 46, 52, 53,
70, 72, 81, 85, 86, 89, 90, 117, 166,
171, 204, 209, 217
Иванчина-Писарева Н. С. 72
Измайлов А. Е. 14, 51
Измайлов В. В. 51–54, 80–91, 98
Илличевский А. Д. 54, 120, 133
Ильин А. Я. 74
Ильин Н. И. 88, 98, 108
Ильин-Томич А. А. 17, 19, 210, 219
Иовский А. А. 107, 165–219
Иовский П. А. 168–170

Кайсаров А. С. 122
Кайсаров П. С. 47
Како 115

Камберлен Ж. 163
Кампенгаузен Б. Б. 177
Канкрин Е. Ф. 218
Кант И. 125, 136
Кантемир А. Д. 7, 32, 69, 173, 209
Капнист В. В. 33, 120, 148
Каразин В. Н. 51
Карамзин А. М. 226, 228
Карамзин В. М. 226
Карамзин В. Н. 68
Карамзин М. Е. 226, 228
Карамзин Н. М. 7, 9, 14, 17,
21–23, 31, 32, 35, 37, 40, 43, 44,
51, 52, 54, 62, 63, 68, 70, 73,
75–78, 81–84, 86–91, 96–98, 102,
103, 120, 121, 124–128, 130–133,
135, 178–181, 187, 191, 192,
202–204, 209, 211, 213, 216,
217, 226

Карамзина А. Г. *см.* Дмитриева А. Г.
Карамзина М. М. 226, 228
Карл XII 193
Карлгоф В. И. 181
Карлгоф Е. А. 181
Карно Л. 186, 209
Карпова Е. В. 148, 150, 152, 155
Каткар 52
Каченовский М. Т. 20, 21, 26, 87,
125, 180

Кваренги Дж. 153
Квитка-Основьяненко Г. В. 169, 170
Квятковский А. П. 114
Кетов А. П. 208, 213
Кикин П. А. 94, 101, 103
Кино Ф. 10
Киселев 38
Клейненберг Ф.-К. 122
Клинггер Ф. М. 222
Клобертанц Н. 120
Клопшток Ф.-Г. 153
Ключарев Ф. П. 74
Кнебель К.-Ф., фон дер 126
Княжнин Я. Б. 13, 69, 120, 133

- Козлов В. П. 181
 Козлов Г. И. 152
 Козлятев Ф. И. 108, 191, 211
 Козлятинов *см.* Козлятев Ф. И.
 Козодавлев О. П. 177
 Комарда Т. Г. 87
 Комарова Д. 105
 Константин Павлович, великий князь
 189, 209
 Корнеев А. В. 208
 Коровин В. И. 21, 89
 Королева Н. В. 10
 Костин А. А. 55, 120, 208
 Костина Т. В. 122, 222
 Костров Е. И. 48, 205, 259
 Костюшко Т. 128
 Кочеткова Н. Д. 86, 119, 132
 Кочнева Е. В. 163
 Краснобородько Т. И. 44
 Крез 96
 Крестова Л. В. 218
 Кроль, портной 39
 Кросс Э.-Г. 167
 Крылов И. А. 14, 16–18, 120, 126,
 133, 137, 202, 211, 214, 215, 221
 Крылов М. Г. 161
 Кряжмская И. А. 88
 Кузмичев Ф. С. 185, 202, 208, 214
 Кузнецов В. А. 10
 Кузнецов П. 168, 171
 Кулакова Л. И. 69
 Кумпан К. А. 18
 Купиньи А.-Ф. 114–116
 Куракин А. Б. 146
 Куракина Н. И. 146
 Курочкин В. С. 68
 Кутузов А. М. 74
 Кушников С. С. 98
 Кюхельбекер В. К. 10, 131

 Ла Тай Ж., *де* 114
 Ла Феррандьер, *де* Ж.-А. 111
 Лабзин А. Ф. 67

 Лагарп Ж.-Ф. 181, 202
 Лагутина И. Н. 127
 Лагуш А., *де* 114
 Лафонтен Ж. 7, 9–12, 14–17, 72, 111
 Ле Байи А.-Ф. 112
 Левашева А. П. *см.* Броглио А. П.
 Левашевы 219
 Левек П.-Ш. 10, 118–119
 Левин Ю. Д. 60
 Левкович Я. Л. 15, 131
 Леонид 189
 Леппик Л. М. 125
 Лермонтов М. Ю. 116, 134, 164
 Лион, содержатель маскарадов 39,
 125
 Лихарева, коллежская асессорша 103
 Лобанов М. Е. 16
 Лобанова Л. П. 80
 Лодер Х. И. 206, 218
 Ломоносов М. В. 10, 14, 15, 86, 120,
 125, 126, 131, 133
 Лонгинов М. Н. 74, 77, 78, 126
 Лопухин И. В. 70, 74, 75, 77
 Лопухин П. В. 70, 71
 Лотман Ю. М. 50
 Львов Н. А. 9, 16, 32, 148,
 152–154
 Львов П. Ю. 8, 9
 Лямина Е. Э. 66, 225

 Мавер Ло Гатто А. 117
 Мазепа 193
 Майе 112
 Майков В. И. 10, 69
 Майков П. И. 155
 Макаров М. Н. 213, 215
 Макаров П. И. 11, 12
 Макарова Н. Я. 70
 Макогоненко Г. П. 11, 23, 58, 63, 66,
 67, 69, 110, 112, 131, 132, 140
 Малерб Ф. 10
 Малиновский А. Ф. 75, 108
 Малышева С. Ю. 220

- Манн Ю. В. 174
 Мансини-Нивернэ Л.-Ж. 112
 Мануйлов В. А. 174
 Марин С. Н. 12, 13, 16
 Мария Терезия, императрица 73
 Мария Федоровна, императрица 93
 Мармонтель Ж.-Ф. 119
 Мартин А. 96, 97, 102
 Мартос И. П. 149, 150, 160–162
 Мартынов И. Ф. 77
 Машинский С. 174
 Мейер К.-Ф. 122
 Мерзляков А. Ф. 120
 Мерсье Л. С. 72, 176
 Мещевский А. И. 117
 Микельанджело 157
 Миллер К. В. 69, 73, 74
 Милонов М. В. 120, 150, 212
 Мицкевич А. 44
 Модзалевский Б. Л. 215, 216
 Молчанов П. С. 212
 Мольер Ж.-Б. 10, 12
 Мордовченко Н. И. 88
 Муравьев М. Н. 69, 70, 120, 220–222
 Муравьев Н. А. 69
 Муромцев Д. 148, 170
 Мусин-Пушкин М. Н. 220
 Мюллер Й. 137, 139, 141, 144, 145
 Мюнстер П.-Г. 155, 156

Надеждин Н. И. 202, 215
Напирски К.-Э. 121–123
Наполеон 52, 162, 186, 191, 200, 238, 210, 212
Нахимов А. Н. 198, 212
Невзоров М. И. 75, 77
Нейман И.-Г.-И. (И. Е.) 122
Нелединский-Мелецкий Ю. А. 120
Нестор 201, 213
Нешумова Т. Ф. 66, 225
Николаев С. И. 13, 58
Николаи Ф. 128

Николай I 71, 95, 167, 170, 197, 205, 210, 218
Николай, камердинер 170, 204, 208
Николев Н. П. 120
Никольский, чиновник 196
Ниманн И. 166
Новиков Н. И. 7, 69–74, 77, 78, 188, 209
Новицкий О. 105
Новосильцев Н. Н. 222

Огарев Н. И. 191–193, 211
Одоевский В. Ф. 170
Озеров В. А. 120, 124, 133
Оленин А. Н. 148
Онегин А. Ф. 171
Орлов А. А. 166, 184, 202, 205, 207, 208, 214
Орлов М. Ф. 190, 191, 210
Орлов П. А. 8
Осинина Е. 105
Оссиан 60
Офман Ф.-Б. 126

Павел I 188, 189, 209, 210
Павлов М. Г. 202, 215
Павлов Н. И. 183, 207
Панаев В. И. 48
Панов С. И. 107
Пезе А.-Ф.-Ж., де 111
Перикл 37
Перовский Л. А. 172, 174, 207, 194
Песков А. М. 14, 19, 66, 166, 213
Петинова Е. Ф. 163
Петр I 59, 162
Петрарка Ф. 109, 117–119
Петров А. А. 70, 73, 75, 76
Петров В. П. 32, 41, 120
Петров И. А. 73
Пильпай 10
Пильщиков И. А. 117, 119
Пиндар 10
Писарев А. А. 84, 204, 217

- Писарро Ф. 128
 Пифагор 179
 Пичугин П. М. 103
 Пичугина, генерал-майорша 103–105
 Плавильщиков П. А. 8
 Платен А., фон 135
 Платон 37, 185
 Плетнев П. А. 27
 Погодин М. П. 67, 90, 166, 170, 173, 175, 202, 215, 219
 Подшивалов В. С. 70, 76
 Полевой К. А. 49, 181, 182, 207
 Полевой Н. А. 46, 47, 49, 84, 86, 180–182, 204, 207, 215, 216
 Полежаев А. И. 117
 Полен 115
 Поленов В. А. 72
 Поленов Д. В. 72
 Пономарев С. И. 214
 Поп А. 9, 30
 Попов М. М. 34
 Потемкин Г. А. 32
 Потоцкий С. О. 222
 Прево А.-Ф. 30
 Прозоровский А. А. 71
 Прокопович-Антонский А. А. 75, 76
 Пронина И. 55
 Прохорова И. Е. 87
 Пугачев Е. И. 55
 Пушкин А. С. 17, 18, 37, 38, 50, 51, 60, 63, 65, 87, 89, 90, 114, 117, 120, 126, 133, 134, 137, 159, 163, 174, 181, 184, 201, 202, 205, 207, 213, 216, 219
 Пушкин В. Л. 10, 16–18, 58, 82, 89, 120, 133, 181, 201, 207, 213, 214
 Пушкина А. Л. 43
 Радецкий Р. 136, 137
 Радищев А. Н. 137
 Раевская Н. В. 97
 Разумовский А. К. 177, 180, 222
 Раич С. Е. 19, 87, 202, 215
 Рамлер К.-В. 127, 128
 Расин Ж. 10
 Раух Х. Д. 160, 161
 Рафаэль 157
 Рашетт Ж.-Д. 151–153, 155
 Рейснер Э. 120, 128, 130, 133, 138
 Рейтблат А. И. 166, 208
 Рекке И.-Ф. 121–123
 Рихтер И.-Г. 121, 129
 Ричардсон С. 117
 Рогов К. Ю. 98
 Розанов Ф. Ф. 78
 Розенмюллер К.-Ф. 122
 Розентраух В. И. 191, 211
 Ростопчина Е. П. 115, 117
 Румовский С. Я. 222
 Румянцев Н. П. 155, 157, 218
 Румянцев С. П. 155, 206, 218
 Румянцев-Задунайский П. А. 150–157
 Руссо Ж.-Ж. 30
 Рылеев К. Ф. 15, 131
 Рюрик 163
 Салтыков М. А. 203, 216
 Салтыков М. П. см. Салтыков М. А.
 Салтыков Н. И. 188, 209, 210
 Салупере М. Г. 125
 Сальникова А. А. 220
 Санглен Я., де 177
 Сербеев Д. Н. 216
 Свечин М. М. 106
 Свечина, генерал-майорша 106
 Свинцов П. В. 160, 161
 Свинынь П. П. 46, 159–163, 214, 216
 Северин Д. П. 212
 Северина А. Г. 23, 25
 Сегюр Л.-Ф. 87, 114
 Селивановский С. И. 54
 Семен А. 202, 215
 Серков А. И. 67, 70, 73, 76
 Симон Ш. 115, 116
 Смирнов Я. И. 167
 Снегирев И. М. 47, 214

- Соколов А. Р. 95
 Соколов И. Е. *см.* Соколов И. Я.
 Соколов И. Я. 200, 201, 213
 Соловьев А. Ю. 51
 Соловьев Ф. 103, 104
 Соловьев Ю. И. 166
 Сомов О. М. 89
 Сперанский М. М. 78, 176, 178, 179, 190, 210
 Степанов А. Н. 174
 Степанов В. П. 89
 Степанов Н. 81
 Страхов П. И. 70
 Строганов А. С. 150, 172
 (министр вн. дел)
 Строганов С. Г. 170, 172
 (попечитель моск. уч. округа)
 Сукайло В. А. 17, 43–45, 54, 157, 159, 162
 Сумароков А. П. 10, 12–14, 67, 120, 133
 Сумароков П. П. 120
 Сумброков *см.* Сумароков
 Сурат И. З. 19
 Сухомлинов М. И. 87
 Сучков С. В. 214
 Сушков Н. В. 176
- Тартаковский А. Г. 166
 Тассо Т. 202, 215
 Терновский А. В. 159
 Тибулл 72
 Тит Ливий 17
 Толбугин А. Г. 33
 Толстая М. М. *см.* Дмитриева М. М.
 Толстой А. К. 137
 Толстой И. М. 227
 Толстой Ф. И. 16
 Томашевский Б. В. 114, 117
 Томон Т., де 163
 Тончи С. 150
 Торвальдсен Б. 161
 Тормасов А. П. 93, 96–101, 103, 105
- Третьяков, купец 185, 208
 Трискорни, мраморщики 161, 162
 Тропинин В. А. 163
 Трошинский Д. П. 177
 Трубецкой Н. Н. 74, 78
 Тургенев А. И. 16, 19, 50, 66, 72, 77, 78, 84, 108, 150, 201, 213
 Тургенев И. П. 69, 70, 74, 76, 77
 Тургенев Н. И. 16
 Турегев П. П. 70, 75
 Тютчев Ф. И. 137, 138
- Уваров С. С. 88, 172
 (министр просвещения)
 Удар де ла Мот А. 29
 Ушаков В. А. 86
 Ушакова Н. Н. 166
- Ф**едр 10
 Феокрит 179
 Фет А. А. 137
 Филдинг Г. 30
 Флит В. 137, 139, 144
 Флориан Ж.-П. 14, 15, 58, 89
 Флоридов А. А. 7, 20, 53, 68, 81, 159
 Фольц Ф. 106
 Фома Кемпийский 78
 Фонвизин Д. И. 9, 78, 120, 133, 195, 199, 211, 212
 Фосс И.-Г. 153
 Фотий, архимандрит 190
 Франк О. Е. 162
 Фридрих П. 136, 139
- Харламова А. М. 153
 Хвостов Д. И. 7, 11, 13, 16, 45, 85, 218
 Хвостова А. П. 60
 Хемницер И. И. 9, 10, 12
 Херасков М. М. 10, 13, 67, 69, 74, 77, 78
 Хераскова Е. В. 77, 78
 Хлыстов *см.* Хвостов Д. И.

Хованский Г. А. 120

Хогарт У. 206

Храповицкий 47

Цветаев Л. А. 168

Цезарь 206, 218, 219

Цвяловский М. А. 18

Чаадаев П. А. 37, 207, 215, 219

Чарторыйский А. А. 222

Чеботарев А. Х. 206, 218

Чемодуров Н. 226

Чемодурова И. И. *см.* Дмитриева И. И.

Черейский Л. А. 90, 213

Черкасский А. А. 74

Чертковы 43

Чулицкий В. 215

Чулков В. В. 74

Шаликов П. И. 15, 45–51, 84, 153,
154, 204, 205, 214, 217

Шарапова А. А. 98

Шатров Н. М. 120

Швабен, поручица 106

Шварц И. Г. 75

Шевырев С. П. 176, 215, 216

Шекспир У. 136, 181

Шеллинг Ф. В. 215

Шепелев Л. Е. 177

Шилов Д. Н. 73

Шиммельманы 152

Шишков А. С. 19, 83, 120, 167, 215,
216, 218

Шлецер А.-Л. 129

Шляпкин И. А. 207

Шмидт И. 186, 209

Шолье 37

Шпренгель К. 166

Штелин Я. 129

Шторх Г. 129

Щербатов В. П. 97

Щербатова А. 93

Эверс Г. 125

Эзоп 11, 148

Экштейн Ф., де 181

Энгельгардты 216

Юм Д. 37

Языков Н. М. 117, 123, 212, 214

Яковлев В. И. 44

Яковлев И. А. 167

Яр Т. 191, 211

Assmus A. 124

Bakounine Т. 66

Baumann Н. *см.* Бауманн Г.

Bičurin I. *см.* Бичурин Н. Я.

Blum K. L. 123

Bodenstedt F. *см.* Боденштедт Ф.

Boedeker В. 135

Bonnet J.-C. 176

Borg K. F., von der *см.*

Борг К.-Ф., фон дер

Boucher *см.* Буше

Bouilly *см.* Буйи

Bowring J. *см.* Бауринг Дж.

Braune-Steininger W. *см.*

Брауне-Штейнингер В.

Bunge F. G. 123

Caquot *см.* Како

Castel L. 115

Coupigny A.-F. *см.* Купиньи А.-Ф.

Dahlmann D. 128

d'Angé *см.* д'Анже

De Pezay A. F. J. *см.*

Пезе, де А. Ф. Ж.

Dickinson S. 59, 64

Donat S. 127

Donnert E. 122, 125

Drobecq *см.* Дробек

Dupré de Saint-Maure E. *см.*
Дюпре де Сен-Мор Э.

Ely C. D. 57
Eßmann H. 130, 133, 135

Friedlaender E. 123

Gobet P. A. *см.* Гобе П.-А.
Goebel C. C. 123
Gottzmann C. L. 122
Grasshof A. *см.* Грассхоф А.
Grasshof H. *см.* Грассхоф Х.
Guichard J. F. *см.* Гишар Ж.-Ф.

Hauschild C. 131
Hasselblatt A. 122
Hexelschneider E. 121
Hoffman F.-B. *см.* Офман Ф.-Б.
Hörner P. 122

Jekutsch U. *см.* Екуч У.

Kirchener P. 126
Kleinenberg F. K. *см.*
Клейненберг Ф. К.
Knebel K. F., von der *см.*
Кнебель К.-Ф., фон дер
Kruse F. K. H. 123

La Ferrandière J. A. *см.*
Ла Феррандьер, де Ж.-А.
La Fontaine *см.* Лафонтен
La Taille, de J. *см.* Ла Тай, де Ж.
Latouche H. *см.* Латуш А.,
де Lauer R 127
Laurent de l'Adèche P.-M. 210
Lausberg H. 114
Le Bailly A. F. *см.* Ле Байи А.-Ф.
Leupold H. 159
Levesque P. Ch. 10
Louis-Philippe 114

Mancini-Nivernais L. J. *см.*
Мансини-Нивернэ Л.-Ж.
Marinelli-Kunig G. 128
Martin A. *см.* Мартин А.
Maulde R., de 114
Mayet *см.* Майе
Mercier L. S. *см.* Мерсье Л. С.
Meyer K. F. *см.* Мейер К.-Ф.

Napiersky K. E. *см.* Напирски К. Е.
Napoléon, *см.* Наполеон
Neue, профессор 123
Neumann J. H. J. *см.*
Нейман И.-Г.-И. (И. Е.)

Otto G. 122

Paulin *см.* Полен
Panofsky G. S. 128

Radetsky R. *см.* Радецкий Р.
Rathke M. H. 123
Rammelmeyer A. 129, 130, 134
Recke J. F. *см.* Рекке И.-Ф.
Reissner E. *см.* Рейснер Э.
Richter J. *см.* Рихтер И.
Rosenmüller K. D. *см.*
Розенмюллер К.-Д.

Schmalz H. 124
Scudo P. 114
Séché L. 114
Simon Ch. *см.* Симон Ш.
Struve F. G. W. 123

Vigée J. B. *см.* Виже Л.-Ж.-Б.
Vlieth W. *см.* Флит В.

Walravens H. 123
Walter J. 123
Weiher A. *см.* Вейхерт А.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГА РФ	– Государственный архив Российской Федерации
ГАСО	– Государственный архив Самарской области
ГРМ	– Государственный Русский музей
ГТГ	– Государственная Третьяковская галерея
ГЭ	– Государственный Эрмитаж
ИРЛИ	– Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
ОПИ ГИМ	– Отдел письменных источников Государственного исторического музея
ОР РНБ	– Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ПФА РАН	– Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ	– Российский государственный архив литературы и искусства
РГБ	– Российская государственная библиотека
РГИА	– Российский государственный исторический архив
ЦГИАЛ	– Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ныне РГИА)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Оксана Витальевна Алексеева – кандидат филологических наук, доцент Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Архангельск); автор около 10 научных публикаций.

Область научных интересов: русская литература XVIII – начала XIX века.

Елена Константиновна Беспалова – заведующая научно исследовательским отделом Государственного историко-мемориального музея-заповедника «Родина В. И. Ленина». Автор более 25 научных публикаций, в том числе 1 книги.

Область научных интересов: история русского масонства конца XVIII – начала XIX века (прежде всего симбирского), биографическое литературоведение, история России и регионоведение XVIII–XIX веков.

Алина Сергеевна Бодрова – кандидат филологических наук, ученый секретарь Института высших гуманитарных исследований Российского государственного гуманитарного университета. Автор более 15 научных работ.

Область научных интересов: русская литература первой трети XIX века; творчество Е. А. Боратынского.

Николай Александрович Гуськов – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры истории русской литературы филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, автор 40 научных работ.

Область научных интересов: история русской литературы XVIII–XIX веков, литературное краеведение, история зрелищных искусств, сравнительное литературоведение.

Сара Дикинсон – Ph. D., Professore associato русской литературы и культуры в Университете Генуи. Автор более 15 научных публикаций, в том числе одной монографии.

Область научных интересов: русская литература конца XVIII – начала XIX века, путевые записки, воображение географии, русский ориентализм.

Андрей Александрович Добрицын – сотрудник Сектора славянских языков и культур Университета Лозанны (Швейцария). Автор более 50 научных работ.

Область научных интересов: французо-русские литературные взаимосвязи; русская поэзия конца XVIII – начала XIX века.

Ульрике Екуч – профессор славянского литературоведения Университета им. Ериста-Моритца Арндта в Грейфсвальде (Германия). Автор более 80 научных публикаций.

Область научных интересов: русская литература XVIII–XX веков, вопросы поэтики и литературного перевода.

Сергей Геннадьевич Зацаринный – журналист, краевед (г. Сызрань).
Область интересов – генеалогия сызранского дворянства.

Кира Андреевна Ильина – аспирант кафедры отечественной истории Казанского (Приволжского) федерального университета. Автор более 10 научных работ, в том числе соавтор коллективной монографии.

Область научных интересов: история русских университетов первой половины XIX века.

Елена Вениаминовна Карпова – заведующая сектором скульптуры XVIII – начала XX века Государственного Русского музея, кандидат искусствоведения. Автор более 150 научных публикаций, в том числе одной монографии.

Область научных интересов: изучение и атрибуция произведений русских и западноевропейских скульпторов, а также связей изобразительного искусства и литературного творчества.

Андрей Александрович Костин – кандидат филологических наук, ученый секретарь Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Автор более 40 научных публикаций.

Область научных интересов: история русской литературы конца XVIII – начала XIX века, жизнь и творчество А. Н. Радищева, биографии русских писателей, история их изучения и восприятия.

Наталья Дмитриевна Кочеткова – доктор филологических наук, заведующая Отделом русской литературы XVIII века Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Автор более 300 научных публикаций, в том числе 3 книг.

Область научных интересов: русская литература XVIII века в ее национальном и европейском контексте.

Сергей Игоревич Панов – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы Московского областного педагогического университета. Автор более 60 научных работ.

Область научных интересов: источниковедение истории русской литературы конца XVIII – первой половины XIX века.

Андрей Юрьевич Соловьев – аспирант Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Автор 4 научных работ.

Область научных интересов: русская литература начала XVIII века, творчество В. В. Измайлова.

Петербург в европейском пространстве науки и культуры

Иван Иванович Дмитриев (1760—1837)

Жизнь. Творчество. Круг общения

Литературные редакторы:

Е. С. Коврикова, Е. Ю. Оробец

Техническое редактирование, оформление обложки:

Т. А. Парфеева

Компьютерная обработка, верстка:

Н. М. Сараева

Отпечатано в типографии ПИЯФ РАН

188300, г. Гатчина Ленинградской обл., Орлова роща

Зак. 391, тир. 300, уч.-изд. л. 16,5; 24.12.2010 г.

Формат 60х84 1/16, печать офсетная